

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Москва
ИМЭМО РАН
2013

УДК 327(470)
316.422(470)
ББК 66.4(2Рос)
Внешн 603

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Ответственный редактор – академик РАН В.Г. Барановский

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор П.А. Цыганков
Доктор политических наук, профессор О.П. Иванов

Внешн 603

Внешнеполитические ресурсы модернизации России /

Отв. ред. В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 104 с.

ISBN 978-5-9535-0390-7

Место России в возникающей новой системе международных координат не соответствует наличным ресурсам ее развития: в «стране больших возможностей» за два постсоветских десятилетия не сформировалась институциональная среда и соответствующий задачам развития социальный климат в обществе. Очевидно, что для придания импульса развитию необходимо использовать все возможности, включая «партнерство для модернизации» с другими странами. В рамках доклада серьезное внимание уделено внешнеполитическим ресурсам модернизации России, неоднозначным взаимоотношениям с США, развитию отношений с КНР и перспективам модернизационного партнерства с ЕС. Доклад также затрагивает широкий круг вопросов, связанных с формированием глобальной инновационной системы, в которой Россия должна играть более активную роль. Текст доклада подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ № 11-03-00164а.

Russia's Modernization: foreign policy resources. Russia's place in the emerging new system of coordinates does not match the resources available for its development. The problem here is not the lack of progressive dynamics as such, but the disparity of the development potential and citizens' needs and expectations. Obviously, it is necessary to use all the means, including the "modernization partnership" with other countries.

Serious attention is paid in the book to ambiguous relationship with the United States, to the development of relations with China and to the prospects for modernization partnership with the EU. The final report contains wide range of issues related to Russia's modernization: what are the priorities of Russia's foreign policy in terms of creating conditions for modernization; what is a modern global innovation system, where Russia should play a more active role.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0390-7

© ИМЭМО РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ.....	6
РОССИЯ И США: ПАРАМЕТРЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА.....	26
ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	37
РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ПЕРЕХОД К «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА.....	52
ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ И МЕХАНИЗМОВ «ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ».....	71
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЗАПАДА И ПОВЕСТКА ДНЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ.....	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	100

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XXI века комплекс региональных, институциональных, страновых факторов, а также ситуация в сфере безопасности оказались в общем и целом благоприятны для России. Возникли, казалось бы, все необходимые внешнеполитические и внешнеэкономические предпосылки для форсирования процесса модернизации. В этом смысле полезен оказался даже мировой финансово-экономический кризис, который привел к корректировке международных отношений в сторону большего прагматизма и поиску кооперативных моделей решения проблем. Основные субъекты мировой политики четко осознали, что самые острые проблемы мирового развития, такие как новая финансовая архитектура, энергетическая безопасность, нераспространение ОМУ, противостояние угрозе терроризма, невозможно решить вне контекста совместных усилий и без участия позиции России. Параллельно в рамках российской политической элиты получили самое широкое распространение представления о том, что инновации и модернизация страны – это залог возрождения России, благодаря чему она может занять достойное место в системе международных политических и экономических отношений. Действительно, без модернизации и инноваций Россия воспринимается внешним миром как некий «гибрид рудника и нефтегазовой скважины» с большими амбициями и ограниченными возможностями. Однако за общими разговорами о необходимости модернизации страны, прорыва в новый технологический уклад и т.д. пока не просматривается реальной перспективной стратегии осуществления подобного рывка.

В современном мире ускоряющегося научно-технического прогресса (НТП) постоянно расширяется география распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Экономический успех и самые передовые научные достижения становятся по силам государствам, ранее безусловно относившимся к числу стран т.н. «третьего мира» и характеризовавшимся периферийностью, отсталостью, зависимостью и нестабильностью. Ряд стран Восточной и Юго-Восточной Азии, прежде всего такие как КНР, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия, за сравнительно короткий по историческим меркам период добились впечатляющих экономических успехов. Они приняли, адаптировали и довольно эффективно использовали западные экономические, производственные, технологические и организационные методы и структуры, вписались в сформировавшуюся глобальную инновационную систему.

Национальные инновационные процессы и политика, а также тенденции международного сотрудничества и кооперации в сфере инноваций, науки и технологий приобретают ключевое значение для национальных и международных политико-экономических процессов. Основные тренды развития НТП отмечены не только ускорением прогресса в отдельных областях, но и конвергенцией различных технологий (информационных, биологических и т.д.), что способно революционно поднять уровень жизни людей и, в сочетании с эффективными методами производства, развитием энергетики, транспортной инфраструктуры, выдвинуть в число передовых новые страны (прежде всего Китай, Индию). Для России это означает отсутствие альтернативы социально-экономической модернизации страны. Точнее альтернатива выглядит весьма жестко. *Переориентация, в т.ч. посредством более активного включения в международное разделение труда, на интенсивный и инновационный путь развития или маргинализация.*

Поскольку в литературе по проблеме существует более 100 самых разных определений понятия «модернизация», авторы доклада сразу отмечают, что не пре-

тендуют на исчерпывающий и универсальный характер определения, присутствующего в докладе. Под модернизацией здесь понимается приведение организационных форм экономики, национальной инновационной системы, политики, общественной жизни и госуправления, а также используемых в этих сферах технологий в состояние, максимально приближенное к уровню лидирующих по объективным показателям стран мира.

Представленный доклад аккумулирует результаты исследования, проведенного в 2011-2012 гг. под эгидой Российского гуманитарного научного фонда. Разумеется, в его рамках невозможно было охватить все явления и процессы современного «турбулентного» и все более полицентричного мира. Авторы сосредоточили внимание на главном – модернизационных перспективах России при взаимодействии с ведущими центрами силы современного мира, механизмах глобального управления и включения России в глобальный инновационный процесс как факторах российской модернизации. Доклад подготовлен авторским коллективом сотрудников ИМЭМО РАН:

Раздел «Российская модернизация и тенденции развития информационно-технологической сферы» написал к.полит.н. И.В.Данилин.

«Россия и США: параметры избирательного партнерства» – к.полит.н. Э.Г.Соловьев.

«Возможности модернизации в контексте российско-китайского сотрудничества» – д.э.н. А.Н.Федоровский.

«Россия и Европейский союз: переход к «новой нормальности» и проблемы формирования устойчивого стратегического партнерства» – д.э.н. Б.Е.Фрумкин, к.полит.н. И.Я.Кобринская.

«Интересы России в области формирования принципов и механизмов глобального управления» – д.полит.н. Ф.Г.Войтоловский.

Социально-политические трансформации в странах Запада и повестка дня российской модернизации – д.полит.н. И.С.Семененко.

Заключение – академик РАН В.Г.Барановский.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Научно-технологический прогресс (НТП) выступает в наше время движущей силой мирового развития и фактором формирования и структуризации глобальных процессов. Воздействие НТП на самые разные сферы человеческой деятельности трудно переоценить. В наиболее развитых странах возникла принципиально новая форма организации экономики – национальные инновационные системы (НИС), которые стали основным фактором развития и лидерства.

При этом все более важную роль в данном процессе начинают играть гражданские инновации. Они обеспечивают экономическую мощь, социальное развитие, начинают структурировать и переформатировать социальное и культурное пространство (Facebook, Twitter, профессиональные сети, специальные сайты субкультур и т.д.). Все сильнее влияют они и на оборонные возможности. Ведь в последние десятилетия процесс трансфера технологий между военным и гражданским секторами стал двунаправленным, так что сплошь и рядом уже гражданские нововведения в сфере материаловедения, электроники, авиастроения, космических программ и пр. укрепляют военный потенциал. В итоге, потенциал государства определяется инновациями и гражданскими высокими технологиями не в меньшей мере, чем военной мощью.

Следствием быстрого роста наукоемкости и инновационности мировой экономики стало выстраивание новой системы экономических отношений, основанных на инновационных и научно-технологических взаимосвязях. В этой новой системе внешне мы наблюдаем воспроизведение вполне узнаваемого по мир-системным исследованиям многоуровневого миропорядка построенного на основе функционального обособления центра и периферии. Он вполне адекватно описывается хорошо знакомыми отечественным исследователям терминами центр-полупериферия-периферия.

В воображаемом центре находится ядро системы, сконцентрировавшее основные ресурсы и потенциал в сфере науки и технологий. Функция стран центра заключается в создании и реализации новых ключевых знаний и технологий, прежде всего т.н. «подрывных» (англ. «disruptive», т.е. обеспечивающих создание новых отраслей и рынков) технологий. Управление ключевыми технологиями позволяет этим странам выступать в роли системного интегратора глобальных процессов со всеми вытекающими из этого преимуществами.

На данный момент «осевой» страной мира, своего рода «центром центра» в научно-технологическом плане, бесспорно, являются США. Причем США стараются нарастить отрыв, постоянно увеличивая вложения в НИОКР и ключевые направления развития¹. Другими элементами Центра системы являются государства Западной Европы и Япония, выполняющие ту же роль, что и США, однако на менее масштабном уровне.

Ступеньку ниже в этой системе занимает полупериферия первого порядка, которая формируется такими быстро растущими и наиболее продвинутыми в технологическом отношении странами, как КНР, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Индия, частично Бразилия, чьи функции связаны с созданием определенного объема новых «поддерживающих» технологий (в т.ч. так называемых высоких технологий), а также обеспечением массового производства наукоемкой продукции («фабрики мира»).

---

¹ См. например: Глобальная трансформация инновационных систем / Отв. ред. Н.И. Иванова. – М.:ИМЭМО РАН, 2010.

За «молодыми лидерами» плотно следуют страны полупериферии второго порядка, занимающиеся исключительно производством и ассоциированной деятельностью – от отверточной сборки до более сложных функций, и пока почти лишенные собственной креативной (творческой) функции в системе: Вьетнам, Индонезия, Малайзия и иные.

Периферия из числа прочих развивающихся стран либо выполняет роль поставщиков ресурсов и чистых потребителей результатов НТП, либо вообще оказывается фактически исключенной не только из НТП, но и из процессов глобализации (например, т.н. «несостоявшиеся», «падающие» и т.п. государства).

Однако, несмотря на формальную узнаваемость вышеописанной центр-периферической структуры системы, благодаря свойствам НТП ее функционирование и характер внутренних взаимодействий отличаются существенным своеобразием. Этим обуславливается специфика воздействия НТП на динамику и тенденции развития системы международных отношений. А воздействие это весьма диалектично.

С одной стороны, мы наблюдаем «консервативное» влияние НТП, закрепляющего сложившийся status quo и поддерживающего существующую иерархию центр-периферических отношений. Ведущие державы «центра» остаются держателями и создателями наиболее важных знаний и технологий (военных и гражданских), сконцентрировали на данных приоритетных задачах огромные ресурсы, что обеспечивает им мировое лидерство – как производную от экономической мощи, военных возможностей и «мягкой» силы. Несмотря на явный рост роли и значения развивающихся стран в целом ряде важнейших технологических отраслей, резкое расширение географии промышленного производства (в 2009 г. впервые развивающиеся страны и государства с переходной экономикой превзошли развитые страны по объемам промышленного производства²) ситуацию в целом это не меняет. Причем за счет опережающих вложений в НИОКР, сосредоточения на ключевых направлениях современных науки и технологий (био-, нано-, ИКТ и т.д.)³, привлечения лучших умов со всего мира, страны «центра» стремятся даже увеличить разрыв, перейдя в новый технологический уклад.

С другой стороны, существенна и «революционизирующая» роль НТП. Благодаря расширению географии научно-технологического прогресса, развитию науки и глобальной диффузии технологий мы наблюдаем формирование новых центров силы, таких как Китай, Индия, менее явно Южная Корея и т.д., которые начинают воздействовать на региональный, международный и даже глобальный уровни мировой политики, придавая ей качество полицентричности. За счет собственных и заимствованных технологий растет их экономическая мощь, быстро увеличивается «жесткая сила» (достаточно напомнить масштабные программы развития вооруженных сил КНР, Индии и иных стран⁴). При этом возникают и новые ограничения на реализацию лидерства государств Центра – взаимозависимость экономик, логистических цепочек высокотехнологической продукции ТНК и т.д. делают конфликты все менее вероятными. Та же ситуация взаимозависимости приводит к парадоксальному росту влияния формально полупериферийных стран даже на глобальных лидеров. К примеру, огромное сосредоточение в Китае высокотехнологических производств американских компаний дает КНР дополнительные возможности воздействовать на политику Вашингтона. А новые ИКТ-возможности позволяют в растущей степени ис-

---

² Приписнов В. Мировая экономика: неустойчивый рост на пороге реформ и структурных сдвигов // Год планеты. Вып. 2010 г. М., Идея-Пресс, 2011, С.19.

³ См.: OECD Science, Technology and Industry Outlook 2010. Paris: OECD, 2010

⁴ См. подробнее: Ежегодник СИПРИ 2009 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН. Отв. ред. – А.Г. Арбатов. М., ИМЭМО РАН, 2010.

пользовать имеющийся потенциал «мягкой силы»: достаточно вспомнить Пекинскую олимпиаду 2008 г., ставшую в данном отношении «моделью» для подражания.

Формально, мы наблюдаем логические противоречия между разнонаправленными «консервирующей» и «революционизирующей» ролями НТП. Как можно сохранить лидерство «Центра» в условиях роста новых «молодых» экономик, и как последние смогут радикально усилить свои позиции, если Центр сосредоточил ключевые ресурсы и продвигается к следующему технологическому укладу? Если их интересы разнонаправлены, почему мы не наблюдаем более выраженных конфликтов, а, напротив, взаимодополняемость и взаимосвязанность развития – даже в период глобального кризиса и посткризисной рецессии⁵?

На самом деле, никакого противоречия здесь нет.

Прежде всего, тренды глобального развития и лежащие в их основе научно-технологические процессы достаточно четко структурированы на основе своего рода «разделения» ролей в рамках глобальной инновационной системы. Начиная с 1970-1980-х годов идет «мягко» регулируемый процесс вывода всех «второстепенных» функций в сфере производств и технологий – исключая науку – за пределы развитого мира. Это позволяет развитым странам сосредоточиться на наиболее передовых направлениях развития перед лицом массы подражателей и конкурентов, при этом существенно снижая стоимость решений и производств, вынесенных вовне «Центра» (в полном соответствии с концепциями «обедняющего роста»). При этом, интернационализируя свои инновационные системы и стимулируя расширение географии мирового развития, развитые страны получают доступ к глобальному пулу кадровых и материальных ресурсов, а также к новым рынкам, испытывающим потребность в их продукции и услугах. Т.е. «жертвуя» целыми отраслями, рабочими местами и частью технологического потенциала в пользу внешних игроков, наиболее развитые страны фактически обеспечивают себе возможность сконцентрироваться на роли лидеров мировой политики и системных интеграторов мировой экономики. И как показывает пример Китая, Южной Кореи, Индонезии, Бразилии и иных стран, реализуя эту стратегию наиболее развитые страны готовы идти достаточно далеко, передавая на аутсорсинг старые, создавая новые производства или даже позволяя формировать новые центры компетенций в таких сферах, как полупроводниковые компоненты и системы, компьютерная техника и иная ИКТ-продукция. Кроме того, широкая география современного развития порождает феномены «обедняющего роста», когда конкуренция между полупериферийными державами за рынки и технологии снижает их выгоды и цену их «системных функций» для стран Центра – одновременно обеспечивая дополнительный контур контроля странам Центра (возможности поддержки развития тех или иных стран/групп стран в противовес прочим).

Но истинная ценность сложившейся системы отношений в том, что за счет свойств НТП обеспечивается высокий динамизм миропорядка при относительной его бесконфликтности. В случае, если бы ситуация оставалась статичной и все страны были обречены на сохранение определенных позиций при неизменности «эксклюзивного» лидерства государств Центра, это рано или поздно должно было бы вызвать кризис системы международных отношений – что и случилось в свое время с колониальной системой. Теперь же за счет «управляемой» диффузии технологий и возможностей глобальной экономики у различных стран мира всегда есть шанс на изменение своего положения в мировой таблице о рангах без системных конфликтов и связанного с ними перенапряжения сил. Причем речь идет не об «инкрементальных» подвижках, но о росте вплоть до вхождения в элитный клуб «золотого миллиарда», со всеми его политическими и геополитическими привилегиями. Как показы-

---

⁵ Подробнее про кризис и антикризисные программы см.: Мировой опыт антикризисной политики: Уроки для России. / Отв. ред. С.А.Афонцев, Н.И.Иванова, И.С.Королев. М.: ИМЭМО РАН, 2009.

вает опыт Японии 1960-1970-х годов, процесс расширения «клуба» глобальных лидеров хоть и не вызывает восторгов, но при определенных условиях принимается как данность.

Эта новая «мягкая» вертикальная мобильность сглаживает существующие противоречия и стабилизирует систему в целом, увеличивая ее адаптивность и придавая ей дополнительную гибкость. Более того, можно утверждать, что она является необходимым условием развития и жизнеспособности системы в целом. Безусловно, реализация подобной стратегии всегда несет в себе для стран Центра риск утраты управляемости системы и утери лидерства, однако риски, ассоциированные с альтернативными стратегиями еще выше, что и показал опыт функционирования биполярного мира, в т.ч. вышеуказанный пример колониальных держав.

При этом «революционирующий» эффект НТП системно ограничен. Для того чтобы гарантировать сохранение позиций стран-лидеров, созданы разнообразные механизмы научно-технологического взаимодействия, обуславливающие усиление взаимозависимости ключевых игроков и стран-«претендентов». Это и торгово-инвестиционные связи (включая трансферт овестьствованных технологий и интеллектуальной собственности, создание сложных производств и т.д.), технологические партнерства и «глубокие» научно-технологические альянсы. Вступая в подобные отношения, страна-донор автоматически привязывает к себе реципиента за счет уникальности своего научного или технологического предложения, а равно и сложной системы сугубо технических взаимосвязей, начиная от поставок запчастей или пост-продажного сервиса и заканчивая техническими стандартами и сложными технологическими услугами по модернизации, а также совместной научной работой по значимым направлениям исследований. Однако всегда остается некоторая вероятность появления некой «подрывной» технологии, которая позволит странам-претендентам выйти за существующие системные рамки, получив стратегические преимущества над конкурентами из лидирующей группы.

Место США в глобальных инновационных процессах: безоговорочный лидер или *Primus inter pares*?

Наиболее ярко и значимо все вышеуказанные процессы проявляются на примере Соединенных Штатов Америки.

На протяжении последних 50 лет роль и место США в глобальных инновационных процессах постоянно менялась. До конца 1970-х годов неоспоримый лидер инновационного развития (не считая области соперничества с СССР в фундаментальной науке и военном деле, где конкуренция носила равный характер), затем держава, терпящее поражение в конкуренции с Японией в сфере компьютерной техники и производстве промышленных роботов, затем вновь лидер – на этот раз «цифровой эры», к концу 2000-х годов США вновь оказались перед вызовом глобального лидерства и конкурентоспособности. Однако в отличие от прошлых периодов современный вызов носит более комплексный характер.

Во-первых, заметно расширилось само поле конкуренции и пространство развития мировой экономики.

Сохраняются и даже интенсифицируются усилия Японии и стран Западной Европы по увеличению наукоемкости и инновационности своих экономик, развитию собственных центров научно-технологических и инновационных компетенций. Своего рода знаком и метафорой этих усилий является стратегия создания «Инновационного союза» в ЕС и цель увеличить расходы на НИОКР европейских стран до 3% ВВП. Следствия очевидны. Несмотря на то, что в период бурного роста информационно-коммуникационных технологий в 1990-е годы (т.н. «новая экономика» или «интернет-

экономика») возникло ощущение нарастающего «разрыва» в развитии между США и другими постиндустриальными странами, вопрос о конкуренции США с этими традиционными центрами экономической силы, как минимум, сохранился в повестке дня.

Что не менее важно, с 1980-2000-х годов идет процесс превращения развивающихся стран в глобальные хабы сложных технологических производств. И Соединенные Штаты вытесняются со многих важнейших рынков. Начав с простых «отверточных» производств, уже в 1990-е годы сначала т.н. «азиатские тигры» (Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Гонконг), затем Индия, Китай, а с 2000-х годов и новая когорта молодых экономик (Бразилия, Индонезия, Малайзия, Вьетнам и т.д.) заявили о себе как о значимой силе в сфере техники и технологий⁶. Причем если изначально развивающиеся страны (прежде всего, Азиатско-Тихоокеанского региона) позиционировались как почти исключительно производители электроники и полупроводникового оборудования, систем и компонентов, то теперь КНР и Бразилия превращаются в значимых производителей и экспортеров энергетических (в т.ч. в сфере альтернативной энергетики) и авиакосмических систем, Индия – информационно-коммуникационных (ИКТ), фармацевтических и биотехнологических продуктов.

Во-вторых, вызов американскому лидерству формируется и в сфере НИОКР и инноваций, где компетенции как традиционных, так и новых центров экономической силы заметно возросли.

В сложившейся ситуации вопрос о конкурентоспособности Америки, ее роли и месте в глобальной инновационной и экономической системе стал звучать принципиально по-другому. Фактически, создается ощущение частичной или полной утраты Соединенными Штатами управления развитием и глобальной конкурентоспособностью.

Оценки экспертов довольно драматичны. Ранее в худшем случае речь шла о потере США позиций на рынках традиционной промышленной продукции и «утечке» соответствующих производств, а также о проблемах конкурентоспособности в некоторых среднетехнологических (автомобилестроение и т.п.) и отдельных высокотехнологических (персональные компьютеры, офисная техника и т.п.) отраслях. При этом в масштабе экономики и мировой экономической системы Соединенные Штаты однозначно выигрывали борьбу с конкурентами в сфере наиболее передовых технологий и инноваций, в т.ч. так называемых «подрывных» – как в случае с ИКТ в 1990-е годы. Теперь же, если говорить о перспективе, и инновационно-технологическое лидерство США оказывается под вопросом, создавая неопределенность в отношении способности поддержать экономико-технологический отрыв Соединенных Штатов от остальных держав.

Признаки этого процесса налицо. Помимо массового «вымывания» многих технологичных производств и связанных с ними рабочих мест, наблюдается падение доли Соединенных Штатов в структуре производства и экспорта высокотехнологической промышленности. С 1995 по 2008 гг. в структуре глобального экспорта она снизилась с 21% до 14%⁷. В результате, из крупнейшего экспортера высокотехнологической продукции США с 1998 г. превратились в ее основного нетто-импортера. Даже в кризисном 2008 г. торговый дефицит составил 119 млрд.долл.⁸ Основной статьей импорта остаются ИКТ-системы, а основным конкурентом – КНР. Импорт из Китая после вступления его во Всемирную торговую организацию стал расти галопирующе.

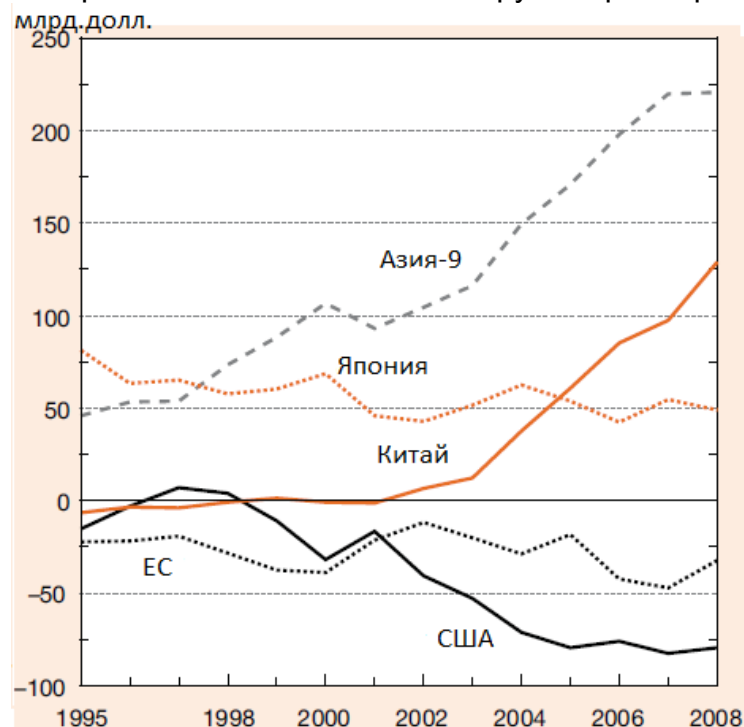
⁶ См. о стратегиях и процессах роста наукоемкости развивающихся стран в рамках глобальной мирохозяйственной системы: Эльянов А. НТП и экономическая политика на периферии мирового хозяйства // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №4; Jaruzelski B., Dehoff K. Beyond Borders: The Global Innovation 1000 // Issue 53, Winter 2008. Booz&Company, 2008. URL: <http://www.booz.com/media/uploads/Beyond-Borders-Global-Innovation-1000.pdf> и др.

⁷ Science and Engineering Indicators 2010. Wash.: National Science Board, 2010. P. 10-16

⁸ Ibid.

щими темпами. Однако тренд ухудшения торговых балансов становится выраженным и по другим категориям оборудования и товаров.

Рис. 1. Торговые балансы основных групп стран и регионов

Нет никаких сомнений в том, что современные тенденции сохранятся и на перспективу или даже станут еще более выраженными. И главной причиной тому – прежде всего опережающее формирование в развивающихся странах потенциала и компетенций в сфере научных исследований, технологических и, главное, инновационных работ (при сохранении постоянного и стабильного конкурентного «давления» со стороны традиционных экономико-технологических центров).

В данном отношении наблюдается все более выраженный тренд. С начала середины 1990-х годов в развивающихся странах стали формироваться центры НИОКР. Растут как собственные организации НИОКР, так и разработческие центры крупнейших транснациональных корпораций (ТНК). В целом развивающиеся страны, благодаря низкой стоимости интеллектуальной рабочей силы, большому числу квалифицированных кадров, близости к массовым технологическим производствам, большим рынкам и иным факторам, становятся все более желательной локацией проведения НИОКР⁹.

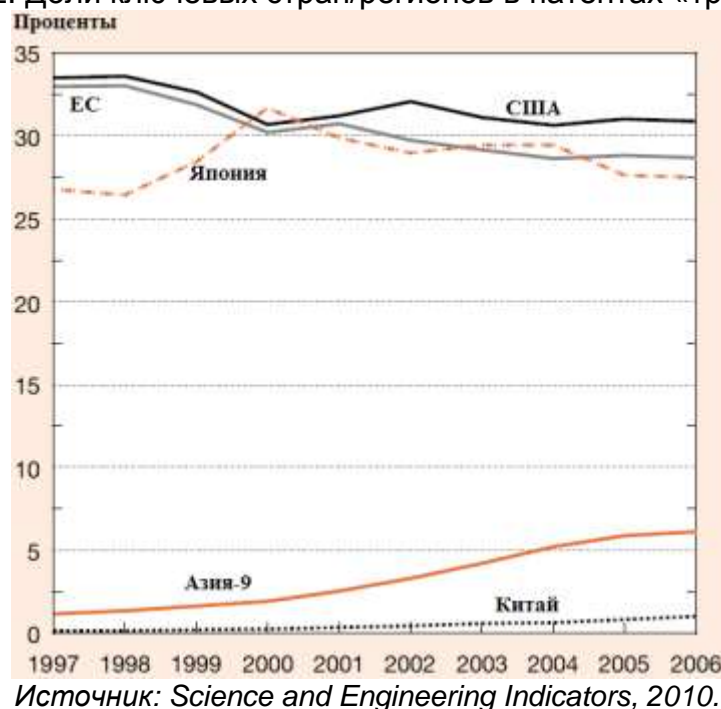
Рост собственного инновационно-технологического потенциала развивающихся стран, появление в них центров компетенций глобального уровня привел к возникновению глобальных же технологических компаний, т.е. был эффективен с инновационной точки зрения. Такие корпорации, как «Samsung», «LG», «Acer», «Huawei Technologies», «Asus», «Embraer» и т.д. превратились в настоящих флагманов мировой индустрии. В инновационно-технологической части на это вполне адекватно указывает рост принадлежащих им числа т.н. патентов «триады»¹⁰ (см. Рис. 2).

⁹ См., например: World Investment Report 2005: Transnational Corporations and the Internationalization of R&D. Overview. United Nations Conference on Trade and Development // Transnational Corporations. Vol. 14. №3. December 2005. URL: http://www.unctad.org/en/docs/iteit20059_en.pdf.

¹⁰ Наиболее ценные патенты, зарегистрированы всеми тремя соответствующими ведомствами США, ЕС и Японии.

Усиливается и научный потенциал развивающихся стран – залог долгосрочного развития и возможности формирования технологического лидерства. Ясным свидетельством этого процесса является рост числа научных статей из КНР и других развивающихся стран (см. Рис. 3).

Рис. 2. Доли ключевых стран/регионов в патентах «триады»

При этом постепенно происходит трансформация накопленного научно-технологического и бизнес-потенциала в потенциал инновационный, т.е. качественное преобразование системных характеристик стран полупериферии.

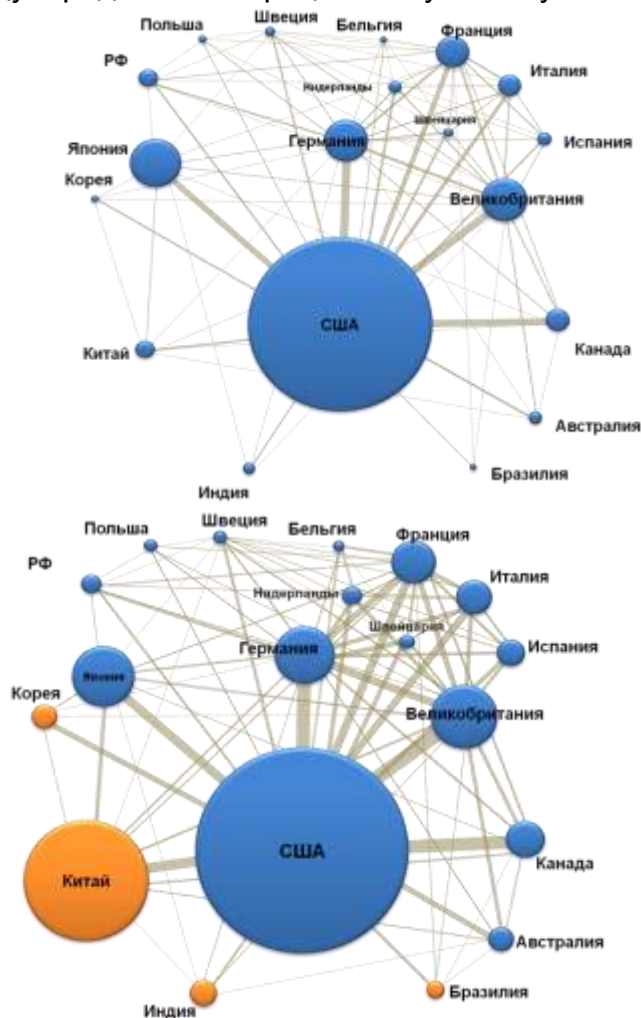
Как известно, традиционно рынки развивающихся стран характеризуются скорее имитационными решениями и ценовой конкуренцией. Этот факт является производным от слабости инновационных компетенций и потенциала экономики. В настоящее время дефицит способности производить собственные (*endogenous*) инновации компенсируется более сложными имитационными моделями (переход от копирования технологий к копированию идей и дизайнов, реверсивному инжинирингу и т.д.), а также выносом инновационных функций в наиболее развитые страны – в логике открытых инноваций. Так, Южная Корея и КНР создают технологические и дизайн-центры в США и странах Западной Европы¹¹. Однако, во-первых, процесс трансфера компетенций уже приносит определенные плоды, а во-вторых в самих НИС развивающихся стран формируются и собственные инновационные компетентностные хабы. Индикатором этого процесса служит то, что Китай, частично Индия, в меньшей мере ряд других развивающихся стран становятся привлекательным объектом венчурных инвестиций и значимыми центрами инновационной деятельности¹². И хотя пока что речь не

¹¹ См., например: OECD Reviews of Innovation Policy. China. Synthesis Report. Paris: OECD, 2007; Си Чжин Чанг. Sony против Samsung. М.: Эксмо, 2009.

¹² Global trends in venture capital 2009 global report. Deloitte. 2010. URL: http://www.deloitte.com/assets/Dcom-Global/Local%20Assets/Documents/tmt_2009vdsurvey.pdf; U.S. Venture Capital Industry Expected to Shrink While Emerging Markets Grow: Deloitte, NVCA Study. http://www.deloitte.com/view/en_US/us/Insights/browse-by-role/media-role/a8e40f2f800d9210VgnVCM200000bb42f00aRCRD.htm; 2010 Global Trends in Venture Capital: Outlook for the Future. Deloitte. 2010. URL: http://www.deloitte.com/assets/Dcom-UnitedStates/Local%20Assets/Documents/TMT_us_tmt/us_tmt_VC2010Global%20Trend_160910.pdf

идет о формировании по-настоящему глобально конкурентных венчурных кластеров, а, скорее своего рода аутсорсинге «простых» венчурных решений, процесс имеет огромное значение и является предзнаменованием формирования в соответствующих странах полноценных национальных инновационных систем.

Рис. 3. Доли и связи разных стран (1998 и 2008 гг.) в научных статьях и международной кооперации в научных публикациях

Источник: *Measuring Innovation: A New Perspective*. Paris: OECD, 2010.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что с формальной точки зрения происходящие процессы делают перспективы лидерства США крайне зыбкими, а основу их развития на долгосрочную перспективу – неопределенной. Опять же с формальной точки зрения за США сохраняется некая ниша в части создания инноваций, новых знаний и технологий – по крайней мере, в силу масштаба американской инновационной системы. Но ни о каком лидерстве или отрыве как системном явлении говорить в долгосрочной перспективе уже не приходится. «Поляна» инновационных рынков и процессов становится слишком тесной, тогда как сила конкурентов возрастает.

Преждевременные хлопоты

Между тем, эта почти шпенглеровская картина «заката США» не учитывает нескольких весьма важных моментов. Если отвлечься от формальных количественных показателей и сосредоточиться на анализе качественных параметров амери-

канского сектора науки и высоких технологий, выяснится, что хотя американское лидерство и подверглось эрозии, США сохраняют, а местами увеличивают разрыв в развитии с иными государствами и регионами.

Если говорить о науке и кадровом потенциале, то при всех несомненных достижениях развивающихся стран, доля американских публикаций от общего числа наиболее часто цитируемых научных статей (1% от всех публикаций в периодических научных изданиях) и по сей день составляет 48,8% (!), что вполне адекватно отражает реальную ситуацию с глобальным распределением интеллектуальных ресурсов и потенциалов.

Аналогичным образом, качество американского кадрового потенциала (включая иммигрантов) много выше, чем в других странах, особенно развивающихся. Так, хотя КНР уже выпускает большее число инженеров, чем США, и быстро догоняет Америку по числу подготовленных научных работников, согласно экспертным оценкам лишь 20% китайских работников сферы ИР соответствуют уровню западных стран¹³. При этом значительное число лучших китайских инженеров, ученых и иных работников ИР в конечном счете оказывается или в самих США, или в американских (и других западных) ТНК.

Абсолютно симметричная картина наблюдается при анализе ситуации на мировых рынках высоких технологий. Во-первых, немалая часть технологического роста развивающихся стран – заслуга американских же ТНК, локализовавших здесь свои производства, продающих или передающих патенты и лицензии местным производителям или покупающим здесь комплектующие.

Но важнее другое. США являются родиной наиболее важных инноваций и страной, обеспечивающей ключевые инновационные функции и процессы в глобальной экономике – т.е., по сути, глобальным технопарком и акселератором. Истинная картина их современной роли в мировой экономике выявляется при анализе данных о добавленной стоимости, произведенной в секторе «хай-тек». Если использовать этот показатель, то выяснится, что даже при чудовищном ослаблении позиций в торговле высокотехнологическими и иными *товарами*, США остаются безусловным чемпионом мировых рынков. Их доля в структуре произведенной добавленной стоимости сектора промышленных высоких технологий (2008 г.) составляет устойчиво около 31%, в сегменте наукоемких услуг – 34%¹⁴, опережая показатели и ЕС, и Японии, и азиатских «тигров». США занимают первое место по числу патентов «триады», причем, что важно, после падения в период до 2000 г., уже почти десятилетие доля американских патентов не снижается (см. Рис. 2).

Более того, на ключевых рынках наукоемких услуг и нематериальных активов США не просто являются мировым лидером, но и увеличивают отрыв от конкурентов. Так, за период 1997-2007 гг. доля США в структуре глобальной произведенной стоимости в сфере наукоемких услуг выросла на 2% – значительная цифра, учитывая появление новых и усиление «старых» конкурентов. Несмотря на дефициты по торговле товарами «хай-тек», положительное сальдо баланса по торговле наукоемкими услугами также увеличилось с 1995 по 2007 гг. с 21 до 50 млрд. долл. Не менее убедительная картина наблюдается и в сфере торговли нематериальными активами, включая платежи по патентам, лицензиям, программное обеспечение и т.д. (по-

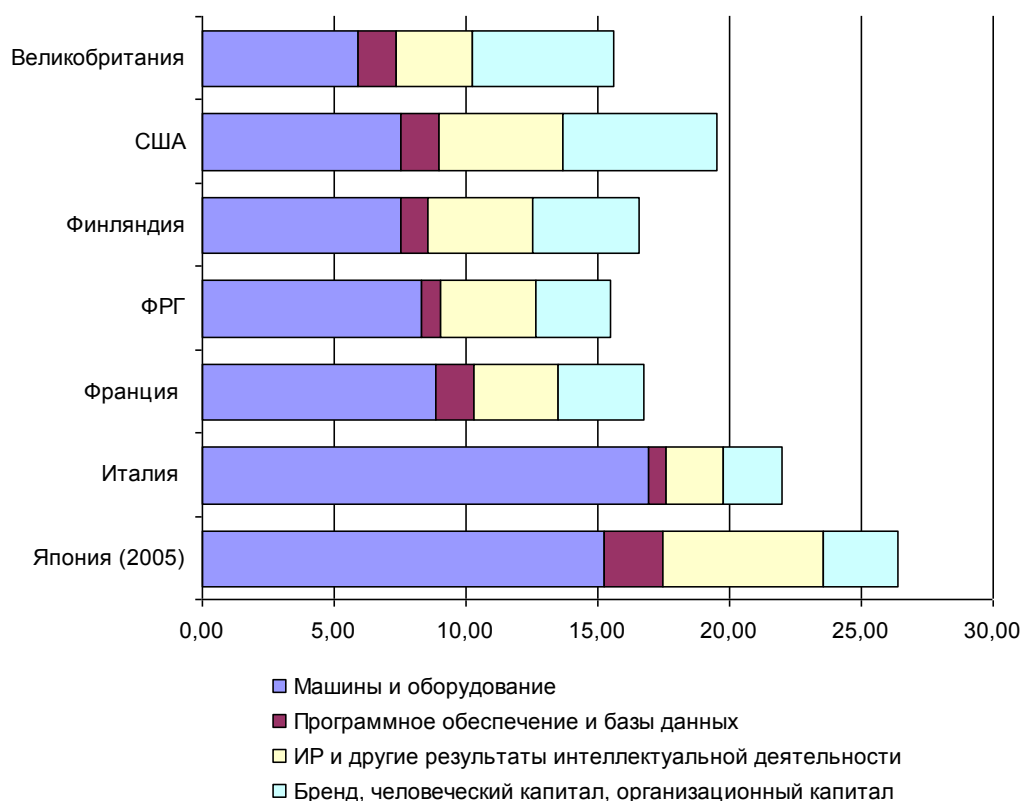
---

¹³ См. Hira R., Ross P.E. // R&D goes global. IEEE Spectrum. Nov. 2008; Simon D., Cao C. China's emerging science and technology talent pool: a quantitative and qualitative assessment. The Neil D. Levin Graduate Institute of International Relations and Commerce State University of New York, USA. <http://www.levininstitute.org/pdf/Stanford-Tsinghua%20conference-Simon%20and%20Cao-proceeding%20version-new.pdf>

¹⁴ Science and Engineering Indicators 2010. P.O-14 – O-16

ложительное сальдо торгового баланса – 60 млрд. долл. в 2007 г.)¹⁵. Концентрация ресурсов американских компаний именно на этих ключевых направлениях, включая компетенции, проявляется при анализе даже максимально генерализованной статистики ОЭСР (см. Рис. 4).

Рис. 4. Вложения в основные средства и нематериальные активы компаний стран ОЭСР (2006 г., в % от ВВП).

Источник: *Measuring Innovation: A New Perspective*. Paris: OECD, 2010.

Причина данной ситуации заключается в том, что поход США к управлению собственным развитием в глобальном контексте основан на органической смеси логики «открытых инноваций»¹⁶ и концентрации усилий только на наиболее перспективных ИР, инновациях и инновационных компетенциях (системная инженерия, дизайн, создание продуктов и услуг и т.д.) и узкой группе наиболее важных сложных производств, а также на обеспечении уникальных характеристик НИС как основного условия трансформации национального научно-технологического потенциала в лидерство американской экономики. Заметим в этом отношении, что, например, стратегия «реиндустриализации» Б.Обамы¹⁷, предполагает локализацию в США не любых коммерчески успешных производств, но только тех, которые имеют наибольшее значение для сохранения американского лидерства в новых технологических укладах.

Далее, если говорить о приоритетных направлениях развития, то наблюдается балансирование ставки на развитие нового поколения промышленных технологий и

¹⁵ Science and Engineering Indicators 2010. P. O-19

¹⁶ См. о теории открытых инноваций в: Чесбро Г. Открытые инновации. М.: «Новое поколение», 2007,

¹⁷ Подробнее тема освещена в: Данилин И.В. Научно-техническая политика США: новые инструменты и направления. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

новых отраслей промышленности¹⁸ и опережающее развитие наукоемких услуг (включая здравоохранение и т.д.) и нематериальных активов, которые справедливо рассматриваются как ключевые для современной экономики. При этом определено «ядро» технологических платформ будущего (интеллектуальные системы, робототехника, передовые информационные технологии, аддитивные технологии и т.д.), а прочие технологии и производства постепенно выводятся за пределы США. Их доступность для американских ТНК будет обеспечиваться за счет управления международными торгово-инвестиционными процессами и режимами – как частный случай логики «открытых инноваций».

При всех противоречиях, дискуссиях и общественно-политической борьбе¹⁹, связанных с данным выбором, тренд более-менее последовательно выдерживается все последние два десятилетия: американский технологический бизнес уже расставил акценты, что он считает наиболее перспективными высокими технологиями, а что может быть отдано на «откуп» развивающимся странам и другим развитым государствам. Своего рода символической в этом отношении можно назвать сделку 2006 г. между «IBM» и китайской «Lenovo» по продаже последнего бизнеса по производству ноутбуков, вызвавшей серьезные дебаты, но никак не уменьшившей, а кристаллизировавшей конкурентные преимущества флагмана американского инновационного бизнеса, который после двадцатилетнего перерыва вновь вошел в число наиболее «дорогих» по уровню капитализации.

Иными словами, у США и американских ТНК появляется практическая возможность стать глобальными системными интеграторами инновационных процессов, доводя до предела существующую логику «открытых инноваций».

Безусловно, реализация избранной стратегии связана с серьезными вызовами. Ставка на науку и инновации при достаточно либеральном подходе к диффузии технологий и производств чревата в перспективе утечкой и ключевых технологий и компетенций, и, как следствие, формированием вполне реальных конкурентов, в т.ч. и в самой сфере науки и инноваций.

Успех избранной стратегии развития США стремятся обеспечить благодаря сочетанию нескольких ключевых факторов.

Прежде всего, это огромные ресурсы, направляемые на НИОКР. При всех процессах роста новых центров науки и технологий, профильные расходы США сопоставимы или превышают профильные вложения целых регионов – в т.ч. ЕС и всей Азии, включая Японию и КНР (см. Рис. 5).

За счет этого Америка может чисто физически поддерживать большее число направлений развития, лучше финансировать их, привлекать самые выдающиеся умы и иные ресурсы со всего мира. Причем обеспеченность ресурсами гарантирует еще и лучшие возможности и высочайшее *качество* НИОКР – немаловажная причина для научной иммиграции и проведения самых передовых исследований, а равно и гарантия результата. Неудивительно, что США остаются настоящим магнитом для наиболее инициативных и одаренных ученых и инновационных предпринимателей²⁰, что, кстати сказать, создает определенные вызовы кадрового обеспечения для прочих стран, претендующих на роль научно-технологических и инновационных лидеров.

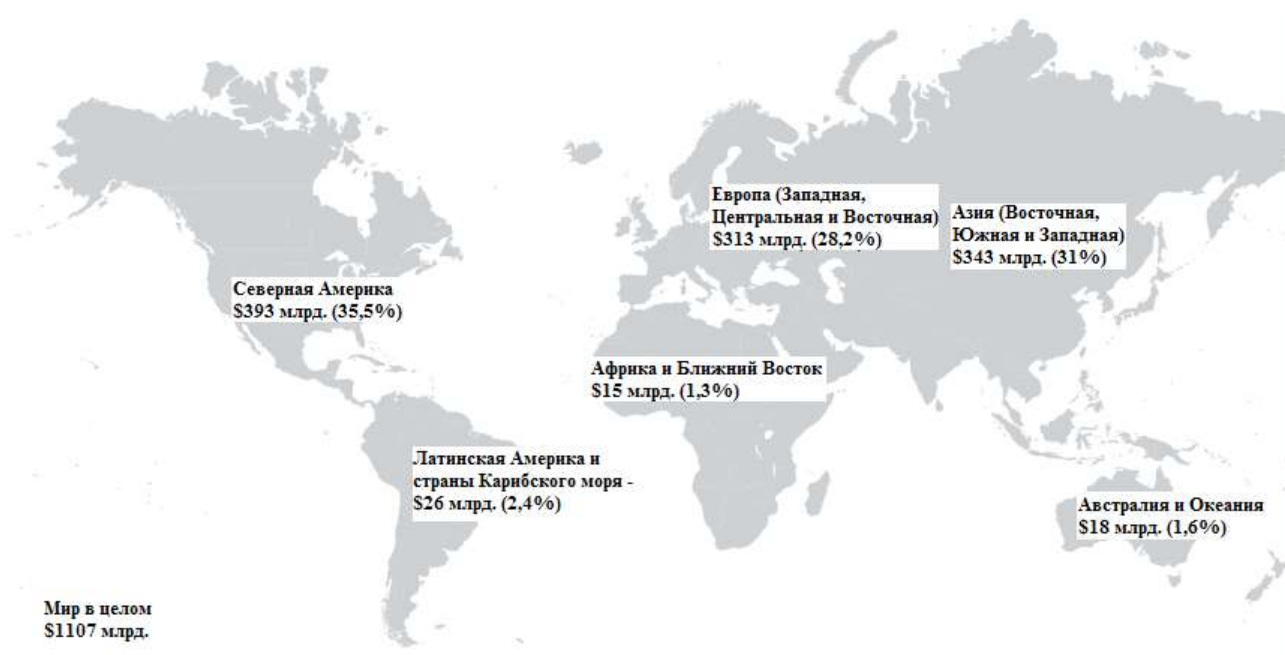
¹⁸ См. подробно в: Наука и инновации: выбор приоритетов. / Отв. ред. Н.И.Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 42-57; A Blueprint for an America Built to Last. Jan.2012. The White House. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/blueprint_for_an_america_built_to_last.pdf.

¹⁹ См., например: Atkinson R.D., Azell S.J. Innovation Economics. Yale university Press, 2012.

²⁰ Характерен следующий пример: в составе основателей 25% американских высокотехнологических компаний, созданных в 1995-2005 гг., был по крайней мере 1 иммигрант, причем в Силиконовой долине этот показатель равен 50%. Measuring Innovation: A New Perspective. Paris: OECD, 2010. P.54.

Рис. 5. Абсолютные расходы на НИОКР (в долл., по паритету покупательной способности) и доли регионов мира в глобальных расходах на ИР

Источник: *Science and Engineering Indicators 2010*.

Однако это лишь часть целостной картины. Вторым важнейшим фактором американского лидерства является развитие национальной инновационной системы, позволяющей максимально использовать научно-технологический потенциал и ресурсы в целях развития экономики. Анализ статистики и сравнение американских показателей, прямо или косвенно свидетельствующих о состоянии экосистемы инноваций, с показателями других стран ОЭСР дает достаточно смешанное представление о качестве американской НИС. С формальной точки зрения наукоемкость американской экономики (около 2,65%) ниже, чем у Японии, Израиля, Финляндии и даже Южной Кореи. Средние или средневысокие значения имеют такие показатели, как число патентов на душу населения, среднее время, необходимое для создания новых фирм, доля созданных новых компаний в производственном секторе и в секторе услуг и т.д.²¹ Даже по доле венчурного капитала в структуре ВВП – особенно по доле посевного капитала, важнейшего для преодоления «долины смерти» инноваций – Америка не входит даже в первую пятерку (11-е место).

Однако, здесь как и в отношении ИР, ключевое значение имеет эффект масштаба. Сочетание отличного ресурсного обеспечения (в т.ч. в сфере венчурного капитала – 23 млрд. долл. или 71% от всех профильных глобальных расходов в 2010 г.), избирательная ставка на новые и наиболее перспективные направления развития в совокупности с хорошими показателями инновационной среды создают качественно иную ситуацию.

Немаловажным является и сам рынок США. Будучи, с одной стороны, емким, а с другой – предъявляя высокие требования и в части предложения инноваций, и относительно их характеристик, он обеспечивает стимул к постоянному воспроизводству и развитию инновационного потенциала²². Фактически, потребительский и

²¹ Measuring Innovation: A New Perspective. P. 64-71.

²² О роли рынка и его характеристик в развитии инновации см., например: Беизе М. Японские инновации на внутреннем рынке // Управление технологиями и инновациями в Японии. М.: Волтерс Клувер, 2010.

корпоративный рынки США выполняют в глобальном масштабе роль «первого пользователя» инноваций («early adopter»)²³, одного из ключевых элементов ее практической реализации. Тот факт, что пропорционально размерам экономики число субъектов – «первых пользователей» в США меньше, чем в той же Японии, компенсируется тем, что этих потребителей (корпоративных и индивидуальных) просто физически больше (и их число растет), более разнообразны их потребности²⁴.

Все вышеприведенные соображения не гарантируют ни успех инновационного развития США, ни их лидерства в глобальном масштабе в долгосрочной перспективе. При всей силе американской инновационной системы, основную роль в этом процессе сыграет инновационная политика США, задачи которой в сложившихся условиях расширяются. В отличие от предкризисного периода, от нее теперь требуется адаптировать НИС к быстро меняющимся реалиям и усилить ее существующие и формирующиеся преимущества (в части открытых инноваций, системной интеграции и т.д.) относительно конкурентов. Радикальная эволюция научно-инновационной политики США, которая наблюдается в последние годы, свидетельствует о том, что этот вызов осознан, идет активный поиск подходящих форм, инструментов, институтов, а равно и направлений развития. А неординарность предлагаемых решений говорит о том, что американские элиты учатся думать по-новому и не идут банальными, проторенными путями.

НТП и Россия

Россия находится в достаточно сложном положении: сохраняется тенденция закрепления роли России как страны сырьевого профиля. Однако объективные национальные интересы требуют перехода к инновационному пути развития страны.

Казалось бы, сохранение в России определенного научного и технологического потенциала дает шансы на выдвижение страны в число ведущих центров развития. Но попытка вписать Россию в существующую систему отношений в научно-технологической сфере – с учетом особенностей российской инновационной и внешней политики – выявляет целый ряд проблем.

Россия в части науки по ряду направлений пока все еще относится к странам «Центра», по некоторым технологиям и производству – к полупериферии. Однако реальное положение нашей страны в мировой экономике скорее определяется как глубоко периферийное. Россия буквально отсутствует на рынках высоких технологий.

При этом Россия на протяжении последних 15-20 лет неоднократно декларировала стремление восстановить некий «баланс» со странами «Центра» системы – а еще точнее с США – в части науки, технологий (военных и гражданских) и роли в мировой политике и экономике. Место среди стран «полупериферии» явно не устраивает отечественную элиту. Однако и представления о последовательности шагов, необходимых для изменения сложившегося положения вещей остаются крайне размытыми. Российская сторона достаточно последовательно старается игнорировать инструменты вертикальной мобильности существующей системы (как неспособные обеспечить быстрого решения заявленных целей) и фактически пытается дублировать на уровне формирования национальной инновационной системы свои внешне-политические амбиции.

Ситуация выглядит парадоксально. С одной стороны, сама Россия в силу критического отставания по целому ряду параметров не может самостоятельно обеспе-

---

²³ См., например, о феномене «первых пользователей» в: Rogers E.M. Diffusion of Innovations. N.Y.: Free Press, 2003. P.37, 132, 238, etc.

²⁴ См.: The Race to Be an Early Adopter of Technologies Goes Mainstream, a Survey Finds // New York Times. May 10, 2009.

чить возрождения себя как новой державы-лидера НТП. И для решения этой задачи активно работает уже несколько лет над созданием сети технологических альянсов с ведущими развитыми странами и крупнейшими ТНК²⁵ (начиная с политики по созданию сложных «международных» проектов типа Sukhoi Super Jet и вплоть до «Сколково») – что в целом рационально и вписывается в логику современных инструментов развития. Но с другой стороны – конечная цель этого сотрудничества вступает в противоречие с интересами иностранных партнеров и самими «правилам игры».

Это свидетельствует о недостаточной осмысленности траектории развития России в реалиях уже сложившейся и структурированной мировой системы НТП, делает проблематичным нормальное встраивание России в глобальные научно-технологические процессы и изменение ее роли в глобальной системе НТП – а, значит, и в системе политических и экономических отношений.

Не готова Россия и к новым вызовам, порожденным НТП. Конечно, полностью осмысленных и эффективных политических ответов на них в настоящий момент нет ни у одного из ключевых мировых игроков. Однако в отличие от них российский научно-технологический потенциал по-прежнему не только не проявляет тенденции к росту, но находится скорее в состоянии, близком к свободному падению²⁶. В итоге для нашей страны проблема состоит не в качественной имплементации политики реагирования на новые вызовы современности, а в способности адекватно сформулировать ее с точки зрения своих национальных интересов. Отсутствие четкой повестки создает ситуацию выпадения России из глобального диалога и сужает влияние страны на формирование глобальных тенденций и принятие соответствующих решений (как это уже произошло с биотехнологиями, новыми энергетическими и информационными технологиями и т.д.). В итоге, как в случае с глобальным потеплением, российское руководство вынуждено просто «адаптировать» западную повестку дня, разработанную для других целей и основанную на иных интересах. Учитывая же растущее участие в глобальных процессах – а, значит и все большую открытость для воздействия новых вызовов и угроз – все это ведет не столько к «модернизации», сколько к росту уязвимости нашей страны.

Несмотря на сохранение определенных противоречий интересов лидеров и стран-претендентов на лидерство, НТП предоставил инструменты, обеспечивающих их взаимовыгодное разрешение. Экономический рост, основанный на диффузии технологий и международном разделении труда, как следствие – рост новых мировых лидеров – центров знаний и компетенций, интегрированных в глобальную инновационную систему, наличие или появление новых «отводных» каналов конфликтности (в т.ч. через влияние ИКТ на социально-политическое действие, культуру и личность) перевели международно-политическую ситуацию в иное русло. Ситуация открытого конфликта ведущих мировых держав становится практически невозможной. Ревизионистские импульсы разной разрушительной силы на данном этапе могут исходить только с периферии системы. Но у составляющих ее стран явно недостаточно ресурсов, для того, чтобы брошенный ими системе вызов оказался эффективным. России такой «преждевременный глобализм» в постановке внешнеполити-

---

²⁵ См. подробнее об этом в: Danilin I.V. The Evolution of Russian Conceptual and Political Models of High Technology Cooperation with Foreign Nations and Multinational Corporations // CONNECTIONS. The Quarterly Journal. 2010, Volume IX, Number 2 Spring.

²⁶ Формальные метрики и данные о НИС России см.: Статистический сборник «Наука России в цифрах: 2012» (на русском и английском языках). Центр исследований и статистики науки. URL: <http://csrs.extech.ru/catalog/2081>; OECD Reviews of Innovation Policy: Russian Federation 2011, OECD Publishing. Paris, OECD: 2011. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264113138-en/> и др. См. также разделы, посвященные научной и инновационной деятельности в ежегодных обзорах Института экономической политике им. Е.Т.Гайдара «Российская экономика. Тенденции и перспективы» (в открытом доступе, см. официальный сайт Института: <http://www.iep.ru>).

ческих целей грозит окончательной деградацией научно-технологического потенциала и возможностей для его усиления – с соответствующими последствиями для экономики и военной мощи.

Как внешняя политика может содействовать технологическому прогрессу

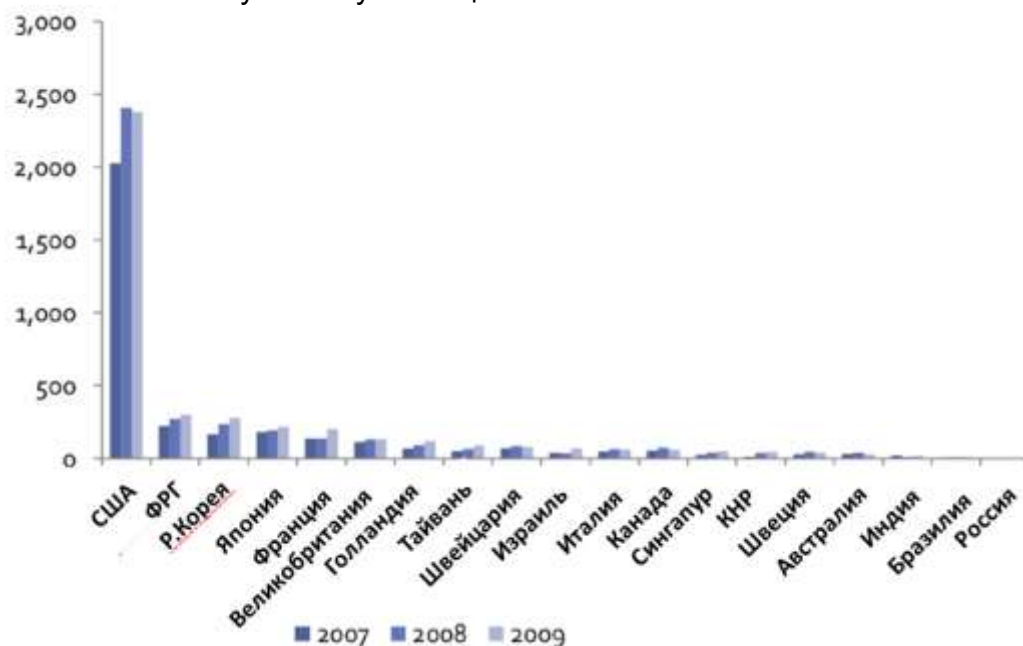
Внешняя политика никогда не уходила от маркетинга национальных инноваций (открытие или расширение рынков). Политики и дипломаты сильнейших в инновационно-экономическом отношении держав выступают своего рода «менеджерами по продажам» своих национальных высокотехнологических комплексов, главным образом в части проектов с повышенной капиталоемкостью («большая» энергетика, авиация и т.д.), а также двойного или оборонного назначения. Причины такого союза многообразны, и они отнюдь не сводятся к влиянию интересов технологических компаний на государственную политику. Здесь и обеспечение роста занятости, и стремление сохранить мировое технологическое лидерство и т.д. А для развивающихся стран правильно ориентированная международная политика определяет еще и уровень доступа к мировым рынкам идей, капитала, технологий и кадров.

Однако высокие технологии – это и самостоятельный инструмент внешней политики. Продажа важных технологий стимулирует развитие стратегического диалога и альянсов, обуславливает формирование лояльности («мы предлагаем вам самое совершенное...») и является элементом «мягкой силы». Присутствует фактор стратегической привязки к стране-поставщику – через услуги постпродажного обслуживания и модернизации, подготовку кадров и т.д. Аналогичная ситуация складывается и в сегменте наукоемких услуг, прежде всего в сфере научно-технологического образования и аутсорсинга, где используются практики манипулирования визовым режимом, управления доступом к программам и функциям и тому подобные инструменты. Наконец, инновационная составляющая внешней политики – это еще и способ стимулирования «правильного» поведения контрагента. Путь к модернизации и развитию идет через принятие политических правил игры и соблюдение «хорошего тона» на мировой арене.

В России более-менее значимыми примерами альянсов между двумя направлениями деятельности является маркетинг отечественных инновационных технологий, который российская сторона проводит в отношении развивающихся стран из числа бывших друзей СССР, а также использование «административных» и политических ресурсов для «покупки» инновационных функций. В первом случае показательны маркетинг и продвижение ГЛОНАССа, ядерных технологий, вооружений и военной техники, авиационных продуктов («продажа» SSJ, MC-21, транспортного самолета нового поколения). Во втором – самым ярким примером служат проекты Фонда и университета Сколково, которые стали едва ли не синонимом политически усиленного «импорта» инноваций и мягкого принуждения западных компаний к инновациям в России.

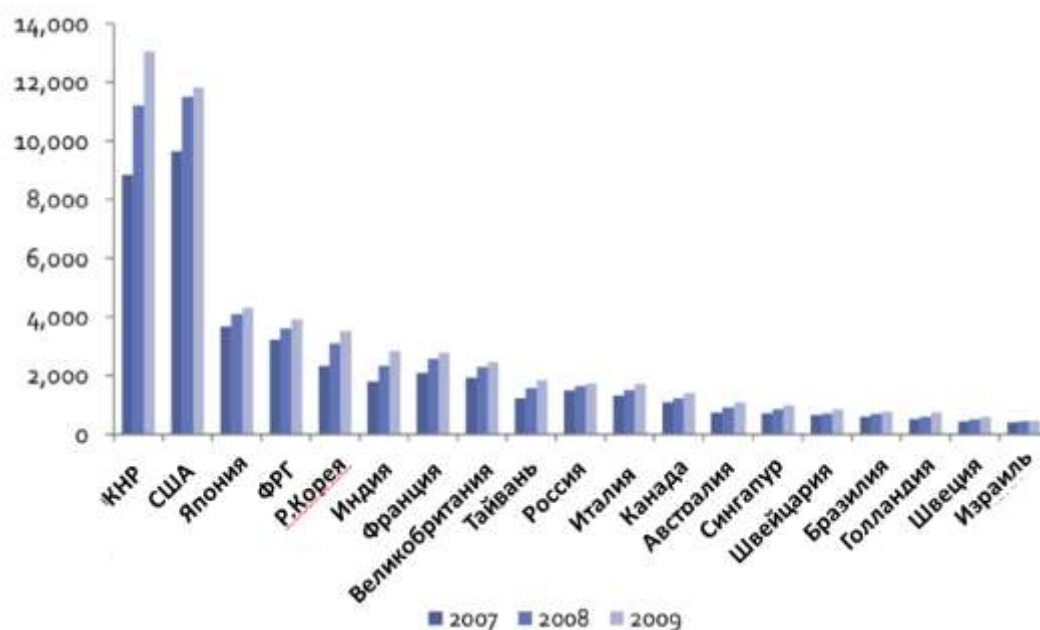
Положение усугубляется слабостью инновационного потенциала России (за исключением отдельных отраслей, типа ИКТ), а также отставанием в технологическом, кадровом и инфраструктурном развитии, где разрыв с Западом увеличивается. Несмотря на мощные вложения и политическую поддержку, появления новых глобальных компаний или «хитовых» продуктов мы не наблюдаем. Характерна ситуация с российскими нанотехнологиями. Будучи одним из «чемпионов» по государственным вложениям в данную сферу (с учетом всех средств, выделенных ОАО «Роснано», а не погодного финансирования), РФ отстает даже от ведущих развивающихся стран по числу патентов и публикаций (см. Рис. 6,7).

Рис. 6. Доли различных стран в глобальном портфеле научных публикаций по нанотехнологиям

Источник: Jaideep Raje. Commercialisation of Nanotechnology: Global Overview and European Position. Lux Research B.V. Presented at the EuroNanoForum 2011. May 30, 2011. URL: http://www.euronanoforum2011.eu/wp-content/uploads/2011/09/enf2011_supportcommercialisation_raje_fin.pdf.

Рис. 7. Доли различных стран в глобальном портфеле нанотехнологических патентов

Источник: Jaideep Raje. Commercialisation of Nanotechnology.

Сложная ситуация даже с предметом национальной гордости – фундаментальной наукой. Хотя она еще сохраняет относительно сильные позиции в мире и остается привлекательным активом развития, постепенно наблюдается деградация потенциала, отсутствует способность капитализировать существующие заделы в экономическом, инновационном и политическом смысле.

Улучшение ситуации возможно, и внешней политике принадлежит здесь не последняя роль. За последние полтора десятилетия российская внешняя политика неоднократно отметилась жесткими заявлениями, эффектными резонансными жестами и «принципиальными» позициями. Они были призваны подчеркнуть независимость курса и наличие самостоятельной точки зрения, акцентировать претензии России на долю глобального влияния. Однако за громкостью заявлений нередко скрывалось отсутствие реальной возможности воздействовать на ситуацию в мире.

Как бы ни оценивать содержание самой внешней политики, инновационные процессы от такого поведения страдают. Жар словесных баталий и показательные жесты отпугивают институциональных инвесторов, заставляют правительства зарубежных стран и транснациональные корпорации задуматься о том, чем им в перспективе грозит слишком глубокое сотрудничество с Россией (в т.ч. с точки зрения реакции США и других стран атлантического блока).

Отсылки к советским временам как доказательство правоты слишком громкой внешней политики неактуальны и, напротив, ясно демонстрируют неэффективность подобной линии. Во-первых, СССР никогда и не ставил перед собой цели интегрироваться в капиталистическую экономическую систему в качестве полноправного игрока, проникнуть на новые рынки коммерческих технологий, наладить полноценный технологический обмен с западными странами. А во-вторых, если вспомнить ограничения в рамках КОКОМ и иные меры Запада в технологической и экономической сфере, становится ясно, что и в то время идеологическая принципиальность обходилась дорого. В современной же ситуации, когда Россия не претендует ни на идейную альтернативность, ни на мировое доминирование, подобная практика выглядит парадоксально (если не сказать – контрпродуктивно).

Инновационный процесс, особенно столь хрупкий и слабый, как в России, крайне чувствителен к внешним факторам. Соответственно, первым простым и незатратным шагом к поддержке инноваций мог бы стать некоторый пересмотр лексикона и стилистики российской дипломатии. Другим шагом является существенное большее внимание к экономическим факторам при формировании внешней политики. «Мы не дипломаты, мы торговцы», – говорят представители МИД Китая, и с точки зрения задач инновационного развития это успешная стратегия. Хотя КНР реально подошла к уровню сверхдержавы, к такому статусу она приблизилась «иным путем». Не отказывая себе в самостоятельности и в усилении классических составляющих геополитической мощи, Китай делает акцент на развитие экономики и национальной инновационной системы, обеспечивая доступ к активам за рубежом, новым технологиям, профильным инвестициям, кадрам, знаниям, компетенциям. Китайские корпорации успешно покупают в США и ЕС целые компании и исследовательские центры, сотни тысяч китайцев получают образование и трудятся в научных учреждениях по всему миру. Подобная стратегия создает видимые экономические и стратегические риски для западных стран, но решительного отпора не встречает. Во всяком случае – пока.

Дело в том, что акцент на интеграцию в глобальные инновационно-экономические процессы не формирует прямого политического вызова, а предполагает ставку на статус-кво и сохранение правил игры. Укрепление же экономической взаимозависимости, в том числе резко возросшая роль в глобальных инновационно-технологических процессах, позволяет Пекину оказывать реальное влияние на позицию развитых стран, нивелируя наиболее проблемные сюжеты.

Что касается России, то оказывается, что уверенности в мотивах ее действий у западных стран нет. Россия создает противоречивое впечатление ревизиониста, предлагающего переписать канву мировой политики за счет ослабления позиций атлантических держав. Учитывая же достаточно слабое положение России в сфере экономики и с точки зрения несиловых параметров глобальной мощи, масштабные российские претензии на глобальное присутствие и влияние рассматриваются как необоснованные.

Отношение к России со времен холодной войны подозрительное, и желание видеть ее «стабильной, но не слишком сильной», столь дорогое сердцу многих западных политиков и идеологов, никуда не ушло. Но даже при этом экономизация и прагматизация внешней политики, ставка на полноценную интеграцию в мировые инновационно-технологические процессы – с национальным колоритом, но без очередного поиска «своего пути» – позволят достичь нового качества. В частности, снять ряд препятствий на пути доступа к зарубежным рынкам, активам, знаниям и компетенциям. Ведь при всей предвзятости западные экономики проявляют здравый прагматизм, когда речь заходит о практических вопросах.

Слабость российского инновационного потенциала и экономики в целом нуждаются Россию искать доводы в пользу уникальности своего предложения для партнеров и контрагентов. Если в глазах западных стран и ТНК такую уникальность могут на первых порах обеспечить ресурсы и рынок, то перед лицом развивающихся стран и на долгосрочную перспективу никак не обойтись без большой Идеи (как совокупности ценностных установок и ориентиров) скорректированного глобального инновационного развития. Она должна быть основана, с одной стороны, на либеральных ценностях роста благосостояния и модернизации общества, а с другой стороны, предлагать справедливую практику глобального инновационного развития через выравнивание возникающих дисбалансов и недискриминационного доступа к определенному набору базовых инновационных услуг и возможностей. Иными словами – лозунгом должно стать равноправие всех государств и народов в возможности быть частью технологического прогресса.

В качестве дополнения потребуется разработать специальные финансовые и организационные инструменты, призванные поддержать справедливое инновационное развитие, гуманитарный трансфер технологий и компетенций и т.д. Тем более что, как показали недавние американские и западноевропейские попытки развития группы революционных технологий под общей вывеской «новой энергетики», существует объективная потребность в подобных инструментах. При этом Большая Идея должна быть не конфронтационной, а сугубо позитивной. В целом Россия должна попытаться выработать научно-инновационную повестку мирового развития, сопоставимую по масштабу с концепцией «устойчивого развития». Концепт, который может быть сотворен и ретранслирован только при активном участии дипломатии. Пока что в российской внешней политике подобные идеи присутствуют лишь в самом общем виде.

Предоставление наукоемких услуг, в том числе в сфере создания НИОКР, международные научно-технологические проекты, а также развитие кадрового потенциала контрагентов – вот средства реализации данной Идеи. Важно подчеркнуть, что это уникальное предложение не должно быть ни чистой благотворительностью, ни простым зарабатыванием денег. Образование и наука могут предоставляться как услуга по справедливой цене или как бонус к более масштабной и предметной кооперации в инновационной сфере.

Корректное формулирование подобной Идеи и ее трансляция по силам современной России и соответствует ее интересам. Преимуществами здесь являются научно-технологическое образование, научный потенциал, а также неплохое знание развивающихся стран и сохраняющиеся контакты с представителями элит, обучав-

шимися в Союзе или дружившими с СССР. Новый смысл обретут и совершенно необходимые для реализации проекта связи с западным научно-образовательным сообществом, в т.ч. с русскоязычной научной диаспорой, которые стали выстраиваться в последние годы. Сразу оговоримся, что подобное предложение потребует серьезно расширить и рационализировать поддержку реформирования науки и образовательной отрасли. С одной стороны, нужна более мощная и глобализованная фундаментальная наука и базовое научно-технологическое образование, с другой – требуется обеспечение сегмента практико-ориентированных прикладных НИОКР, а также инженерных и технологических компетенций. Причем разработка предложений должна проходить с привлечением внешнеполитических элит и российских ТНК в качестве заказчиков и бенефициаров процесса.

Выводы

Глобальные инновационные процессы формируют новые условия и требования к развитию государств. В частности, обостряется борьба за таланты и квалифицированные кадры, создание преференциальных институциональных – в т.ч. социокультурных – условий для взращивания инноваций и т.д. Формирование глобальной инновационной системы (ГИС) меняет систему международных отношений, акцентируя проблему относительного уменьшения значимости «чисто» силовых параметров мощи государства и актуализируя прочие параметры, начиная от традиционных социо-экономических (включая рост фактической значимости страны для мировой экономики как интеграла ее места и роли в глобальных цепочках производства, добавленной стоимости и логистики ТНК) и заканчивая такими «мягкими» параметрами как привлекательность экономической модели, влияние на глобальные «продуктовые линейки», технологические стандарты, обеспечение мировой экономики ключевыми технологиями и технологическими продуктами.

1. В сфере инноваций, как и в отношении иных аспектов модернизации, требуется коррекция всего комплекса целей, задач и инструментария внешней политики РФ. России придется пройти точку трезвой самооценки и самоопределения своих текущих и перспективных места и роли в мире. Разработка по сути новой стратегии внешней политики России должна иметь сбалансированный характер. С одной стороны, должны сохраняться возможности и диверсифицированные инструменты защиты национальных интересов. С другой – требуется усиление экономического, в т.ч. инновационного, содержания и акцентирование соответствующих приоритетов внешней политики.
2. В части развивающихся стран одну из основ стратегии могли бы сформировать идеи, связанные с глобальным развитием как гуманитарной миссией России и как комплексом «услуг», которые может предоставлять Россия международному сообществу. В отношении развитых стран очевидны задачи гармонизации интересов при признании роли РФ в обеспечении стабильности и глобального развития.
3. Реализация подобной стратегии не предполагает отказа от самостоятельности или атрибутов сверхдержавности (наличие геополитических союзников, проекции силы и т.д.). Однако нужно установить своего рода эталон или набор правил деятельности, отклонение от которых возможно только в строго определенных случаях, когда на карту поставлены реальные (а не фантомные) интересы и имидж страны. В конечном счете следует отдавать себе отчет в том, что ключевой задачей на ближайшие 20 лет является развитие научно-инновационных, производ-

ственных, кадровых и социальных ресурсов страны. И решение всех прочих задач станет возможным только вследствие успеха на этом направлении.

4. Необходимо расширение государственно-частного партнерства (ГЧП) в формировании, формулировании и, частично, реализации новых курсов и конкретных решений. Существующая система нередко отражает или представления политических элит, или достаточно формализованные, бюрократические позиции федеральных органов исполнительной власти или же вполне определенные интересы крупнейших финансово-промышленных групп. В реальности же важными субъектами процесса должны стать частный и государственный бизнес и иные субъекты российской инновационной системы, а также профессиональные отраслевые кадры (в статусе экспертов). В качестве площадок или среды подобного ГЧП могли бы выступать бизнес- и профессиональные ассоциации, которые к тому же обладают ценными для внешней политики РФ коммуникационными ресурсами (связи с зарубежными контрагентами и т.д.). Возможно – при очень существенной реструктуризации – такую же функцию могли бы выполнять Технологические платформы Российской Федерации. Принципиальным для выстраивания этого «внешнеполитического» государственно-частного партнерства ради развития является сохранение баланса – в части недопущения бюрократизации процессов или, напротив, превращения новых внешнеполитических ГЧП-инструментов в банальные площадки лоббизма крупных финансово-промышленных групп или иных групп интересов. Заметим, что в выстраивании подобных инструментов ГЧП до определенной степени интересен был бы опыт японского Министерства внешней торговли и промышленности (ныне – Министерство экономики, торговли и промышленности) и его дочерней Организации по развитию новых энергетическим и промышленных технологий (NEDO). Хотя это сугубо экономические структуры, ими были наработаны ценные практики ГЧП.
5. Целесообразно создание межведомственных рабочих групп или иных институционализированных структур с участием Минэкономразвития России, Министерства иностранных дел России, институтов развития РФ (ОАО «Российская венчурная компания», ОАО «Роснано», Фонд «Сколково», Внешэкономбанк, Российский фонд прямых инвестиций и т.д.) – для улучшения координации работы между лицами и институтами, принимающими решения, а также выработки скоординированных решений.

РОССИЯ И США: ПАРАМЕТРЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

В период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. и у нас в стране и за рубежом появилось немало работ, посвященных грядущему «закату Америки». Глупо отрицать, что мир постепенно дрейфует от однополярного момента к полицентричной геополитической конфигурации. Не менее очевидно, что Б.Обама – президент, который действует под беспрецедентным для Соединенных Штатов последних десятилетий прессом объективных обстоятельств. Б.Клинтон и Дж.Буш-мл. занимали Овальный кабинет в период настоящего «ралли» роста американских экономических возможностей, потенциала «мягкой силы» (soft power) и политического влияния. Обама пришел к власти и вынужден работать в условиях меняющегося не в пользу США соотношения сил в мире. Однако не менее очевидно и то, что США останутся на обозримую перспективу крупнейшей экономической и военной мировой державой, недостижимой для других (в т.ч. для быстрорастущего Китая)²⁷. США остаются крупнейшей национальной экономикой мира – в 2012 г. ВВП страны, по официальным оценкам, превысил 16,24 трлн. долл.²⁸ Американская экономика по-прежнему является самой мощной в мире и, главное, наиболее инновационной (см. предыдущий раздел). Всем сторонникам теорий быстрого упадка Америки и стремительного подъема Китая и др. новых держав можно посоветовать обратиться к огромному массиву «кризисной» литературы 70-х гг. прошлого века (посвященной неизбежному ослаблению Соединенных Штатов и выходу на первые роли Японии и объединенной Европы) и внести коррективы в свои прогнозы.

США не просто важны сами по себе как крупнейшая экономика мира и лидирующая мировая держава. Они оказывают существенное влияние на функционирование международных институтов (от ООН до Группы 8), на широкий круг своих ближайших союзников (от ЕС до Японии) и имеют рычаги воздействия на социально-экономическую ситуацию в странах БРИКС и на постсоветском пространстве. Поэтому развитие нормальных взаимовыгодных отношений с США в контексте перспектив успешной модернизации объективно выступает одним из приоритетов российской внешней политики.

Экономика: наведение мостов

Экономические связи США с Россией представляют собой важный элемент двусторонних отношений. В 90-е годы XX столетия для них была в основном создана новая организационно-правовая основа: заключен ряд договоров и соглашений о развитии торговли, содействии капиталовложениям, сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных вопросах и т.п. Рост масштабов двусторонней торговли был обусловлен обоюдными интересами. США стремились диверсифицировать поставки энергоносителей из-за рубежа, уменьшить зависимость от экспортеров нефти с Ближнего Востока. Для России чрезвычайно важным являются закупки новейшего оборудования США для модернизации различных отраслей экономики и инфраструктуры.

За последние годы появилось немало признаков позитивных экономических сдвигов в российско-американских отношениях. В 2012 г. был, наконец, завершен процесс вступления России в ВТО (представлявший собой 16-летний изнурительный ма-

---

²⁷ См. об этом: Мировая экономика: прогноз до 2020 года. / Под ред. академика А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2007; Стратегический глобальный прогноз 2030. / Под ред. академика А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011.

²⁸ Год планеты. Вып. 2013 г. М.: Идея-Пресс, 2013. С.450.

рафон). И позиция американской администрации сыграла в этом не последнюю роль. Администрация Обамы ввела в действие соглашение о сотрудничестве с Россией в области ядерных технологий (Соглашение 123). США, наконец, отменили поправку Джексона-Вэника (хотя надо признать – после вступления России в ВТО они в первую очередь сами оказались в этом заинтересованы). Следует сказать, что практика Вашингтона распространять действие американского законодательства за пределы своей территории по сей день является серьезным раздражителем для многих американских партнеров. При этом санкции превратились в последние десятилетия в стандартный инструмент проведения американской внешней политики. Не избежали их и российские предприятия, университеты и компании. Санкции США в отношении российских компаний, прежде всего оборонно-промышленного комплекса (ОПК), стали рычагом воздействия на Россию в связи с недовольством Вашингтона политикой Москвы в отношении отдельных стран (прежде всего, Ирана). Не оказывая существенного воздействия на объем двустороннего товарооборота, они формируют неблагоприятный фон для развития экономических отношений. Поэтому отмена введенных еще администрацией Дж.Буша-мл. санкций против Рособоронэкспорта и МАИ стала очевидным позитивным сигналом.

Вместе с тем, за годы после окончания «холодной войны» Россия и США не стали значимыми друг для друга торговыми партнерами.

На США приходится немногим более 3% внешнеторгового оборота России. Россия получает из США инвестиции и технологии, заимствует методы ведения бизнеса и организации производства. Наша страна ввозит из США нефтегазовое оборудование, самолеты, электрооборудование, медицинскую технику, компьютеры и телекоммуникационное оборудование. Эти поставки машин и оборудования важны для России, нуждающейся в модернизации.

Россия экспортирует в США в основном нефтепродукты, металлы, радиоактивные материалы и продукты неорганической химии. Для США значение торговых связей с Россией невелико (менее 1% американского внешнеторгового оборота). И хотя в конце 2000-х имел место рост импорта в США нефти и нефтепродуктов из РФ общую ситуацию это не изменило. Россия в представлениях американских политических и деловых кругов предстает скорее как огромный рынок для американских товаров и капиталов. Тем более, что в последние годы наблюдается снижение общего уровня товарооборота. По данным Федеральной таможенной службы России, внешнеторговый оборот России с США в 2012 г. составил 28,3 млрд долл. и уменьшился по сравнению с 2011 г. на 8,8%. При этом экспорт равнялся 13 млрд долл. (снижение на 21,1%), импорт – 15,3 млрд долл. (прирост на 5%)²⁹.

Что касается инвестиций, то в 2000-е годы в общем объеме прямых инвестиций в России доля американских инвестиций приобрела устойчивую тенденцию к сокращению. В 2010 г. на США приходилось лишь чуть более 5% от общего объема накопленных иностранных инвестиций. Доля России в общем объеме американских прямых инвестиций за рубежом составляет около 0,25%. И эта цифра в комментариях и оценках не нуждается. В качестве официальной причины столь низкого уровня ПИИ в российскую экономику официально, как правило, отмечается плохой инвестиционный климат.

Приоритетными сферами приложения американских ПИИ остаются топливно-энергетический комплекс и пищевая промышленность. В частности в ТЭКе в России представлены такие американские ТНК, как Chevron Техасо, Conoco Philips, Exxon Mobil. В связи с крупнейшей арктической сделкой с Роснефтью последняя корпорация становится крупнейшим американским инвестором в сфере нефтедобычи.

---

²⁹ Более подробно см. на официальном сайте ФТС: www.customs.ru.

В пищевой промышленности наиболее заметными инвесторами и хорошо раскрученными брендами являются Coca-Cola, контролирующая 40% российского рынка безалкогольных напитков, Pepsi, приобретшая в 2011 г. в дополнение к нескольким собственным заводам в России продовольственную компанию «Вимм-Билль-Данн» за 3,8 млрд.долл. (что стало крупнейшей сделкой среди компаний несырьевого сектора России), а также инвестировавшая в широкую сеть закусочных в 37 городах страны фирма McDonalds.

Еще одной крупной отраслью приложения инвестиций является авиакосмическая. Так корпорация Lockheed Martin финансирует проекты по запуску орбитальных спутников с помощью российских ракетополетителей. Boeing создал сеть инжиниринговых центров в России, в которые инвестировал более 1 млрд. долл. Кроме того, тот же Boeing закупает большие объемы титана у НПО Авиасма. А Pratt & Whitney на протяжении многих лет активно взаимодействует с российскими предприятиями в рамках проектов по производству авиадвигателей.

В России представлены крупнейшие американские автомобильные концерны. Одним из наиболее успешных проектов инвестиционного сотрудничества стал завод корпорации Ford во Всеволожске (Ленинградская область). Успешно зарекомендовало себя сотрудничество в рамках совместного предприятия General Motors и АвтоВАЗа. General Motors открыл также свое производство в Ленинградской области.

Ряд американских корпораций заявил о готовности работать в Сколково. В их числе такие известные мировые бренды, как IBM, Intel. Определенный прорыв произошел и в научном сотрудничестве: создается Сколковский институт науки и технологий, который работает в партнерстве с крупными иностранными учебными и научными центрами, прежде всего с MIT (Массачусетским технологическим институтом).

В целом, несмотря на некоторый рост инвестиций в современные промышленные производства и экономику знаний, в американских вложениях в российскую экономику преобладают инвестиции в ресурсодобывающие отрасли.

Параллельно (и на первый взгляд парадоксально) в последние годы растут российские инвестиции в США. Активное приобретение американских активов началось еще до кризиса 2008 г. Российский капитал в результате оказался представлен прежде всего в таких отраслях, как нефтехимия и металлургия. Общий объем российских инвестиций по некоторым оценкам превышает 5 млрд. долл.³⁰ Норильский Никель приобрел контрольный пакет Steel Water Mining, Северсталь купила сталелитейную компанию Rouge Industries, а ЕвразГрупп – Oregon Steel Mills. Кроме того крупный (73%) пакет акций американского производителя ванадия Startcor. Расширение транснациональной деятельности российских компаний нередко сдерживается сопротивлением американских деловых кругов при покупке крупных, эффективно работающих национальных предприятий. Некоторые трудности создает и введенный в действие в США в 2007 г. федеральный закон, ужесточающий контроль за сделками по приобретению иностранными фирмами американских компаний. Но основными факторами, сдерживающими вывоз капитала российскими компаниями в США, являются все же низкая конкурентоспособность российской экономики, отсутствие растущих, перспективных компаний в новых высокотехнологичных отраслях.

В отдельных областях сотрудничества между Россией и США имеются существенные заделы. Это касается, в частности, научно-технического и инновационного сотрудничества России и США. Создан российско-американский Инновационный совет по высоким технологиям, работает Межправительственный комитет по науке и технике, российские компании участвуют в инновационных форумах в США. Продление рамочного Соглашения между правительствами России и США (от 16 декабря

³⁰ Зименков Р.И. Прямые иностранные инвестиции в экономике США // Россия–США в XXI веке. <http://www.rusus.ru/?act=read&id=315>

1993 г.) до 2015 г. укрепило основу для дальнейшего развития двустороннего взаимодействия в научно-технической сфере на длительную перспективу. Сформированы хорошо зарекомендовавшие себя механизмы сотрудничества (в частности, меморандумы о взаимодействии между заинтересованными министерствами, агентствами, фондами двух стран, смешанный российско-американский комитет по науке и технике, российско-американский инновационный совет и т.п.). Однако практическое наполнение соглашений и взаимосвязи в высокотехнологичных отраслях на микро-уровне по-прежнему оставляют желать много лучшего.

Сферой взаимовыгодной кооперации остается освоение космического пространства. Здесь и сотрудничество на Международной космической станции (МКС), и запуски людей и грузов на орбиту российскими носителями Союз-ТМ, и поставки ракетных двигателей для установки их на американские носители.

Есть одно потенциальное направление сотрудничества, которое может оказаться траст-интенсивным, способствующим созданию климата доверия в отношениях сторон. Речь о соглашении 123 и перспективах сотрудничества в ядерной сфере. Отношения России и США в ядерной промышленности потенциально содержат как элементы соперничества (в первую очередь в рамках борьбы за новые рынки для строительства АЭС), так и элементы партнерства. Атомные комплексы двух стран могут быть взаимодополняемыми. Соединенные Штаты – крупнейший рынок использования услуг в области ядерного топливного цикла, они обладают парком из 104 энергетических реакторов. Для сравнения, далее в списке мировых лидеров по числу атомных энергоблоков идут Франция и Япония (58 и 55 реакторов соответственно), в России в эксплуатации находится 31 энергетический реактор. Кроме того, США являются важным центром производства ядерного топлива для третьих стран (Южной Кореи, Японии и др.), имея три соответствующих предприятия – Westinghouse Electric (Южная Каролина), GNF-A (Северная Каролина) и Areva Inc. (штат Вашингтон). При этом часть своих потребностей в области обогащения урана Соединенные Штаты удовлетворяют за счет иностранных производств. Россия же обладает, по разным оценкам, 40–45% мировых мощностей по обогащению урана, а также конкурентоспособным производством ядерных материалов. В последние десятилетия на долю российских ядерных материалов, поставляемых в США в рамках Соглашения об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия (Соглашение ВОУ-НОУ) от 1993 г., приходилось до 50% электроэнергии, вырабатываемой на американских АЭС (ежегодная стоимость поставок составляла около 800 млн. долларов). Однако в 2013 г. срок действия Соглашения ВОУ-НОУ истек, и России предстоит завоевывать место на американском рынке на коммерческой основе.

Одним из наиболее обсуждаемых и противоречивых направлений российско-американского сотрудничества в области атомной энергетики является возможность создания на территории России Международного центра по обращению с облученным ядерным топливом (ОЯТ). «Росатом» мог бы эффективно использовать преимущество российского законодательства, которое позволяет возврат в страну ОЯТ из-за рубежа, для продвижения национального ядерного топлива. Это конкурентное преимущество Россия может использовать, участвуя в тендерах на поставку свежего ядерного топлива как для АЭС, построенных по российским проектам, так и для АЭС, построенных западными, в том числе американскими компаниями. Однако для этого необходимо снять возражения со стороны США.

В целом, потенциал экономического сотрудничества двух стран зачастую по-прежнему остается заложником политической конъюнктуры и внутривнутриполитического расклада сил в обеих странах. Это во многом объясняется тем, что Россия в целом гораздо больше, чем США, заинтересована в двусторонних экономических и научно-

технических отношениях. В отличие от того же Китая, Россия не смогла пробиться на американский рынок с конкурентоспособными промышленными товарами, сделать собственный рынок привлекательной площадкой для высокотехнологичных американских инвестиций и при этом существенно ограничила участие иностранного капитала в освоении своих природных ресурсов. Поэтому США не ощущают серьезной зависимости от экономических и научно-технических связей с Россией и рассматривают их в значительной мере как инструмент политического манипулирования.

Эффект перезагрузки

Эффективность «сотрудничества в модернизации» между Россией и США в определяющей степени зависит от политических факторов.

В первый срок президентства Обамы начали вырисовываться контуры новой американской внешнеполитической стратегии, которую можно было бы условно назвать «стратегией глобального лидерства в условиях экономии на издержках». Обама изначально пытался формулировать политические задачи исходя из реальных возможностей и существующих ресурсных ограничений. И, кроме того, стремился аккумулировать для их решения ресурсы старых и новых партнеров США во всем мире. Важной особенностью внешней политики президента Б.Обамы стало стремление «переформатировать» отношения с бывшими противниками и быстрорастущими странами (страны БРИКС) и создать ситуацию, при которой эти страны будут являться не «вызовом» для американской внешней политики, а «резервом» для укрепления американского глобального лидерства путем их последовательного «вовлечения».

«Доктрина Обамы» отнюдь не исключала силового воздействия на оппонентов, если это рассматривалось как эффективный способ решения проблем (развитие ситуации вокруг Ливии – наглядный пример относительно «незатратного» и коллективного силового вмешательства). Вместе с тем, нобелевский лауреат премии мира Б. Обама пытался найти способы применения такого воздействия без крупных издержек для страны и без вовлечения ее в проекты, из которых сложно выйти без потерь (как материальных, так и имиджевых).

В этом контексте возникла и политика перезагрузки – не как некая уступка России со стороны Соединенных Штатов, и не в качестве благотворительной акции администрации Обамы. Курс на перезагрузку отношений был основан на новых реалиях современного мира и на прагматичной оценке пределов американских возможностей по проведению своей внешней политики на односторонней основе. США сегодня сталкиваются с таким количеством сложных внутренних и внешних проблем, что просто не могут позволить себе такую роскошь, как увеличение числа оппонентов за рубежом.

Активизация представителей американского политического истеблишмента и аналитического сообщества на российском направлении была связана в первую очередь с объемом негатива, накопившегося в отношениях двух стран за период президентства Дж.Буша. Отношения с Россией в ходе перезагрузки вынужденно начали рассматриваться новой администрацией сквозь призму политического реализма, что создало окно возможностей для формирования позитивной повестки дня и открывало дорогу для торга, компромиссов и избирательного взаимодействия по широкому кругу проблем. Стало возможным сотрудничество в тех сферах, где наши интересы совпадают (стабилизация мирового порядка, противодействие новым вызовам и угрозам, энергетическая безопасность, контроль за режимом нераспространения и т.д.), равно как и попытки выстраивания элементов системы асимметричной взаимозависимости между нашими странами. При этом избирательное сотрудничество отнюдь не исключало конкуренции по разным вопросам международной повест-

ки дня и в различных регионах мира. Россия оставалась одним из важных направлений американской внешней политики потому, что способна была оказать серьезное воздействие на американские интересы в таких сферах, как геополитика, безопасность, ядерное нераспространение, энергетика, противодействие терроризму, решение глобальных финансовых проблем, развязывание афганского узла и др.

Вместе с тем, по меткому замечанию известного аналитика Д.Тренина, «политика администрации Обамы по налаживанию взаимодействия с Москвой ликвидировала раздражители, оставшиеся от прежней администрации... Но она не сумела придать американской политике в отношении России стратегическую глубину»³¹. Такой задачи в общем-то и не ставилось. Трудно ожидать, что обновленная американская администрация изменит свое отношение к Москве и, расширив проникнутый духом политического реализма подход, направленный на использование ресурсов и возможностей России для продвижения американских интересов в различных регионах мира, вдруг станет относиться к ней «как к ценному активу в глобальной американской стратегии» (выражение Д.Тренина). Это никак не вписывается в реалистскую парадигму, в рамках которой возможно взаимодействие вне общего, разделяемого всеми его участниками ценностного контекста – и на основе которой произошла «перезагрузка».

Окончание избирательных кампаний в США и России предполагало постепенное уменьшение накала страстей в обеих странах и возможность поиска взаимоприемлемых вариантов развития событий в различных региональных контекстах и в сфере безопасности. Однако этого не произошло.

Переизбрание Обамы – обладающего политической интуицией и не страдающего антироссийскими фобиями политика – давало шанс для придания нового импульса развитию российско-американских отношений. Но переизбрание Обамы поставило и вопрос о месте, которое Россия будет занимать во внешней политике США.

У российско-американских отношений по-прежнему отсутствует прочный экономический фундамент. Это влечет за собой серьезные политические последствия, в том числе, весьма ограниченные лоббистские возможности России на американском политическом рынке. Сделки, подобные соглашению, подписанному Роснефтью и Exxon по совместной разработке и эксплуатации российского арктического шельфа, выпадают из этой общей тенденции, но носят единичный характер и не способны пока переломить сформировавшиеся политические тренды.

Современная американская большая внешнеполитическая стратегия нацелена на максимизацию влияния США в системе международных отношений и закрепление за Вашингтоном преобладания в мировой политике. При этом, судя по всему, в США наступила пора обновления общенационального внешнеполитического консенсуса. В 1990-е гг. его основу составлял либеральный интервенционизм, акцентировавший идеи продвижения в глобальном масштабе демократии и рыночных отношений, что неизбежно сделало бы окружающий мир более гомогенным в политическом отношении и в целом более управляемым. В начале XXI века в период первого президентства Дж.Буша-мл. ему на смену пришел причудливый сплав «вооруженного идеализма» (в т.ч. и либерально-интервенционистского толка, с ударением на расширение «пространства свободы») и жестких силовых подходов, порождением которого стала достаточно эклектичная «доктрина Буша» и эпоха доминирования «неоконов» в американской внешнеполитической мысли. От интервенционизма оказались позаимствованы представления об особой миссии Соединенных Штатов в мире и стремление к демократической гомогенизации мирового политического пространства. У империалистического унитаризма были взяты чрезмерный упор на

---

³¹ Trenin D. Resetting the Reset // http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/11/05/resetting_the_reset?page=full

военную мощь (в том числе за счет иных параметров мощи – экономической, идеологической, культурной) и очевидная склонность к односторонним действиям.

Что касается Б.Обамы, то в период его первого президентства много внимания уделялось т.н. «умной силе» (smart power), т.е. сочетанию элементов мягкой и жесткой силы при достижении Соединенными Штатами своих внешнеполитических целей. Однако «умная сила» – это инструмент, а не стратегия. В плане стратегии Обама по объективным причинам, связанным как с особенностями текущего политического момента в США, так и с развитием американской политической мысли, колеблется между возвратом к либеральному интервенционизму и опорой на политический реализм.

Вместе с тем, в геополитическом смысле американские приоритеты были обозначены Обамой достаточно четко. Соединенные Штаты решают многочисленные проблемы и постепенно освобождают руки на Большом Ближнем Востоке и сосредотачивают внимание на Китае и тихоокеанской Азии (т.е. в некотором смысле возвращаются к приоритетам политики, обозначившимся еще до катастрофических терактов в Нью-Йорке сентября 2001 г.). Администрация Обамы выступила с интересной инициативой. Вместо универсального режима под зонтиком ВТО Вашингтон создает «коалиции желающих» из американских партнеров в атлантическом и тихоокеанском регионах. Обама намерен поставить США на мировой арене во главе двух «колец» сотрудничества, двух гигантских региональных экономических коалиций (в перспективе – аналогов экономического НАТО) – ТАП и ТТП, на долю которых сегодня приходится 20% мирового населения, около 63% глобального ВВП, почти 70% мирового экспорта, около 80% вывоза капиталов, примерно 90% рыночной капитализации на всей планете (с оговоркой – если к ТТП присоединятся Япония и Южная Корея)³². Пекину отправлен недвусмысленный сигнал – какими бы впечатляющими ни были темпы его роста, под контролем США в любом случае останется явно более половины мирового ВВП и львиная доля инновационного и технологического потенциала.

Россия объективно находится отнюдь не в фокусе внимания американского политического класса и экспертного сообщества. Трудно ожидать, что обновленная американская администрация изменит свое отношение к Москве и, расширив проникнутый духом политического реализма подход, направленный на использование ресурсов и возможностей России для продвижения американских интересов в различных регионах мира (Афганистан, Иран, КНДР, Сирия и т.д.), вдруг станет относиться к ней, «как к ценному активу в глобальной американской стратегии» (выражение Д.Тренина).

Существующий своего рода «ценностный разрыв» между Вашингтоном и Москвой по самым разным аспектам внутренней и мировой политики (например, неожиданная для российского руководства резкая политизация нашими западными партнерами закона о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних) только углубляется. Именно по причине усугубления этого «ценностного разрыва» в последние годы в отношениях Москвы и Вашингтона не раз случались и заморозки, вызванные серьезным расхождением позиций. Так, американцы в рамках своего «двухтрекового подхода» (double track approach) полагали возможным активно взаимодействовать не только с официальной Москвой, но и с неправительственными организациями, часть из которых прямо зависела от американской финансовой помощи. В качестве ответной меры в российский официальный политический оборот было введено понятие «иностранный агент», а работа в России Агентства США по международному развитию (USAID) была вынужденно свернута осенью

³² Подробнее об этом см.: Рогов С. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top

2012 г. Одновременно, несмотря на «перезагрузочную» риторику последних лет, на Россию в Вашингтоне по-прежнему смотрят как на труднопредсказуемую и опасную для окружающих ее небольших государств (американских клиентов и союзников) страну. Россия интересна американскому политическому истеблишменту прежде всего постольку, поскольку может способствовать повышению эффективности американской политики на приоритетных направлениях.

Российско-американские отношения крайне неудачно стартовали после американских выборов. Декабрь 2012 г. ознаменовался рядом громких (если не сказать скандальных) заявлений покидавшего свой пост государственного секретаря Хилари Клинтон и принятием Конгрессом (с последовавшим подписанием его президентом США) т.н. Акта Магницкого.

Выступая в Дублине во время конференции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), госсекретарь Хилари Клинтон, комментируя российские предложения о создании Евразийского союза в составе России и ряда бывших советских республик, прямо назвала данный план «новой попыткой советизации региона» и заявила, что Соединенные Штаты «пытаются выработать эффективные способы замедления или предотвращения данного процесса». Столь прямой и откровенной констатации того факта, что США рассматривают интеграционные начинания России на постсоветском пространстве в качестве враждебного проекта, который надо «предотвратить», ранее на официальном уровне еще не звучало. Наличие геополитической конкуренции на постсоветском пространстве было разумеется очевидно с момента распада Советского Союза, однако официально таковая обычно энергично отрицалась. Поэтому откровения американского госсекретаря, прямо скажем, не стали вдохновляющим прологом к новому этапу развития российско-американских отношений.

Принятие Конгрессом «закона Магницкого» (причем в Сенате почти единогласно, 93 голосами) и подписание его президентом Обамой создали крайне неблагоприятный фон для дальнейшего развития отношений. Чтобы понять степень возмущения официальной Москвы этим законом, стоит пояснить, что он собой представляет. Этот закон позволяет преследовать (не только отказывать во въездных визах в США, но и, например, арестовывать активы) людей, список которых формируется закрытым образом на основании секретных данных или подозрения об их причастности к «делу Магнитского», а в перспективе и вообще к «попранию свободы». То есть закон дает карт-бланш на совершенно неправомерное преследование практически неограниченного круга российских граждан. С конца 1990-х американцы неоднократно пытались расширить свою юрисдикцию на внутрироссийские дела, используя для этого различные сомнительные предлоги (достаточно упомянуть дело «об отмывании денег» холдингом «Менатеп» в Bank of New York; дело бывшего главы Минатома Евгения Адамова, экстрадиции которого из Швейцарии американцы пытались добиться на основании американского закона, запрещающего сотрудничество с Ираном (американцам не нравилось, что Адамов санкционировал достройку АЭС в Бушере) и т.д.). «Закон Магницкого» стал своего рода апофеозом этой тенденции. Отменив абсолютно устаревшую и лишившуюся смысла в связи со вступлением России в ВТО поправку Джексона-Вэника, сенаторы США единодушно проголосовали за закон, решающий актуальную задачу сегодняшнего дня – контролировать российскую элиту. Новый закон – по сути, неприкрытый рычаг давления на имеющих интересы за рубежом российских предпринимателей и влиятельных чиновников.

Реакция Москвы оказалась предсказуемо жесткой. Ответом на Закон и список Магницкого в США стал симметричный «список Гуантанамо» и асимметричный «закон Димы Яковлева». При этом атмосфера в двусторонних отношениях оказалась серьезно подпорченной. Определенные надежды на придание нового импульса дву-

сторонним отношениям были связаны с планировавшимся визитом в Россию Б.Обамы и его переговорами с российским президентом В.Путиным. Но тут на первый план все больше стали выходить ситуативные факторы. В частности, резко обострило ситуацию развитие ситуации вокруг бывшего сотрудника АНБ Эдварда Сноудена, буквально «зависшего» в аэропорту Шереметьево (отнюдь не по инициативе российской стороны). Разрастающийся скандал по внутривластным причинам заставлял Обаму быстро и решительно реагировать. Результатом оказалась отмена официального визита Б.Обамы в Россию.

Вместе с тем, при внешне жесткой и временами даже конфронтационной риторике сторон у них почти нет, как было принято раньше выражаться, «антагонистических интересов» (даже на постсоветском пространстве еще есть шансы уйти от сценария игры с нулевой суммой). Как остроумно отметил известный российский аналитик Ф.Лукьянов: «Между двумя странами сейчас нет конкретного и четко определенного конфликта. Есть быстрое расхождение представлений о том, как жить»³³. В этих условиях особую роль в трансформации отношений в позитивном ключе могут и должны сыграть дипломаты и эксперты. Как выразился известный американский политолог Чарльз Капчан: «вопреки расхожему мнению, не торговля, а дипломатия является валютой мирного устройства на планете. Экономическая взаимозависимость – это скорее следствие, нежели причина сближения между государствами». В этом контексте отсутствие элементов экономической взаимозависимости и стейкхолдеров, экономически заинтересованных в развитии отношений с Россией и способных их эффективно их лоббировать в Вашингтоне, конечно, является очевидным минусом. Но именно политический курс на сближение позиций сторон по широкому кругу международных проблем способен проложить дорогу к возникновению элементов подобной взаимозависимости в будущем. «Сторонники «коммерческого мира» утверждают, что торговля и инвестиции способствуют развитию чувства доброжелательности у соперников, поскольку у них появляются общие политические и экономические интересы». На самом деле сближение, особенно сближение бывших противников, «является продуктом дипломатии, а не коммерции. Хотя торговая интеграция помогает углублять процесс примирения (в основном за счет поддержки со стороны промышленников и финансистов), сначала дипломаты должны заложить политический фундамент»³⁴. В этом смысле работа дипломатов и совместные политические усилия на сирийском, иранском, северо-корейском, афганском и иных треках способны внести весомую лепту в формирование минимально необходимого взаимного доверия и подготовить почву для долговременного сотрудничества по более широкому кругу проблем.

Наглядным примером взаимодействия стало развитие ситуации вокруг Сирии. Гражданская война в Сирии традиционно демонстрировала различия в подходах сторон к решению ряда сложных региональных проблем. Строго говоря, Сирия не входила в список приоритетных национальных интересов США, до того как Обама не объявил о неприемлемости для США применения режимом Асада оружия массового уничтожения против оппозиции. Когда Обама говорил о «красной линии» и химическом оружии в Сирии, на самом деле он был уверен, что до его применения дело не дойдет. Это был реверанс в сторону тех членов его администрации и правых республиканцев, которые полагали, что США несут некие моральные обязательства по прекращению насилия в регионе. Но после того как химическая атака с многочисленными человеческими жертвами все же произошла в августе 2013 г., официаль-

---

³³ Лукьянов Ф. Обама сегодня как Путин вчера // <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Obama-segodnya-kak-Putin-vchera-15843>.

³⁴ Капчан Ч. Враги становятся друзьями // <http://www.globalaffairs.ru/number/Vragi-stanovyatsya-druzyami-14874>.

ный Вашингтон оказался вынужден реагировать. И не потому, что Сирия очень важна для США. Просто, с точки зрения американского истеблишмента, США публично огласили условие, которое обязывает их к военному вмешательству. И если бы Обама не предпринял никаких действий после того как условие было нарушено, это поставило бы Вашингтон в крайне неудобное положение и, по мнению американских экспертов, создало бы у других проблемных режимов (от Ирана до Северной Кореи) ощущение, что американские предупреждения можно игнорировать.

В этом контексте выдвинутое российским руководством в сентябре 2013 г. предложение о передаче всего арсенала сирийского химического оружия под международный контроль и о его последующей ликвидации оказалось как нельзя более своевременным компромиссом и остановило эскалацию конфликта. Пока оно не смогло стать триггером нового российско-американского сближения уже на иной основе – совместного поиска решений застарелых международных проблем. Но создало некое окно возможностей для проявления доверия друг к другу Москвы и Вашингтона.

Не меньший вклад способно внести и экспертное сообщество. Повестка дня 2009-2011 гг. в российско-американских отношениях практически исчерпала себя. Тогда триггером перемен послужили успешные переговоры о сокращении ядерных вооружений. Сейчас Россия не заинтересована в обсуждении дальнейших сокращений ядерных вооружений (в том числе тактического ядерного оружия). Так же как США слышать не хотят об ограничении их военной активности в космическом пространстве или в создании программ по типу Быстрого Глобального Удара (Prompt Global Strike).

Элементы геополитической конкуренции в отношениях России и США практически неустранимы. Равно как и различия конкретных национальных интересов и некоторых базовых точек зрения на основы мирового порядка. Но это не предполагает неизбежной деградации наших взаимоотношений и не означает наличия непреодолимых препятствий для развития взаимовыгодного сотрудничества по ряду принципиальных направлений. Нельзя не согласиться с мнением целого ряда видных отечественных аналитиков о том, что акцентировать российско-американские разногласия по вопросам, не имеющим для нас принципиального значения, «вызывать огонь на себя» означает приносить жертвы в пользу стран и режимов, желающих использовать Россию в качестве прикрытия. Россия не должна претендовать на лидерство в каких бы то ни было антиамериканских коалициях, к чему нас порой подталкивают. Сейчас как никогда необходим поиск нового набора тем, который мог бы создать предпосылки и политическое пространство для неких асимметричных компромиссов.

Выводы

1. Определяющее влияние на перспективы «модернизационного партнерства» с США будет иметь способность наладить политический диалог и повысить уровень взаимного доверия.
2. Характер отношений между Россией и США остается противоречивым, сочетающим элементы как сотрудничества, так и принципиальных расхождений и активного соперничества. Однако, в целом, реальные долгосрочные интересы России и США не представляются антагонистическими, а во многом и совпадают.
3. В повестке дня отношений Россия–США актуальной является задача развития торгово-экономических и деловых связей. Следует также отметить, что ни в той, ни в другой стране не сформировались влиятельные группы экономических интересов, которым было бы выгодно сгла-

- живание политических конфликтов между Россией и США, что представляется одним из уязвимых мест двусторонних отношений.
4. Слабо используется существующая институциональная основа развития двустороннего диалога. Так, в ходе «перезагрузки» возник ряд институтов (например, полтора десятка совместных российско-американских групп в рамках «президентской комиссии», которые должны были способствовать перепрограммированию двусторонних отношений). Однако о достигнутых результатах их деятельности практически ничего не слышно.
  5. В долгосрочном плане основным внешним ресурсом РФ для преодоления отставания и успешной модернизации страны являются страны ОЭСР, и прежде всего государства, входящие в Европейский Союз. Большинство из них входят в НАТО или состоят в двусторонних союзах с США. Для того, чтобы в полной мере использовать этот ресурс, требуется изменить характер отношений с США, концентрируясь на расширении базы сотрудничества и доверия.
  6. Необходимо предпринимать последовательные усилия по расширению научно-технического, образовательного, культурного и гуманитарного сотрудничества с Соединенными Штатами, в т.ч. активизировать связи между университетскими центрами по исследованиям и разработкам, обмен студентами, профессорско-преподавательским составом, научными специалистами по линии вузовской, академической и отраслевой науки.

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Россия – Китай: тенденции развития экономических связей

За прошедшую после нормализации двусторонних отношений почти четверть века (визит в Пекин и переговоры М.С. Горбачева с Дэн Сяопином в 1989 г.) Китай вышел на первое место во внешней торговле России. В свою очередь Россия занимает десятое место в числе ведущих китайских внешнеторговых партнеров³⁵.

В 2012 г товарооборот между двумя странами превысил 88 млрд. долл. (см. табл. 1). Таким образом, за последнее десятилетие двухсторонняя торговля, несмотря на кризисные явления в мировой экономике, динамично развивалась и выросла в 5.6 раза.

Таблица 1. Динамика внешней торговли России с Китаем

	2003	2008	2012	2013*
Оборот	15,7	56,8	88,2	66,7
Темпы прироста(%)	32,1	18,0	11,2	0,7
Экспорт	9,7	23,8	44,1	30,5
Темпы прироста(%)	15,7	21,0	9,2	-9
Импорт	6,0	33,0	44,1	35,7
Темпы прироста(%)	71,4	15,6	13,2	9,5
Сальдо	+3,7	-9,2	0	-5.2

*январь – сентябрь 2013 г.

Источник: портал внешнеэкономической статистики Министерства экономического развития РФ: www.ved.gov.ru.

Характеризуя российско-китайские экономические связи, российские политики, эксперты и СМИ нередко высказывают опасения, что Россия превращается в сырьевой придаток китайской экономики. Но структура всего российского товарного экспорта пока такова, что основную долю в нем занимают нефть и газ, а также некоторые другие виды сырья и продукция первых стадий его переработки (лесная и лесохимическая продукция, черные и цветные металлы, удобрения и т.п.)³⁶. Поэтому российско-китайская торговля просто не является тут исключением. На эмоциональном восприятии объективных российских реалий через призму Китая сказывается воздействие, по меньшей мере, двух факторов: во-первых, масштабов Китая, которые зримо демонстрируют возможности и слабости российской экономики; во-вторых, сохраняющийся у значительной части российского общества, включая его политическую и деловую элиту, дефицит информации о китайских реалиях, что порождает домыслы и мифы, необоснованные надежды и неоправданные страхи относительно характера двусторонних отношений.

Если учитывать объективное состояние двух стран, следует отметить, что достигнутая динамика и масштаб взаимных торговых обменов заслуживают положительной оценки. Кроме того, накоплен огромный опыт деловых взаимоотношений на центральном и региональном уровнях, между государственными и частными структурами, а также, что немаловажно, на личном уровне.

³⁵ Портал внешнеэкономической статистики Министерства экономического развития РФ. www.ved.gov.ru.

³⁶ http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=16443&Itemid=1978

Соглашения о предоставлении китайской стороной долгосрочных кредитов на сумму в 25 млрд. долл. российским госкорпорациям Роснефть и Транснефть в счет будущих поставок сырой нефти в Китай предусматривают строительство нефтепроводов из Восточной Сибири и Дальнего Востока к китайской границе, повышающих возможности экспорта углеводородов на тихоокеанском направлении.

Вместе с тем, двусторонние отношения характеризуются рядом проблем. Одна из них – недостаточный уровень (количественный и качественный) обмена прямыми капиталовложениями. Объем накопленных прямых китайских инвестиций в российскую экономику к 2013 г. достиг 3,6 млрд. долл. В свою очередь российские капиталовложения на тот же период составили лишь 850 млн. долл. При этом в структуре инвестиций преобладают проекты развития традиционных отраслей – добыча минеральных ресурсов, лесное и сельское хозяйство, торговля, строительство, услуги в России, производство потребительских товаров для российского потребителя – в Китае. Тем самым инвестиционные обмены, во-первых, невелики, во-вторых, вписываются в уже сложившийся характер двухсторонних экономических обменов. Тем самым до сих пор капиталовложения закрепляли расширение товарооборота на традиционной базе, и лишь в незначительной степени охватывали сферу технологического сотрудничества.

Как показали переговоры российского и китайского руководства, прошедшие в 2012-2013 гг., обе страны стремятся наполнить торгово-экономические отношения новым содержанием и диверсифицировать их структуру – по формам и по продуктовому и технологическому наполнению.

Торговый оборот планируется наращивать не только на традиционных направлениях, но и за счет изменения его структуры. По словам первого вице-премьера правительства РФ И. Шувалова, перспективными для сотрудничества между нашими странами могут быть такие отрасли, как энергетика и энергосбережение, транспортная инфраструктура, био- и нанотехнологии, телекоммуникации. По мере расширения традиционных связей за счет сотрудничества в новых отраслях объем российско-китайской торговли планируется нарастить до 100 млрд. к 2015 г. и до 200 млрд. долл. – к 2020 г.³⁷

Во время визита в Россию тогдашнего заместителя премьера (нынешнего премьера) Госсовета КНР Ли Кэцзяна (он провел переговоры практически со всем руководством страны) в апреле 2012 г. между российскими и китайскими компаниями было заключено 27 соглашений о сотрудничестве на 15 млрд. долл.³⁸

Сумма, на первый взгляд, относительно невелика, но что важно – большинство соглашений касаются предприятий как минимум первичной переработки сырья, что представляет собой продвижение в двустороннем сотрудничестве от поставок необработанного сырья к обработанной продукции, или относятся к продвинутым формам сотрудничества по сравнению с чисто торговыми операциями.

Среди указанных выше соглашений³⁹:

1. Рамочная договоренность о стратегическом сотрудничестве между китайской компанией Norinco и российскими компаниями «Базовый элемент», En+ Group и РусАл, предусматривающее поставки из России в Китай 1 млн. т алюминиевой продукции в течение пяти лет. В целом соглашение рассчитано на десять лет. Один из проектов этого соглашения предусматривает модернизацию Красноярского металлургического завода, а объем совместных инвестиций составит 480 млн. долл.

³⁷ <http://www.rg.ru/2012/04/28/shuvalov-site.html>

³⁸ Ibidem.

³⁹ <http://www.1prime.ru/news/0/%7BF876BD8F-5706-42A4-A860-14A9C153E250%7D.uif>

2. «СИБУР Холдинг» и Sinopres договорились о сотрудничестве в создании совместного предприятия для производства бутадиен-нитрильного каучука в Красноярске.

3. Рамочное соглашение между АФК Система и ZTE предусматривает открытие на территории КНР совместного предприятия по производству электронного оборудования.

4. Российское энергетическое агентство и Государственный центр энергосбережения Китая подписали меморандум о развитии сотрудничества по совместной реализации компаниями и организациями двух стран деятельности и проектов в области инноваций, энергоэффективности, и энергосбережения.

5. ОАО «Восточная энергетическая компания» и Государственная электросетевая компания Китая договорились о поставках из России электроэнергии в Китай. Контракт рассчитан на 25 лет, в течение которых общий объем поставки ориентировочно составит 100 млрд. кВт/час.

Тогда же, в апреле 2012 г. стороны договорились в принципе о создании Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Китайской инвестиционной корпорацией совместного инвестиционного фонда с первоначальным объемом ресурсов в 4 млрд. долл.

Во время Российско-китайского инвестиционного форума И. Шувалов призвал китайских инвесторов вкладываться в развитие восточных территорий России, в т.ч. при поддержке средств совместного фонда. Его целевая функция – содействие инвестициям в проекты и компании, вовлеченные в российско-китайское сотрудничество, и способствование его развитию. По прогнозу главы РФПИ К. Дмитриева, до 70% средств нового фонда будут вкладываться на территории России и СНГ⁴⁰.

Развивается сотрудничество по линии созданного в 2011 г. Российского агентства по страхованию экспортных кредитов и инвестиций «ЭКСПАР» и Китайской корпорацией страхования экспортных кредитов (SINOSURE).

Стороны поддерживают подписание соглашения о содействии совместного экспорта в третьи страны, что открыло бы новое направление торгово-экономического взаимодействия двух стран⁴¹.

Дальнейшие шаги по развитию российско-китайского сотрудничества были предприняты в рамках первого (после его возвращения на пост президента страны) официального визита в Пекин В. Путина (июнь 2012 г.). Был подписан протокол между РФПИ и Китайской инвестиционной корпорацией о завершении создания Управляющей компании Российско-Китайского инвестиционного Фонда и утверждении основных принципов её деятельности.

Тогда же заключены соглашения, которые предусматривают, говоря языком официальных документов, «дальнейшее углубление российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия»⁴². Речь идет об общем рамочном меморандуме, предусматривающем развитие сотрудничества в сфере промышленности (его заключили министерство промышленности и торговли РФ и министерством промышленности и информатизации КНР).

Упомянутые в нем приоритетные области сотрудничества включают⁴³:

– атомную энергетику (строительство на территории КНР атомных реакторов и всеобъемлющее технологическое сотрудничество, действующие лица – «Росатом» и Агентство по атомной энергии Китая),

⁴⁰ <http://www.rg.ru/2012/04/28/shuvalov-site.html>

⁴¹ <http://www.forbes.ru/news/81802-shuvalov-rossiya-i-kitai-sozdayut-investfond-obemom-do-4-mlrd>

⁴² http://news.kremlin.ru/ref_notes/1229

⁴³ Ibidem.

– самолетостроение (совместную разработку широкофюзеляжного дальнемагистрального пассажирского самолета – «Объединенная авиастроительная корпорация» и Китайская корпорация коммерческих самолетов),

– энергомашиностроение («РАО Энергетические системы Востока», китайский банк CITIC и Хэйлуньцзянский энергомашиностроительный Альянс),

– электроэнергетику (ИНТЕР РАО ЕЭС и Государственная электросетевая корпорация Китая),

– вагоностроение («Уралвагонзавод» и «Китайская Южная вагоностроительная корпорация»),

– сотрудничество в сфере новых технологий (рамочное соглашение о сотрудничестве подписали Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий, РФ и Административный комитет научного парка «Чжунгуаньцунь», КНР).

Таким образом, в последний период было озвучено немало планов, реализация которых позволила бы придать дополнительный импульс продвижению двустороннего экономического взаимодействия, которое бы смогло внести большой вклад в процесс модернизации двух стран.

Вопрос, однако, состоит в том, достаточно ли принятых мер для реализации достигнутых договоренностей?

Дело в том, что современный этап сотрудничества можно считать третьей попыткой стратегического сближения двух стран и реализации сопутствующих этому модернизационных проектов. Первая такая попытка была инициирована Россией (конец XIX века – начало XX века) и порождалась бурным пореформенным ростом после Великих реформ Александра II. Дополненные и развитые финансовой политикой и транспортными проектами С.Ю. Витте, а также аграрными и переселенческими инициативами П.А. Столыпина управленческие, экономические и правовые преобразования способствовали формированию в России унифицированного юридического поля, единого рынка труда и капитала, а также интенсивному расширению транспортной инфраструктуры от Балтики до Тихого океана. Имперские претензии и экономическая экспансия в поисках новых возможностей роста шли в эту эпоху рука об руку. В этих условиях стал возможен динамичный сдвиг предпринимательской и политической активности на Восток, проявившийся в строительстве Транссиба, обеспечившего укрепление инфраструктурной базы на российском Дальнем Востоке и создания плацдарма для обеспечения военного и коммерческого присутствия России в Северо-Восточном Китае. Символом крепнущих технологических возможностей России в Китае стала Маньчжурская или Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), исключительно сложное по решенным инженерным задачам сооружение протяженностью 2527 км, построенное всего за неполных шесть лет (в 1897-1903 гг.)⁴⁴.

При этом набравший силу процесс урбанизации, определял смену деятельности населения с аграрного в пользу промышленного производства, торговли и сферы услуг. Дорога располагала собственным морским и речным флотом, способствовала созданию телеграфной и телефонной системы связи, росту предприятий строительной индустрии и деревообрабатывающих фабрик, угольных копий, ремонтных мастерских. В зоне дороги начали функционировать 20 железнодорожных училищ⁴⁵. В свою очередь усилился импорт в Россию и Европу товаров из Китая и привлечение китайской рабочей силы на российский рынок.

Однако русско-японская война сдержала, а события 1917 г. покончили с экономическим продвижением России, последствия которого были достаточно быстро нивелированы. Железная дорога осталась, но вызванный ее строительством модернизационный подъем угас.

⁴⁴ www.rzd-expo.ru/history/istiriyaastroitelstvaKVJD/.

⁴⁵ Русский Харбин. www.ru.wikipedia.org.

Вторая волна двустороннего сближения (1950-е – начало 1960-х годов), происходила в условиях превращения СССР после Второй мировой войны в сверхдержаву и прихода к власти в Китае компартии, и проявилась в социалистической модернизации Китая, во многом реализуемой под влиянием советской модели. Привлекательность данной модели придавал образ Советского Союза, как государства, могущество которого опиралось на многоотраслевую тяжелую и оборонную индустрию, на ядерный и космический потенциал, что являлось на тот период (как и сейчас) атрибутом развитой в научно-техническом отношении экономики. При этом сколько-нибудь реальной альтернативы советскому модернизационному проекту в силу политического противостояния Китая Западу не было. В этих условиях предлагаемые СССР проекты стали единственной реальной возможностью в то время придать дополнительный импульс индустриальному развитию Китая.

Тысячи китайских студентов и специалистов, получивших образование или переподготовку в СССР, десятки построенных крупных промышленных и инфраструктурных объектов внесли заметный вклад в создание в КНР базовых отраслей. В свою очередь, СССР в условиях политической конфронтации и экономического соревнования с Западом рассчитывал на потенциал сотрудничества с индустриально окрепшим и идеологически близким Китаем. Однако стратегического модернизационного партнерства в двусторонних отношениях в тех условиях не сложилось.

Не вдаваясь в подробности, отметим главное – неизбежность конфликта между Москвой и Пекином была заложена в фундаментальном различии существовавших в СССР и КНР двух близких систем, находящихся, однако, на разных стадиях своего развития. Если СССР к середине 1960-х годов подошел с осознанием потребности перехода к стадии «коллективного руководства» в политике и проведения «косыгинской реформы» в экономике (хотя эти попытки и оказались неудачными), то в этот же период Китай вступил в период многолетних политических и социально-экономических потрясений, вызванных «культурной революцией». В сложившихся условиях внешним проявлением глубинного конфликта между Москвой и Пекином стали межпартийные и межгосударственные противоречия, которые привели к свертыванию двустороннего сотрудничества. В конечном итоге, не получившее свое продолжение десятилетие «великой дружбы», оставило разочарованными обе стороны, что способствовало накоплению взаимных претензий и выдвиганию обоюдных обвинений.

Выводы, истекающие из предшествующих этапов российско-китайского сближения поучительны. Обязательным условием успеха модернизационного партнерства является сопряженность институтов, целей и механизмов двустороннего взаимодействия.

В этой связи третье российско-китайское сближение, происходящее в новую историческую эпоху, требует, по крайней мере, рамочного определения его модернизационного потенциала для России. Выявление способности в современных условиях инициировать у партнера модернизационные процессы, как и готовность аккумулировать поступающие извне импульсы предполагает оценку характера развития ключевых политических и экономических тенденций в Китае.

Китай в поиске ответов на новые вызовы развитию

После нескольких десятилетий реформ, начатых Дэн Сяопином в 1978–1979 гг., Китай фактически вступил в новую фазу развития. Можно говорить о том, что первый этап экономического преобразования страны завершен. Этот факт признало в марте 2011 г. Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП)

принятием очередного, 12-го пятилетнего плана (2011-2015 гг.), в который заложены отличные от предыдущих ориентиры социально-экономического развития страны.

Основные направления социально-экономического развития Китая состоят в следующем:

- сердцевина экономической стратегии – переход к опережающему развитию внутреннего рынка, при опоре на потребительский спрос, снижении роли экспорта и инвестиций, прежде всего прямых государственных капиталовложений в экономику; поощрение потребительского спроса требует повышения доходов населения, поэтому намечается поднять их долю в ВВП до 60% (сейчас немногим выше 40%);

- для коррекции баланса между внутренним спросом и экспортом в пользу первого, а также смягчения внутренних структурных межотраслевых и региональных дисбалансов планируется замедление темпов экономического роста до 7-8% вместо 10-11%, достигнутых в годы предыдущих пятилеток;

- смена акцента экономического роста должна позволить сократить глубокие перекосы в соотношении доходов разных социальных групп, в уровнях социально-экономического развития разных регионов страны, между промышленностью и сферой услуг и т.д.;

- одновременно сохраняется задача – продолжить поглощение экономикой трудоспособного населения, выходящего каждый год на рынок труда в количествах десятков миллионов человек.

Завершение первого этапа экономического обустройства страны, конечно, не означает того, что, как иногда пишут, «страна в значительной мере построена»⁴⁶. На самом деле инфраструктурное обустройство Китая далеко от завершения. Особенно это касается его западных и северо-восточных районов.

Более того, многое из того, что уже построено в скором времени может потребовать переделки или даже полной замены в связи с издержками качества строительства (недостатки проектирования и применяемых материалов и технологий, неадекватная сложности возводимых объектов квалификация рабочей силы и излишняя скорость строительства).

Об этом говорят, например, обрушение летом 2012 г., всего через 9 месяцев после его постройки, автомобильного моста в г. Харбине или железнодорожная катастрофа июля 2011 г., в которой участвовали два скоростных поезда⁴⁷. Через такой период издержек первоначального строительства проходили ныне технологически передовые страны Восточной Азии (например, Южная Корея).

В полной мере это относится и к промышленности, особенно к ее базовым отраслям. За короткий период времени масштабы производства в них были «разогнаны» до огромных размеров. Например, в сталелитейной промышленности – со 130 млн. т в 2000 г. до 680-685 млн. т в 2011 г. Такие скорости зачастую достигались за счет низкой эффективности производства, узости ассортимента и невысокого качества выпускаемой продукции. Поэтому Китай вынужден импортировать изделий металлургической промышленности на 12 млрд. долл. Уже в ближайшей перспективе потребуются модернизация мощностей, прежде всего с целью снижения их энерго- и материалоемкости.

Более того, речь идет о переходе к глубокой структурной перестройке экономики.

---

⁴⁶ Коммерсант. 20.09.2012.

⁴⁷ По данным японской печати, один из двух поездов был построен по канадской технологии, а другой – по японской. Система операционного контроля и безопасности заимствована в Европе. The Japan Times, 2011, July 26; July 27.

Таблица 2. Основные показатели перестройки китайской экономики (%)

Показатели/годы	1995-2010	2011-2015	2016-2020	2021-2025	2026-2030
ВВП ¹	9,9	8,6	7,0	5,9	5,0
Численность занятых ¹	0,9	0,3	–0,2	–0,2	–0,4
Производительность труда ¹	8,9	8,3	7,1	6,2	5,5
Потребительские расходы ²	48,6	56,0	60,0	63,0	66,0
Инвестиции ²	46,4	42,0	38,0	36,0	34,0
Промышленность ²	46,9	43,8	41,0	38,0	34,6
Услуги ²	43,0	47,6	51,6	56,1	61,1
Сельское хозяйство ³	38,1	30,0	23,7	18,2	12,5
Услуги ³	34,1	42,0	47,6	52,9	59,0

¹ Среднегодовые темпы прироста

² Доля в ВВП.

³ Доля в общем числе занятых в экономике

Источник: Development Research Center of the State Council (DRC).

Традиционная обрабатывающая промышленность, которая позволяет Китаю играть роль локомотива мировой экономики, сохранит свое ключевое значение в индустриальном развитии страны в среднесрочной перспективе. Вместе с тем перед Китаем стоит задача повышение роли инновационного комплекса в экономике страны, который призван изменить характер специализации «мировой фабрикой»⁴⁸.

Кроме того, Китай оказывается слишком зависимым от внешних факторов. Его экспортная квота – около 25% – значительно выше, чем у государств со сравнимыми масштабами экономики – Японии и США, что делает китайскую промышленность излишне зависимой от колебаний мировой экономической конъюнктуры.

При этом следует отметить: целый ряд исследований наглядно демонстрирует, что действительный доход Китая от экспорта часто минимален, поскольку в нем львиную долю составляют импортные комплектующие, либо плата за технологии или дизайн. В деловой и политической элите растет недовольство, что при производстве «мировой фабрикой» огромного количества продукции доля в ней собственной, китайской добавленной стоимости крайне мала⁴⁹. Поэтому переориентация производства на удовлетворение внутреннего спроса должна быть дополнена, по мнению китайских властей, разработкой оригинальных, незаимствованных товаров и технологий.

⁴⁸ См., например, материалы проводившегося в сентябре 2012 г. в г. Тяньцзине очередного так называемого Летнего Давоса: <http://www.tj-summerdavos.cn>.

⁴⁹ Например, в продаваемом в США за 250 долл. iPod доля китайского экспортера оценивается в 3-4 долл. (Эксперт. 2011, №48, 5-11 декабря, с. 64). Аналогичные оценки проводились и по многим другим потребительским товарам китайского экспорта – вплоть до кроссовок, и везде доля китайского экспортера не превышала нескольких долларов.

В этих условиях при сохранении расширения импорта технологий китайское правительство усилило нажим на иностранные компании, действующие в стране, с тем, чтобы они организовывали свои центры НИОКР на территории Китая или переносили их из других стран. Безусловно, объем растущего внутреннего рынка, а также экспортные возможности Китая представляют собой мощный стимул для зарубежных инвесторов, которые вынуждены считаться с новыми условиями своей деятельности. Вместе с тем вопрос о качестве и объеме инновационных ресурсов, которыми готовы будут поделиться ТНК остается открытым.

В мае 2012 г. правительство объявило о стимулировании развития нескольких стратегических отраслей. Тактической целью этого шага было поддержание замедляющегося экономического роста, а долгосрочной – дальнейшее поощрение структурной перестройки китайской промышленности и экономики в целом.

В число объявленных приоритетных направлений развития вошли⁵⁰:

- выпуск использующих новые источники энергии средств передвижения,
- производство энергоэффективной и экологичной продукции,
- информационные технологии следующего поколения,
- биотехнология,
- высокотехнологичная продукцию обрабатывающей промышленности,
- новые материалы.

Между тем глубина существующих проблем современного Китая такова, что требует от руководства страны, пришедшего к власти в 2012-13 гг. выдвижения смелых неординарных решений, выходящих за рамки корректировок существующих механизмов и институтов, а также недюжинной политической воли для их реализации.

Состоявшийся в ноябре 2013 пленум ЦК КПК сделал первые шаги, направленные на проведение стратегических реформ.

Прежде всего, правительству приходится браться за перестройку банковско-кредитной системы. Подъем экономики Китая в значительной степени базировался на льготном финансировании госсектора, причем к проблеме возвратности кредита экономические власти подходили достаточно либерально. При этом значительные средства были аккумулированы в сфере недвижимости, что создало угрозу возникновения финансовых «пузырей». В результате объем плохих долгов по оценкам Moody's составляет 10% ВВП КНР⁵¹. В этой связи в целях оздоровления кредитной политики, предполагается смягчить административное давление на госбанки, дать им свободу рук в принятии экономически обоснованных решений. Кроме того, намечается открыть больше возможностей для создания и деятельности частных банковско-кредитных институтов, а также облегчить условия для прихода в Китай иностранных банков. Все это должно способствовать конкуренции и оздоровлению кредитных отношений.

Однако в банковско-кредитной сфере едва ли возможно добиться ощутимого улучшения, если не взяться за решение смежной проблемы. Динамизм и характер дальнейшего развития Китая в значительной степени будет зависеть от способности власти приступить к давно назревшей реформе госкорпораций. Если показатель доходности частных компаний в 2011 г. составил 13,2%, то аналогичный показатель у госкорпораций составил всего лишь 4,9%⁵². Неэффективность госсектора во многом связана с такими проблемами как гигантомания и сопряженное с этим омертвление полученных кредитных ресурсов, недостаточные усилия по разработке и внедрению инноваций. В госкорпорациях значительна прослойка высокопоставленных лиц, деятельность которых подчас трудно контролируется. Как правило, они тесно связаны с

⁵⁰ South China Morning Post. 31.05.2012.

⁵¹ Габуев А. Вперед к застою // Власть. 2013. 11 июля. С.32.

⁵² The Wall Street Journal. 2013. 6.11.p. 13.

руководящими кадрами: дети и родственники либо высших партийных функционеров, либо руководителей правительственных и других влиятельных организаций. Это создает благоприятные условия для завязывания коррупционных связей, объективно подрывающих или деформирующих планы правительства, что, в конечном итоге, дискредитируют правящую элиту. Ситуация выглядит неоднозначной. Госкорпорации ждет перестройка, но окончательная ее форма не определена, тем более, что даже объявление о намерениях провести реформы госсектора встречает жесткое сопротивление бюрократии, получающих прямо или косвенно (через родственников) ренту от своего властного положения.

Состоявшийся пленум сделал также заявку на перемены в земельных отношениях. Крестьяне, обладающие в долгосрочном пользовании наделами государственной земли, помимо возможности закладывать свои паи, сдавать их в субаренду, получили право передавать используемую землю другим лицам на коммерческой основе, т.е. допускается замаскированная продажа наделов. Это должно положить конец практике насильственного лишения местными властями крестьян земли без адекватной компенсации с тем, чтобы использовать отчужденные участки для разного рода коммерческих проектов. Именно подобная практика порождала многочисленные протесты крестьян.

Большое значение в проводимых реформах отводится перераспределению доходов в пользу регионов. Тем самым центральное правительство не только считается с невозможностью управления страной из центра, но вынужденно делится с местной властью соответствующими финансовыми ресурсами, без чего обеспечить баланс реальных властных полномочий и ответственности на местах невозможно.

Новое явление в реформаторских планах китайского руководства – намечаемая либерализация правовой системы. Во-первых, предлагается резко сузить сферу применения смертной казни. Во-вторых, провозглашен отказ от многолетней практики фактически бессудного наказания путем заключения людей в лагеря «на перевоспитание». В-третьих, перед судебной системой ставится, по сути, революционная задача – обеспечение равенства граждан перед законом. Прежде члены партии, прежде всего представители бюрократии, подвергались своего рода досудебному разбирательству, в ходе которого определялось, достоин ли провинившийся снисхождения или его следует подвергнуть судебной процедуре в общем порядке, наряду с беспартийными и не обремененными высоким положением гражданами. В-четвертых, предполагается смягчение запретов на передвижение граждан из провинции, главным образом из сельских районов в города. Данное решение выглядит не только новацией в стратегии урбанизации, но и попыткой обеспечить права граждан КНР на перемещение, проживание и хозяйственную деятельность на всей территории страны. Правда, представленные формулировки носят достаточно общий характер и юридические нововведения по всем упомянутым пунктам должны еще пройти апробацию правоприменительной практикой.

Самая сложная проблема, пути решения которой китайским руководством пока только пунктирно намечаются – учет в государственной деятельности проявления интересов и политических приоритетов разных социальных групп и представителей регионов. Официально политическая реформа не значится в программе нынешнего руководства страны. Тем не менее, вопросы, относящиеся к этой теме, не могут откладываться без серьезных последствий, а потому требуют ответа. Некоторые из них руководство предлагает уже сейчас.

Постановление пленума ЦК КПК о создании Совета государственной безопасности (не репрессивный, а консультативный орган, аналог существующего в ряде стран Совета по национальной безопасности), которое выглядит «техническим решением», связанным с потребностью межведомственных консультаций, на самом

деле представляется мерой не только актуальной, но и более глубокой по содержанию. Потребность в чисто бюрократических согласованиях выглядит далеко не самой главной причиной появления очередного государственного органа. Политический характер решения во многом связан с тем обстоятельством, что руководство страны не может игнорировать влияние (и противостояние) таких акторов, как частный бизнес и региональные элиты, армейское руководство и оборонно-промышленный комплекс, бюрократия, связанная с внешнеэкономической политикой и руководители отсталых внутренних регионов, претендующих на учет их растущих интересов при принятии тех или иных политических решений. Стыковка позиций перед лицом внутренних и внешних вызовов как бюрократическое решение задачи обеспечения дискуссии и недопущения конфронтации, мера необходимая, но эффект её ограничен во времени. А потому впереди новый этап, в рамках которого власти предстоит найти политически формализованный выход активности разных элитных групп.

Пока же руководство страны предлагает ввести гласность в деятельности государственных органов, которые обязываются публиковать данные о своей деятельности. Тем самым разрушается изолированность бюрократии, вводится весьма ограниченный, но все же общественный (на уровне умеренных и регулируемых газетных и интернет-дискуссий) контроль над чиновничеством.

Таким образом, решения пленума ЦК КПК, если не обозначили окончательный стратегический вектор развития Китая, то, по крайней мере, наметили его контур. В управлении народным хозяйством намечается сужение государственного присутствия в реальной экономике и повышение гибкости регулирующих функций в финансовой системе, при возрастающей роли частного капитала в промышленности и в банковско-кредитной сфере. В области права закладываются основы гласного правосудия при более гибком административном руководстве судебной системой. В области социально-политических отношений создаются основы контрольных функций общества над бюрократическими органами и закладываются механизмы согласования позиций разных социальных групп по ключевым политическим вопросам.

Успех или неудача провозглашенных начинаний будут иметь прямые последствия для России. Неудачи реформ будут означать снижение и темпов, и качества социально-экономического развития Китая, а значит ограничение его модернизационного влияния на Россию. Успех и дальнейшее продвижение преобразований станет мощным вызовом России, перед которой неизбежно станет выбор: либо активизировать свои институциональные реформы, дабы быть адекватным партнером Китая. Либо встать на путь самоизоляции в обреченной попытке сохранить свою непоколебимую самобытность.

Основы и перспективы модернизационного партнерства

Опыт российско-китайского взаимодействия позволяет сделать ряд заключений о возможностях модернизационного сотрудничества.

Прежде всего следует подчеркнуть, что для успешного участия в международных модернизационных проектах требуются адекватные внутренние условия: политическая воля элит, базирующаяся на общественном диалоге; намеченные долгосрочные цели развития; предпринимательский креатив, который государство должно не подавлять, а поддерживать и учитывать при выборе и решении стратегических задач; соотнесение двухсторонних отношений с перспективными региональными и глобальными процессами. Наконец, требуется соразмерность внешних амбиций с внутренними возможностями.

Общий курс перестройки китайской экономики в сторону ухода от производства простейших потребительских товаров к наращиванию доли в промышленном производстве наукоемких товаров, развитию многоуровневой сферы услуг (что для Китая – абсолютно новое дело), новому качеству производственной и социальной инфраструктуры – все это расширяет возможности сотрудничества Китая и России. Что же касается возможностей взаимного модернизационного влияния России и КНР, то в значительной степени они отражаются структурой двусторонней торговли. В этом контексте негативные сдвиги в товарном наполнении российского экспорта свидетельствуют о резком снижении модернизационного потенциала России. Так, в течение десятилетия доля машин и оборудования в российских поставках на китайский рынок упала: с 28,7% в 2001 г. до 0,7% в 2011 г. Заметно сократилась доля товаров первичной переработки, таких как черные и цветные металлы (с 20,8% до 8,2%) и продукции химической промышленности, соответственно, с 16,4% до 9,3%. В то же время доля топлива и минерального сырья увеличилась с 11% до 66%.⁵³ Показатели января – сентября 2013 г. мало чем отличались от предшествующего периода: поставки сырой нефти составили 67,8% всего российского экспорта в Китай, экспорт машин оборудования – 0,7%.

Структуру китайского экспорта в Россию характеризовала прямо противоположная тенденция. Доля машин и оборудования увеличилась в 2001-2011 гг. с 11% до 41%, при том, что показатели изделий легкой промышленности в российском импорте из Китая за этот же период сократились с 43% до 23%, хотя в абсолютных цифрах поставки текстиля, одежды и обуви увеличились.⁵⁴ Вместе с тем следует уточнить, что у российских потребителей имеются претензии к качеству поставляемых из Китая машин и оборудования⁵⁵. Тем не менее, ценовой фактор является (и останется в обозримом будущем) весомым аргументом, побуждающим импортеров отдавать предпочтение китайской продукции.

Как показывают экспертные оценки, при существующих тенденциях развития экономики Китая и России объем двусторонней торговли может превысить даже официальные прогнозы и достичь 110 млрд. долл., при том, что структура взаимного товарооборота к 2015 г. не претерпит существенного изменения: экспорт машин и оборудования может составить всего 265 млн. долл. или 0,6% всего российского экспорта в Китай. В конечном итоге, тенденции развития двусторонних отношений и достигнутые долгосрочные контракты позволяют предположить, что характер российского экспорта в Китай будет в течение ближайшего десятилетия по-прежнему определяться поставками топлива и сырья.

Между тем при необходимости совершить инновационный прорыв для достижения модернизационного эффекта в той и другой стране в первую очередь рассчитывают на приобретение высокотехнологичной продукции, предлагаемой наиболее конкурентными поставщиками. В итоге для России и Китая внутренняя модернизация объективно предполагает преимущественное налаживание партнерских отношений с развитыми экономиками Северной Америки, Европы и Азии. Вместе с тем и Москва, и Пекин рассчитывают использовать двустороннее сотрудничество для стимулирования позитивных тенденций национального развития.

Помимо решения собственно экономических задач для этого очень важно расширять базу взаимного доверия. При анализе российско-китайских отношений

---

⁵³ Пократова Л., Чжао Синь. Структурные сдвиги и современные тенденции в развитии торговли Китая с Россией // Проблемы Дальнего Востока. №6, 2012, с. 108.

⁵⁴ Там же, с. 106.

⁵⁵ Там же.

практически каждый пишущий отмечает исторически сохраняющееся недоверие между двумя странами⁵⁶.

Для преодоления фобий и достижения поставленной цели «всеобъемлющего партнерства», помимо подкрепления политических отношений масштабным торгово-экономическим сотрудничеством, необходима широкая гуманитарная база двусторонних отношений. Совершенно недостаточны, например, студенческие обмены между странами. Китайских студентов в России всего около 18 тыс. и только примерно 8 тыс. российских студентов – в Китае⁵⁷. Тогда как число китайских студентов в Канаде, Австралии, не говоря уже о Соединенных Штатах, исчисляется в каждом случае многими десятками тысяч. Не случайно, что стороны обсуждают перспективы заключения долгосрочного стратегического документа – Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере на ближайшие десять лет.

В целях упрочения социальной базы российско-китайских отношений планируется расширять обмены в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, средств массовой информации, туризма, киноискусства, архивного дела, по молодежной линии⁵⁸. В принципе, общая политическая атмосфера двусторонних отношений позитивна и основана на взаимном понимании, что обе страны «развивают отношения равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия», согласно основополагающему Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и КНР от 16 июля 2001 года⁵⁹. В 2011 г. обе стороны решили двинуться дальше и договорились придать отношениям «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия всеобъемлющий характер»⁶⁰.

Руководство двух стран демонстрирует намерение развивать координацию усилий в тех вопросах, где интересы России и Китая совпадают или близки. Повышение уровня жизни граждан и продуктивное сотрудничество в экономической и социальной сферах являются, по словам В. Путина, главными общими целями⁶¹.

При этом российское руководство полагает, что речь должна идти о настоящем технологическом альянсе двух стран, о выстраивании производственных, инновационных цепочек, которые свяжут российские и китайские предприятия, научные, конструкторские и инжиниринговые центры. Сюда же относится совместное создание технопарков, промышленных кластеров, особых экономических зон – как в России, так и в Китае⁶². Такая постановка вопроса отвечает перспективным тенденциям международного сотрудничества в АТР, которое с высокой степени вероятности будет трансформироваться от промышленной к инновационной кооперации. Вместе с тем предшествующий опыт говорит скорее о стремлении Китая замкнуть инновационные проекты, реализуемые с российским участием, на китайских производителях и потребителях. Поэтому пока не сложились условия для выполнения согласованной и сбалансированной по интересам и широкомасштабной по охвату стратегии инновационной кооперации, которая могла бы придать импульс модернизационным проектам в обоих государствах.

В этих условиях в среднесрочной перспективе двустороннее сотрудничество может повлиять преимущественно на нишевую и региональную модернизацию. Прежде всего, речь идет о развитии инфраструктурных проектов на российском

⁵⁶ Типичными являются высказывания по этому поводу директора Московского Центра Карнеги Д.Тренина. См., например, <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/d8999462-af27-11e1-a8a7-00144feabdc0.html#axzz24HCk4XCQ>

⁵⁷ <http://www.kremlin.ru/transcripts/15552>

⁵⁸ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/636789480938FB8D44257A12001E03D2-03-06-2012

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ <http://www.rg.ru/2012/04/28/knr.html>

⁶² Россия и Китай: новые горизонты сотрудничества, 5.06.2012: <http://www.kremlin.ru/news/15547>.

Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае. Через механизмы совместного финансирования КНР может принять участие в модернизации ряда инфраструктурных объектов, имеющих отношение к экономическим связям России с Китаем. В частности, это касается модернизации электросетевого комплекса и строительства новых энергетических мощностей в восточных регионах России.

Перспективно также техническое и финансовое участие Китая в транспортных проектах на территории России – в том числе в организации скоростного движения на железнодорожном транспорте и в реконструкции автодорожной сети, а также расширения и оснащения портовых мощностей, железнодорожных и автомобильных логистических объектов на востоке России.

Важную роль в продвижении двусторонних связей могла бы сыграть Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири и Северо-Востока Китая на 2009-2018 гг., одобренная двумя странами в сентябре 2009 г. Участие китайских компаний в строительстве и реконструкции дальневосточной транспортной сети систем связи способно кардинально улучшить условия передвижения, а также качество связи для потребителей. Тем самым появится основа для реализации социальных проектов, в которых объективно заинтересованы жители обширных приграничных регионов Китая и России. Например, обеспечение доступа к качественной медицине и образованию жителей удаленных населенных пунктов, расширение сферы современного санитарного и экологического мониторинга, повышение уровня общественного и жилищного строительства.

Китайские компании, инвестирующие в развитие горнообогатительных комбинатов в сибирских регионах, ориентированных на китайского потребителя, говорят о возможности создания на базе этих ГОКов специализированных научно-технических зон и центров.

Что же касается отраслевой направленности, то, помимо новых технологий переработки сырья, в том числе сырья для химической и целлюлозно-бумажной промышленности, Китай на государственном уровне выражает заинтересованность в совместных исследованиях и разработках в сфере энергетики и энергосбережения, в том числе в области разработки возобновляемых источников энергии, а также в нефте- и газохимии, что в большой степени укладывается в модернизационные приоритеты России.

Среди других сфер, где можно рассчитывать на перспективное сотрудничество с китайским бизнесом, в первую очередь следует назвать реконструкцию и расширение производств лесохимического комплекса, связанных с глубокой переработкой российского сырья. Подобное взаимодействие, по большому счету, укладывается в стратегию модернизации экономики России, в т.ч. ее тихоокеанских районов, прежде всего с точки зрения усложнения и облагораживания структуры производства; поиска для него новых перспективных ниш на региональном и глобальном рынках.

Кроме того, для модернизационного сотрудничества двух стран важна также кооперация в таких отраслях как пассажирская авиация и атомная энергетика. При всей своей «традиционности» они остаются двигателями научно-технического прогресса.

Высокую конкурентоспособность на китайском рынке демонстрирует российское вертолетостроение. Разработка, производство и экспорт вертолетов организовано в рамках госкорпорации РОСТЕХ. Так, в Китае уже успешно эксплуатируются 150 вертолетов Ми-171. В 2009-2011 гг. было поставлено 32 машины МИ 171Е, а в 2012-2014 гг. китайскими компаниями закуплено еще 52 аналогичных вертолета (из них 34 уже поставлено). Намечаются также поставки вертолетов Ка 226Т и МИ 171А2.

В то же время совместная разработка Россией и Китаем дальнемагистрального пассажирского самолета, несмотря на заявленное согласие сторон, не получила пока зримого технологического и коммерческого воплощения.

В атомной энергетике основой сотрудничества является строительство по российским проектам и с использованием российского оборудования атомных реакторов на территории КНР. При этом степень локализации, т.е. участие китайских предприятий в поставках оборудования, выходит на уровень 20-25%. Эта сфера сотрудничества представляется достаточно перспективной. Помимо углубления сотрудничества на собственно китайской территории, это создает основу для совместного выхода в перспективе на кооперацию с третьими странами.

Наконец, сотрудничество в освоение космоса также представляется перспективным направлением, поскольку технические проблемы и объем финансовых затрат часто выходят за рамки возможностей одного государства.

Еще одним направлением связей с КНР, объективно обладающим модернизационным потенциалом, является активизация контактов в области науки и образования. Определенные усилия в этом направлении предпринимаются, в частности, Российской академией наук, а также отдельными университетами и исследовательскими центрами, по линии которых обсуждается реализация около 150-ти проектов в области высоких технологий – в сферах освоения ресурсов, биоинженерии, новых материалов и окружающей среды; в г. Чанчунь на Северо-востоке Китая работает китайско-российская научно-техническая зона⁶³. Китайские официальные лица, в том числе на самом высоком уровне, неоднократно публично заявляли о готовности Китая поддержать российскую модернизацию путем активного участия в высокотехнологичных проектах в России, в частности в строительстве «иннограда» в Сколково, с выделением на эти цели финансовых ресурсов в различных формах на общую сумму порядка 1 млрд. долл.

Чувствительным моментом двусторонних отношений является взаимодействие в военной области. Развитие военно-технического сотрудничества шло параллельно с укреплением политических отношений между двумя странами в 1990-е годы. Российский ВПК оказался многим обязан китайским военным заказам в критический для военной индустрии период. В частности, массовый спрос Китая помог российскому военному авиастроению сохранить кадровый и технологический потенциал, и тем самым закрепиться на мировом рынке. Но затем возникли вопросы насыщения китайского спроса. Параллельно все более остро заявляла о себе проблема копирования Китаем российской военной продукции (прежде всего, авиатехники и систем ПВО) и возникновения со стороны Китая конкуренции для России на рынках третьих стран. Это подпитывало нежелание российской стороны, прежде всего военных кругов, продавать Китаю наиболее продвинутые виды вооружения и военной техники. Взаимные визиты военных и совместные маневры поддерживают благоприятную для диалога атмосферу, однако едва ли военно-техническое сотрудничество материализуется в долгосрочных проектах совместной разработки и производства современного вооружения.

В то же время Китай стремится к сотрудничеству в тех областях, в которых он самостоятельно не может преодолеть отставание от технологических лидеров, например в производстве авиадвигателей. Поэтому для оснащения производимых в КНР истребителей СУ 27/30 закупаются выпускаемые в России авиадвигатели. В 2013 г. был заключен очередной такой контракт на 700 млн. долл. В этих условиях

---

⁶³ Следует заметить, однако, что эффект от такого рода деятельности трудно оценить количественно, и, скорее всего, ее масштабы будут определяться преимущественно возможностями бюджетного финансирования развития науки и образования в Китае и России. Кроме того, возможность совместных проектов в технических областях обусловлена решением вопроса о защите интеллектуальной собственности, который уже долгое время является предметом взаимных консультаций, как неформальных, так и ведущихся на официальном уровне. Известно, что неурегулированность ситуации в данной сфере являлась в последние годы основным сдерживающим фактором в отношениях РФ и КНР в сфере военно-технического сотрудничества.

Китай ищет возможность создать при участии российских партнеров современный авиадвигатель. В частности, в октябре 2013 г. российскому центру газотурбостроения «Салют» китайской стороной было сделано предложение о совместной разработке двигателя для китайского истребителя пятого поколения J-20.

Общая политическая установка нынешнего российского руководства в отношении Китая была выражена В.В. Путиным на совместной с председателем КНР Ху Цзиньтао пресс-конференции по итогам визита в Пекин (июнь 2012 г.): «Китай – стратегический партнёр Российской Федерации. Наши отношения во всех сферах строятся на взаимовыгодной основе с высокой степенью доверия и открытости. В политической сфере мы нарабатываем высочайший уровень взаимного доверия: оказываем друг другу твердую поддержку по ключевым вопросам, затрагивающим жизненно важные интересы двух стран, двух народов»⁶⁴.

Вместе с тем на фоне позитивной оценки двустороннего политического сотрудничества становится очевидной потребность в разработке долгосрочной комплексной стратегии развития торгово-экономических и научно-технических связей, которые бы придали импульс модернизационным процессам, что соответствует долгосрочным интересам России.

Выводы

На данном этапе потенциал модернизационного взаимодействия России с КНР ограничен объективными экономическими и технологическими возможностями, однако имеет хорошую перспективу в ряде отраслей и регионах.

1. Развитие модернизационного сотрудничества России и Китая может не только способствовать экономическому подъему и повышению уровня жизни проживающих на российском Дальнем Востоке, но, одновременно, создать благоприятные производственные и инфраструктурные условия для реинтеграции дальневосточной экономики в общероссийскую⁶⁵.
2. В значительной мере характер двустороннего сотрудничества определяется активностью госкорпораций, в то время как деятельность частного бизнеса востребована явно не в полной мере.
3. Российско-китайские торгово-экономические связи развиваются преимущественно в рамках двухсторонних отношений и все еще слабо коррелируются с интеграционными процессами, протекающими в Северо-Восточной Азии и Тихоокеанской Азии в целом. Позитивное влияние могло бы оказать подключение к китайско-российским модернизационным проектам европейских и американских инвесторов.
4. Объективно повышается потребность в разработке Россией стратегии, синтезирующей приоритеты модернизации российской экономики и ее региональных комплексов, правовые, институциональные и прочие стимулирующие развитие меры с приоритетами внешнеэкономической дипломатии в отношении Китая.

---

⁶⁴ <http://www.kremlin.ru/transcripts/15552>.

⁶⁵ См.: Фесенко А.И. Приграничное сотрудничество России и Китая как стратегический ресурс развития российского Дальнего Востока // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2012, №1, с.20-26.

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ПЕРЕХОД К «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Происходящие в мировой политике и мировой экономике глубокие и долгосрочные изменения заставляют по-новому взглянуть на состояние и перспективы стратегического политического и экономического партнерства России и ЕС. По сути, до настоящего времени их отношения развивались в рамках т.н. «ограниченной нормальности», характеризующейся взаимным недоверием, высокой степенью неопределенности и недооценкой потенциала партнерства. Все эти черты по сути выступали рудиментами двухполюсного миропорядка. Во взаимном восприятии доминировало традиционное распределение экономического и политического веса стран и их групп и слабое осознание жизненной важности глобальных проблем (энергии, климата, качества земли и воды, продовольствия и др.).

Очевидно, что «ограниченная нормальность» не отвечает вызовам и возможностям быстро развивающегося полицентрического мира, испытывающего растущее давление глобальных проблем. *Отношения России и ЕС, пока экономически и политически доминирующих в Евразии и имеющих значительное глобальное влияние, должны трансформироваться в «новую нормальность», позволяющую не утратить, а нарастить их совокупный потенциал, стать реальными акторами будущего глобального мироустройства.*

Нынешние метания России и Европы в попытках сохранить, по сути, неизменными старые партнерства (например, с США или бывшими республиками СССР) или, напротив, опереться на качественно иных, исторически и цивилизационно менее близких партнеров, как правило, имеющих отличающиеся стратегические интересы (Китай, Индия и др.), малопродуктивны и чреваты утратой исторической инициативы.

Поэтому, из *дополнительного* к внутренним и традиционным внешним источникам роста партнерство России и ЕС объективно превращается в важный *самостоятельный* потенциальный фактор их будущего социально-экономического развития, эффективного международного позиционирования, а может быть даже цивилизационного выживания в формирующемся новом глобальном миропорядке.

Реализация этого партнерского потенциала зависит в определяющей степени от политической воли правящих элит и их целенаправленных усилий по установлению и поддержанию взаимного доверия и интеграции в использовании совокупных материальных, демографических и интеллектуальных ресурсов.

Сохранение нынешней практики неопределенности и медлительности в формировании общих пространств России и ЕС – экономического, научно-образовательного и культурного, внутри- и внешнеполитического – уже в обозримой исторической перспективе чревато экономической и политической нестабильностью (вплоть до дезинтеграции) России и маргинализацией в глобальном плане Евросоюза.

Сходство трендов в развитии экономики РФ и ЕС

Мрачные прогнозы обусловлены нынешней трудной экономической (и непросто политической) ситуацией в ЕС и РФ (см. Табл. 1).

Табл. 1. Некоторые общеэкономические показатели ЕС и РФ

	Население (млн.чел. / % от мира)	Трудовые ресурсы (млн.чел. / % от мира)	ВВП** (млрд.\$ / % от мира)	ВВП на душу** (тыс.\$ / % от мира)	Внешний долг (млрд.\$ / % от мира)	Запасы нефти*** (млрд.барр./ % от мира)	Запасы газа*** (трлн. куб.м. / % от мира)
ЕС	503,8 / 7,2%	228,4 / 6,9%	15650 / 19,5%	34,5 / 288%	16080 / 23,3%	5,3 / 0,3%	2,0 / 1,0%
ТС****	169,7 / 2,4%	89,2 / 2,7%	2777 / 3,5%	16,3 / 136%	676 / 1,0%	90,2 / 6,0%	56,3 / 29,4%
в т.ч. РФ	142,5 / 2,0%	75,4 / 2,1%	2414 / 3,0%	17,0 / 142%	519 / 0,8%	60,0 / 4,0%	47,6 / 24,9%

по паритету покупательной способности;*подтвержденные запасы;

****Таможенный союз России, Беларуси, Казахстана.

Источник. Рассчитано по: CIA – The World Factbook.

Как видно из таблицы, Евросоюз пока является экономически самым мощным и богатым регионом мира. Его совокупный ВВП почти на 2,5% больше, чем у США, примерно в 2 раза больше, чем у Китая и в 8 раз – чем у Индии. Более 500 млн. потребителей со средним доходом почти втрое выше общемирового гарантируют ЕС емкий внутренний рынок. Этот географически близкий и достаточно знакомый рынок остается ведущим для российских экспортеров, прежде всего поставщиков энергоносителей и сырья. По общему объему ВВП и численности населения ЕС существенно (соответственно, в 6,5 и 3,5 раза) превосходит как Россию, так и ее Таможенный союз (ТС) с Беларусью и Казахстаном (соответственно, в 5,6 и 2,9 раза). Однако, в среднедушевом исчислении ВВП это отставание заметно меньше (соответственно, только в 2 и 2,1 раза), что повышает значимость рынков РФ и ТС для стран Евросоюза. Кроме того, экономика ЕСотягощена крупнейшим в мире внешним долгом, почти на 3% превышающим его ВВП и примерно в 9 раз – годовой экспорт. Располагая в 6 раз меньшим ВВП, Россия имеет в 31 раз меньший внешний долг (который еще и на 14% ниже российского годового экспорта). Это обуславливает относительную устойчивость и повышает потенциал роста ее экономики по сравнению с ЕС, усиливая привлекательность российского рынка для бизнеса стран Евросоюза.

Прочные позиции ЕС в глобальной экономике и мировой политике в последние годы достаточно быстро подвергаются эрозии под воздействием внутренних процессов и растущей глобальной конкуренции. Современный Евросоюз стал центром третьего этапа глобального экономического кризиса – кризиса госдолга. Совокупная экономика ЕС стагнирует – в 2012 г. снижение ВВП ЕС составило 0,2-0,4% на фоне роста в других «старых» развитых экономиках (США, Японии), не говоря уже о развивающихся экономиках Китая, Индии, Бразилии и стран ЮВА (особенно, Индонезии и Вьетнама). При собственных запасах нефти в 0,3% и газа в 1,0% мировых подтвержденных ресурсов ЕС обречен на массированный дорогостоящий импорт первичных энергоносителей (их доля в его энергобалансе даже в 2020 г. составит 80%). В то же время он фактически утратил влияние (не говоря уже о контроле) над внешними источниками обеспечения топливно-энергетическими и сырьевыми ресурсами. Единственным крупным и как кажется вполне реальным внутренним источником таких ресурсов для Западной Европы остается Гренландия (тем не менее, в 1985 г. вышедшая из состава ЕС), однако их освоение потребует огромных и долгосрочных технологических и финансовых усилий. Масштабное же освоение ресурсов сектора Арктики, на который претендует ЕС, для него практически непосильно даже совместно с Норвегией.

Заметно ослабевают позиции ЕС как мирового торгово-инвестиционного и финансово-банковского лидера. Обеспечивая примерно 10-11% мирового экспорта и импорта, Евросоюз остается крупнейшим мировым экспортером и импортером товаров и услуг, а также источником и получателем прямых иностранных инвестиций (см. Табл. 2).

Табл.2. Некоторые внешнеторговые и инвестиционные показатели ЕС и РФ

	Экспорт		Импорт		Золотовалютные резервы**		Накопленные прямые иностранные инвестиции за рубежом	
	\$ млрд.	% от мира	\$ млрд.	% от мира	\$ млрд.	% от мира	\$ млрд.	% от мира
ЕС	1791,0	10,0	2000,0	11,2	1343,5	12,7	5480,0	25,5
ТС***,	718,7	4,0	406,8	2,3	535,9	5,1	427,2	2,1
в т.ч. РФ	590,2	3,3	322,5	1,8	498,6	4,7	409,1	2,0

**данные Центробанка РФ (по ЕС – сумма резервов еврозоны и других стран-членов); ***Таможенный союз России, Беларуси, Казахстана.

Источник. Рассчитано по : CIA – The World Factbook; Eurostat; Центробанк РФ.

Однако, как видно из таблицы, совокупные золотовалютные резервы ЕС лишь на 67% покрывают его годовой импорт и всего на 8,5% – внешний долг, что негативно влияет на устойчивость внешнеэкономических связей и экономики Евросоюза в целом. По размеру валютно-финансовых ресурсов ЕС в 2,5 раза уступает Китаю и лишь на 3,7% опережает Японию. Относительно неплохо выглядит в этом контексте Россия – при годовом ВВП в 6 раз и годовом экспорте – в 3 раза ниже, чем в ЕС, ее золотовалютные резервы меньше лишь в 2,6 раза. Кроме того, золотовалютные резервы ЕС (кроме ресурсов Европейского Центробанка) не находятся в общем управлении, что снижает возможности их использования, в т.ч. и для поддержки коллективной валюты 17 стран – членов зоны евро. Это обусловило и тот факт, что евро, не успев полностью приобрести функции второй мировой валюты, переживает серьезные трудности в связи с глобальным и европейским финансово – экономическими кризисами.

Несмотря на колоссальные (более 1 трлн. евро в конце 2011 – начале 2012 гг.) вливания Европейского центрального банка, банковская система стран еврозоны (да и всего ЕС) остается неустойчивой (объем проблемных кредитов превысил 1,5 трлн. евро). Свертывается инвестиционная экспансия Евросоюза. Так, доля США в накопленных прямых иностранных инвестициях (ПИИ) ЕС за рубежом только за 2008-2010 гг. снизилась с почти 33% до неполных 29%. На традиционных рынках Евросоюз теснят новые игроки, а также старые партнеры и конкуренты: в Африке – Китай, в Азии – Китай и АСЕАН, в Латинской Америке и Океании – США, Япония, Китай, МЕРКОСУР. И Европе за ними уже не угнаться. Например, к 2020 г. китайские компании будут владеть по всему миру активами на сумму от 1 до 2 трлн. долл., в т.ч. в бывших зарубежных инвестиционных «вотчинах» ЕС, да и в самом Евросоюзе, потому что китайские деньги «дешевле и длиннее».

Пока экспансия Китая сосредоточена в «слабых» странах ЕС и в компаниях, не имеющих стратегического значения в «сильных» странах. В Греции китайские инвестиции в портово-логистический сектор составляют 4 млрд. долл. За последние 2 года китайские инвесторы купили автозавод «Вольво» в Швеции и фирму электронного оборудования в ФРГ. В последнее время Китай обсуждал различные варианты кредитной помощи ЕС по преодолению долгового кризиса примерно на 50 млрд. долл. (только странам ЦВЕ в начале 2012 г. он предлагал кредитные ресурсы в 10 млрд. долл.). До настоящего времени китайские предложения стратеги-

ческого значения фактически отклонялись. Более того, на уровне ЕС обсуждалось создание специального органа по контролю над зарубежными инвестициями. Однако на страновом уровне китайские инвестиции фактически приветствуются и поощряются (причем не только в резко ослабленной кризисом Греции, но и в относительно благополучных Франции и Польше).

Неудачно для ЕС складывается ситуация в организации международной торговли. Единый внутренний рынок ЕС, на который пока приходится около 2/3 общего экспорта его стран, не растет и даже сворачивается из-за затянувшегося кризиса, и недостаточно стимулирует переход от стагнации к восстановительному росту. Кроме того, он не охватывает ряд финансовых и других видов услуг.

В отношениях с третьими странами предложения ЕС по дальнейшей либерализации многосторонней торговли в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО блокировались развивающимися экономиками. Эти неудачи не компенсируются пока и двусторонними соглашениями о свободной торговле, долю которых в товарообороте с третьими странами ЕС планирует повысить вдвое – до 50%. Соответствующие переговоры близки к завершению лишь с Канадой, а с наиболее важными рынками – Индией, АСЕАН, МЕРКОСУР – затягиваются. Практически нет прогресса в переговорах о соответствующих соглашениях с Японией, но наметилось продвижение, инициированное США (Трансатлантическое партнерство). Ведение таких переговоров с Китаем (вторым по значению торговым партнером ЕС) пока не анонсируется. Затруднена и реализация уже заключенных соглашений. Так, выполнению соглашения 2011 г. с Ю.Кореей угрожает инициатива Франции по ограничению ввоза в ЕС южнокорейских автомобилей.

Все это подрывает расчеты ЕС на компенсацию внутренней экономической стагнации приростом ВВП на основе активизации внешней торговли с третьими странами. Такой прирост оценивается в 1,2% совокупного ВВП ЕС или более 150 млрд. евро (с учетом стимулированного внешней торговлей роста производительности труда в ЕС – даже в 2% ВВП или около 260 млрд. евро). Причем 72% прироста должно обеспечить именно расширение торговли с США и Японией, и 20% – Индией, АСЕАН и МЕРКОСУР. Пока такое расширение проблематично. Более того, значение ЕС как торгового партнера этих стран и группировок относительно снижается. Так, доля ЕС во внешней торговле США не превышает 5%, хотя для Евросоюза аналогичный показатель втрое выше.

Во многом такое положение связано именно с недостаточной конкурентоспособностью и инновационностью большинства стран ЕС. Трудовые ресурсы ЕС используются менее интенсивно, чем у конкурентов. В среднем по ЕС продолжительность рабочей недели составляет 37 часов против, например, 44-49 часов в Ю.Корее. Кроме того, трудовые ресурсы ЕС сокращаются в связи с прогрессирующим старением населения. Продуктивность же труда растет незначительно, прежде всего, из-за деиндустриализации экономики. Доля промышленности в совокупном ВВП ЕС за последние 10 лет снизилась в 1,2 раза до 18% на фоне хронического удорожания энергоресурсов и роста затрат на переход к «экологически дружественным» технологиям. Сложная ситуация даже у экономических и политических лидеров ЕС. Правда в ФРГ доля промышленности в ВВП составляет около 30%, но во Франции – уже менее 19%. Отрицательную роль сыграл и перевод значительной части индустрии ЕС в развивающиеся экономики. Сейчас почти 50% импорта ЕС из Китая составляют товары, произведенные на китайских предприятиях европейских фирм. В рэнкинге самых дорогих марок Интербренда за 2012 г. на европейские бренды пока приходится около 30% их общей мировой стоимости, против 56% у брендов из США и 14% Азии и Океании. Однако, в топ-10 этого рэнкинга входят

8 брендов из США и по 1 из Японии и Ю.Кореи, а самые дорогие европейские марки занимают лишь, соответственно, 11-е («Мерседес-Бенц») и 12-е («БМВ») места.

Опирающиеся на быстро развивающуюся научно-технологическую базу и государственную финансовую поддержку китайские (а частично и южнокорейские) компании не только скупают имеющие перспективные разработки, хорошую репутацию и устойчивую клиентскую базу фирмы ЕС, но и наращивают экспансию в стратегические отрасли. В частности, китайские компании предельно активизируются в секторе авиастроения. Создана государственная авиастроительная компания COMAC, задача которой «использовать все возможности национальной и международной кооперации с поставщиками компонентов, узлов, агрегатов самолетов, разделять с ними риски и выгоды кооперации, чтобы на этой основе создать собственную систему производства и услуг, сформировать и контролировать новую глобальную цепочку добавленной стоимости в гражданском авиастроении»⁶⁶. И хотя им не по силам в ближайшие годы разрушить «дуополию» «Боинга» и «ЕАДС» в авиастроении, у них есть все возможности закрепить за собой весомую долю мирового рынка.

Фактически начинает происходить смена моделей промышленного развития. Южная Корея и Китай пытаются перейти от «догоняющего развития» к «инновационно-опережающему» (пока не вполне понятно, насколько это у них получится). Очевидно, что в Европе, по сути, наблюдается обратный процесс.

Сельское хозяйство ЕС практически не растет по тем же причинам, усугубленным снижением господдержки (ее доля в доходах фермеров снизилась до 20%, едва превысив средние для ОЭСР 19%) и ухудшением климатических условий. Составляющий основу экономики многих стран ЕС (в т.ч. ее ведущих экономик – Италии, Испании, Франции) малый и средний бизнес в условиях затянувшихся финансовых трудностей не выдерживает внутренней и внешней конкуренции.

Совокупную конкурентоспособность ЕС заметно снижают наиболее пострадавшие от финансового кризиса члены (особенно Греция, скатившаяся на 96-е место среди 144 стран по общей конкурентоспособности и на 144-е место – по макроэкономической среде). В первой десятке мировых компаний по конкурентоспособности и капитализации в 2012 г. осталась лишь одна компания из ЕС, причем в относительно слабо инновационном нефтегазовом секторе (британская «Ройал-Датч Шелл»). В топ-10 компаний мира с наибольшей отдачей на акционерный капитал попали лишь датская «Ново Нордиск» (традиционная фармацевтика) и британская «Бритиш-Америкэн Табако» (табачная отрасль) против 4 американских и 2 китайских компаний (преимущественно в наиболее инновационных ИКТ и электронной торговле).

Важный фактор снижения конкурентоспособности ЕС – недостаточная инновационность и, особенно, отставание в ее коммерциализации. Правда, в мировом рейтинге инновационности ИНСЕАД и ВОИП за 2012 г. в первой десятке инновационных стран было 6 членов сообщества (Швеция, Финляндия, Великобритания, Нидерланды, Дания и Ирландия). Однако экономический «локомотив» Евросоюза – Германия вообще не вошла в мировой топ – 10 по инновационности. По уровню расходов на исследования и разработки ЕС заметно отстает от США, Японии, Ю.Кореи, а теперь и Китая. Особенно это касается центральноевропейских стран ЕС. Так, годовые расходы на эти цели одного южнокорейского «Самсунга» больше, чем всех фирм Польши – лидера стран ЦВЕ в этой области.

И это только начало, т.к. по динамике инвестиций в инновации и их коммерциализацию в стратегических секторах экономики Китай все больше опережает ЕС. Только в 2012-2016 гг. КНР планирует направить на поддержку компаний в сфере

---

⁶⁶ Glennon J.H. Challenge to the Boeing-Airbus Duopoly in Civil Aircraft: Issues for competitiveness // Technical report. CRS, 2011 July 25 // <http://www.fas.org/sgp/crs/misc/R41925.pdf>

высоких технологий, альтернативной энергетики, биотехнологий и защиты окружающей среды 1,7 трлн. долл.

Массированные расходы на преодоление финансово-экономического кризиса резко ограничивают ресурсы для внутреннего развития, особенно поддержки новых, экономически более слабых членов и отстающих регионов ЕС. Так, доля дотаций из бюджета ЕС в динамизации ВВП ведущей центрально-европейской страны союза – Польши в 2013 г. оценивается лишь в 0,2 процентных пункта, хотя в 2009-2012 гг. она составляла 0,8-2,3 процентных пункта.

Это способствует усилению тенденций к экономической (а частично и политической) фрагментации Евросоюза. Нарастает напряженность между странами, участвующими и не участвующими в зоне евро, а также между разными членами еврозоны; между успешнее пережившими долговой кризис «северными» и сильнее пострадавшими от него «южными» странами ЕС; между «новыми» и «старыми» странами сообщества и т.д. Заметно активизировались и сепаратистские тенденции внутри ряда стран ЕС (требования отделения Шотландии от Великобритании, Каталонии и Страны басков – от Испании, постоянные трения между Валлонией и Фландрией внутри Бельгии, между северными провинциями и правительством Италии и др.). Попытки сохранить относительно более высокую национальную и региональную конкурентоспособность и избежать ее перераспределения в пользу других стран и регионов также способствуют снижению конкурентоспособности ЕС в целом.

Выход из ресурсно-демографического и технологически-конкурентного типа ЕС во многом связывает именно с модернизационно-инновационной перестройкой экономики, включая ее современную реиндустриализацию.

Из 5 главных целей принятой в июне 2010 г. десятилетней социально-экономической стратегии развития ЕС – «Европа 2020» – 3 относятся к такой перестройке. Это – доведение расходов на исследования и разработки до 3% ВВП ЕС; доведение доли дипломированных специалистов среди молодежи минимум до 40%; снижение энергопотребления и выбросов парниковых газов в ЕС на 20% при повышении доли возобновляемых энергоисточников в энергопотреблении до 20%. Среди 7 ключевых инициатив по реализации этой стратегии ведущее место занимает одобренная в октябре 2010 г. «Интегрированная промышленная политика для эры глобализации». Она нацелена на сохранение и укрепление стабильной, диверсифицированной и конкурентной индустриальной базы ЕС. В 2012 г. выдвинуто предложение дополнить главные цели стратегии «Европа 2020» доведением доли промышленности в ВВП ЕС минимум до 20%.

Принимающий стратегические решения институт ЕС – Европейский совет объявил инвестиции в образование, исследования, технологии и инновации ключевым «драйвером» роста и создания качественной занятости. Он призвал к применению стратегического и интегрированного подхода к стимулированию инноваций и полной отдаче от европейского интеллектуального капитала в интересах граждан, компаний (особенно среднего и малого бизнеса – СМБ) и исследователей. Для мониторинга инновационного прогресса срочно разрабатывается единый интегрированный индикатор. Для обеспечения согласованности и синергии между ЕС и странами-членами намечено развитие совместного инновационного программирования, пилотным проектом которого станет Инновационное партнерство по активному и здоровому старению.

К 2014 г. намечено завершить создание Европейского исследовательского пространства для формирования реального единого рынка знаний, исследований и инноваций, включая улучшение мобильности и карьерных перспектив исследователей, выпускников вузов и повышение привлекательности Европы для иностранных исследователей. В целях распространения информации о государственно-

финансируемых исследованиях и разработках (с учетом прав интеллектуальной собственности) будет создан перечень работ, финансируемых ЕС, связанный с соответствующими перечнями национально финансируемых программ.

Намечено поощрять частные инвестиции в инновативные продукты и услуги, прежде всего через улучшение рамочных условий. С этой целью разрабатываются меры по: ускорению и упрощению стандартизационных процедур; ориентации применения Директивы о госзаказах на создание спроса на инновативные товары и услуги; проведению среднесрочных анализов соответствующих режимов господдержки; разработке инструмента валоризации прав интеллектуальной собственности на уровне ЕС, особенно для облегчения доступа СМБ на рынок знаний. Намечен быстрый прогресс в цифровой экономике и создание к 2015 г. Единого цифрового рынка, включая развитие электронной коммерции. Подготовлены предложения по устранению остающихся административно-правовых препятствий трансграничной активности венчурного капитала. Евросовет обязал страны ЕС при проведении финансовой консолидации обеспечивать приоритетность расходов на исследования, инновации и образование.

Важными элементами модернизационно–инновационной политики ЕС наряду с традиционными Рамочными программами научно-технического развития (проекты которых на 50-100% финансируются бюджетом ЕС), становятся новые формы государственно-частной координации и организации всего цикла «исследования – разработки – внедрение – коммерциализация» – технологические платформы и межотраслевые кластеры. Европейская кластерная политика нацелена на превращение значительной части из 2 тыс. значимых кластеров (в которых занято 38% работников промышленности и сферы услуг) в «инновационные центры мирового класса», прежде всего в биотехнологии, космической отрасли, информационно-компьютерных и оптических технологиях, здравоохранении, энергетике, автомобильной, судостроительной и пищевой отраслях.

Модернизационно–инновационная стратегия становится драйвером не только экономического развития, но и институционально–правовой трансформации ЕС. Потребностями ее реализации во многом мотивируются предложения по дальнейшей экономической и политической федерализации Евросоюза. Так, в докладе «Будущее Европы», представленном в сентябре 2012 г. 10 странами еврозоны и Польшей, обосновывается необходимость фундаментальной реформы экономического и валютного союза ЕС на основе перехода к интегрированным бюджетной, экономической и финансовой системам, а также соответствующего изменения институционально-правовой системы ЕС путем превращения Еврокомиссии в реальное правительство ЕС, Европарламента – в двухпалатный институт, представляющий интересы как граждан, так и государств ЕС, фактического создания единого министерства иностранных дел и проведения единой внешней и оборонной политики, вплоть до создания общей европейской армии. Причем такая единая политика должна включать вопросы торговли и других внешнеэкономических связей, в т.ч. в области энергетики, изменений климата, ключевых вопросов укрепления общей конкурентоспособности ЕС.

Наметившиеся в Евросоюзе модернизационные и федерализационные тенденции во многом сходны с процессами, происходящими в России. Правда, в ЕС они усиливают наднациональное централизованное регулирование, а в РФ, наоборот, - укрепляют позиции регионов. Однако в перспективе эти «встречные курсы» ведут к сближению евросоюзной и российской моделей развития, особенно в контексте развития Таможенного союза и формирования Евразийского экономического пространства заинтересованных стран СНГ во главе с Россией.

Россия располагает ВВП в 2,4 трлн. долл. и внутренним рынком более чем в 140 млн. потребителей со средним доходом в 1,5 раза выше общемирового. А возглавляемый ею Таможенный союз с Беларусью и Казахстаном – имеет ВВП почти в 2,8 трлн. долл. (всего на 10% меньше самой крупной в ЕС экономики Германии и в половину меньше Японии (5.8 трлн.)) внутренний рынок почти в 170 млн. чел. со среднедушевым доходом в 1,4 раза выше среднемирового.

Значение России, как стратегического торгового партнера ЕС, стабильно повышается. Только за 2006–2011 гг., несмотря на глобальный кризис, доля РФ в товарном экспорте ЕС возросла с 6,2% до 7,1% (почти 108,5 млрд. евро – 4-е место) на фоне снижения доли США с 23,2 % до 17,0% и Японии с 3,8 до 3,2%. По удельному весу в экспорте ЕС РФ из развивающихся экономик уступает лишь Китаю (8,9% – 2-е место), заметно опережая Турцию, Бразилию, Индию и Южную Корею. Доля Таможенного союза РФ, Беларуси и Казахстана возросла с 7 до 8%, вплотную приблизившись к доле Китая и намного превысив доли других развивающихся экономик и Японии. В товарном импорте Евросоюза доля России увеличилась с 10,4 до 11,8% (более 198 млрд. евро – 2-е место) и теперь уступает лишь Китаю, опережая США (10,9%) и на порядок (в 3-5 раз) превышая доли Японии, Турции, Бразилии, Индии и Ю.Кореи. Доля Таможенного союза в импорте ЕС за этот период возросла с 1,7 до 13,3%, в 1,2 раза превысив долю США. Доля России в торговле ЕС с третьими странами услугами менее весома, но также стабильно растет. Лишь за 2009–2011 гг. она увеличилась с 3,9 до 4,4% (почти 25,5 млрд. евро) в экспорте и с 2,7 до 2,9% (более 13,6 млрд. евро) в импорте услуг Евросоюзом.

Усиливается и роль России как источника инвестиций для ЕС. За 2008–2010 гг. Россия вышла на 6 место по объему накопленных прямых иностранных инвестиций Евросоюза за рубежом и в странах – членах. Соответствующие доли России за этот период возросли до 2% и 1,4%, превысив доли Австралии, Японии, Гонконга, ЮАР и ряда других традиционных инвестиционных партнеров стран Евросоюза. Особенно динамизировались российские инвестиции в ЕС. Годовой приток прямых инвестиций РФ в ЕС возрос в 3,5 раза (превысив 7 млрд. евро) при снижении встречного притока из ЕС в 1,4 раза (до 18,6 млрд. евро). «Степень покрытия» российскими инвестициями евросоюзных повысилась в 5 раз почти до 38%. Причем кризис заметно усилил эту тенденцию. В 2011 г. приток российских прямых вложений в ЕС составили почти 1,4 млрд. евро при оттоке 2,3 млрд. евро евросоюзных инвестиций из РФ. Российский приток инвестиций в ЕС в 2011 г. был в 5,5 раз меньше китайского, однако, учитывая, намного большее превосходство Китая над Россией по золотовалютным резервам и кредитно – инвестиционным ресурсам, этот показатель можно считать удовлетворительным.

В то же время в сфере взаимных инвестиций между Россией и ЕС не создано ничего сопоставимого по значению с действующим с начала 2012 г. Российско – китайским инвестфондом. Правда, пока Россия не допускает Китай в крупные проекты в стратегически важных секторах, особенно топливно-энергетическом. Напротив, Евросоюзу, несмотря на трения и разногласия, такие возможности предоставляются. Французские и немецкие концерны допускались для участия в проектах разработки крупнейших новых нефтегазовых месторождений (прежде всего, Штокмановского).

Отсутствие межгосударственных институтов России и ЕС в области инвестиций и развития вынуждено компенсируется инициативами бизнеса. Например, в июле 2012 г. учрежден Совместный фонд прямых инвестиций «Газпромбанка» и итальянского банка «Интеза Санпаоло». Он создан на паритетных началах и располагает начальными ресурсами в 300 млн. евро для поддержки итальянского и российского бизнеса в России и странах ЕС. Однако подобные частные структуры могут лишь дополнять, но не заменять государственные, как по размерам капиталов и

уровню гарантий, так и по масштабам, рискованности и инновационности финансируемых проектов.

В импорте ЕС Россия в последние годы выступала преимущественно как поставщик минерального сырья и энергоносителей (34% импорта Евросоюзом газа, 33% – нефти, 30% – угля и 23% – нефтепродуктов в 2011 г.), а в экспорте она превратилась в важный рынок переживающих трудные времена машиностроительной, автомобиле- и судостроительной и других отраслей, обеспечивающих реиндустриализацию и модернизацию экономики.

Потенциал России как минерально-сырьевой базы и устойчивого рынка сбыта продукции перерабатывающей промышленности ЕС в перспективе существенно возрастет. Жесткая конкуренция Китая (в качестве импортера) и других развивающихся экономик на мировом рынке углеводородов, фосфорного, и калийного и другого минерального сырья, а также политическая неустойчивость в ряде традиционных поставщиков (стран Африки, Латинской Америки, Центральной Азии, Персидского залива) делает поставки этой продукции из России более экономически и политически привлекательными. Например, по оценке экспертов ЕК, меры по экономии природного газа и использованию его новых источников (импорта сжиженного газа из неевропейских стран и добычи сланцевого газа в Европе) могут лишь снизить прогнозируемую долю импорта в потреблении газа в ЕС в 2030 г. с 80% до 50-70%. Поэтому без российского газа Евросоюзу в обозримой перспективе не обойтись. В меньшей мере это касается российских поставок нефти и нефтепродуктов (ввиду низкой экономической и экологической эффективности доля биотоплива в автомобильном топливе ЕС к 2020 г. составит не 10%, а лишь 5%), и угля.

В то же время вступление России в ВТО облегчило доступ продукции перерабатывающих отраслей ЕС на российский рынок, а через него на рынок Таможенного союза и рынки 8 стран СНГ, подписавших соглашение о зоне свободной торговли. В эту зону входит и Украина, с учетом которой доля Таможенного союза в экспорте товаров ЕС в 2011 г. составила бы 9,4%, т.е. в 1,1 раза превысила бы долю Китая, а в импорте – 14,2%, приблизившись к доле Китая и в 1,3 раза превзойдя долю США.

Торговая поддержка Россией замедления деиндустриализации экономики ЕС и перехода к ее реиндустриализации дополняется и инвестиционной поддержкой. *Для относительно отсталых отраслей экономики России необходима именно модернизация, т.е. получение нынешних передовых технологий,* которое может быть обеспечено как обычной покупкой соответствующего ноу-хау и оборудования, так и приобретением их в качестве стратегического инвестора в предприятия ЕС, особенно в машиностроительных и химических и нефтехимических отраслях.

Посткризисная рецессия в еврозоне обуславливает свертывание инвестиций и «ренициализацию» банковского капитала даже во взаимных отношениях старых стран ЕС, тем более в их связях со странами ЦВЕ. В этих условиях Россия, располагающая золото-валютно-финансовыми резервами (более 500 млрд. долл.) и государственными инвестиционными ресурсами в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния (свыше 150 млрд. долл.), объективно становится важным источником внешнего финансирования для стран и компаний ЕС. Часть средств резервных фондов, несмотря на кризис, намечается инвестировать в российские и иностранные акции через специально созданное Российское финансовое агентство. В обозримой перспективе значимым конкурентом России на инвестиционном рынке ЕС может быть лишь Китай.

Важным направлением взаимного участия России и ЕС в модернизации экономик в рамках торгово-инвестиционного сотрудничества может стать углубление производственно-кооперационных связей, опирающееся не только на минерально-сырьевой и инвестиционный, но и промышленный и человеческий российский потен-

циал. По паритету покупательной способности по методике ОЭСР, человеческий капитал России оценивается в 40 трлн. долл., что почти 16 раз больше ВВП страны и примерно в 6 раз — стоимости физического капитала. При этом в 2002-2010 гг. человеческий капитал РФ в реальном выражении подорожал вдвое, т.е. рос на 10% в год — быстрее, чем капитал физический. В среднедушевом исчислении российский человеческий капитал составляет 400 тыс. долл., что сопоставимо с большинством стран ОЭСР. Этот общий показатель в 1,6 раза ниже, чем в США. Однако доля особенно важной для модернизации экономики части населения, имеющей высшее, неполное высшее и среднее профессиональное образование в России выше, соответственно, 69 и 43% человеческого капитала. По данным ОЭСР, по доле имеющих третичное (высшее) образование среди граждан в возрасте 25-64 года (54%) Россия заметно опережает Японию и США (44 и 40% соответственно), не говоря уже о своих партнерах по БРИКС, где доля людей с высшим образованием не превышает 11%.

Другое дело, что качество и адаптированность подготовки к современным вызовам глобального мирохозяйства у российской образовательной системы явно недостаточны. По индексу цитируемости публикаций ученых (2,7%) Россия занимает 14-е место в мире, далеко отставая от передовых стран и быстро прогрессирующего Китая. В мировом рэнкинге ТХЭ два наиболее авторитетных в мире российских вуза — МГУ и МГФТИ находятся в интервале между 200 и 250 местами, существенно уступая не только вузам ЕС, но и Китая, Южной Кореи и др.

При хроническом недофинансировании образования (федеральный бюджет тратит на него лишь 1% ВВП в год против 2-3% ВВП в Европе и США только на высшее образование) ситуация в ближайшей перспективе вряд ли улучшится.

Кроме того, в России около 50% выпускников высшей школы работает не по специальности, против 25% в США и Франции и 18% в Швеции. Немодернизированной российской экономике образованные кадры не очень нужны. Поэтому углубление модернизационного взаимодействия с ЕС — реальный шанс активизации и повышения эффективности использования российского человеческого капитала.

Реальным путем реализации собственно модернизационного взаимодействия может стать включение торгово-инвестиционных и кооперационно-производственных связей с ЕС в долгосрочные программы развития, имеющиеся практически во всех значимых отраслях российской экономики, учет их в программе приватизации и др.

В инновационной составляющей модернизационного процесса — разработке и применении качественно новых технологий производства и сферы услуг, а также методов управления, маркетинга и т.п. — взаимодействие России с ЕС может дать еще больший эффект. Здесь модель догоняющего развития, преобладающая пока в отношениях традиционных отраслей российской экономики с ЕС, сменяется более равноправной и выгодной для России моделью совместного достижения и коммерциализации технологически — организационного прорыва.

Для акцентирования такой модели развития во взаимодействии России с ЕС имеются серьезные материальные и организационно-правовые предпосылки.

Прежде всего, приоритеты, направления и формы инновационного развития, устанавливаемые государством в базовых российских программах развития, во многом сходны с аналогичными параметрами госпрограмм на уровне ЕС и стран — членов. В России это: отраслевые программы развития, Стратегия инновационного развития РФ до 2020 г., Приоритетные направления науки, технологии и техники в РФ, Перечень критических технологий РФ и другие документы. В ЕС это особенно касается принятой в 2010 г. «Стратегии развития высоких технологий в Германии» и конкретизирующих ее «Проектов будущего» по достижению установленных целей технологического развития на ближайшие 10-15 лет.

Во многом схожи или даже совпадают цели и формы организации государственно-частного инновационного партнерства, закрепленные в 28 действующих в РФ технологических платформах и аналогичных платформах на уровне ЕС. Значительное сходство имеется и в организации научно-производственных, особенно инновационно-ориентированных, кластеров. Причем некоторые из них (например, в Ленинградской и Калининградской областях) создавались по образцу и при содействии соседних стран ЕС (Финляндии, Швеции). Правда, пока по числу кластеров, официально получающих господдержку (13) и по размеру этой поддержки (5 млрд. руб.), Россия заметно отстает не только от ЕС в целом, но и от его ведущих стран (например, в ФРГ господдержку около 3 млрд. евро получают более 130 кластеров).

При среднем довольно низком уровне инновационной активности компаний России (9,4% общего числа), компании в технологически передовых российских отраслях по доле расходов на НИОКР не уступают, а иногда и опережают аналогичные компании стран ЕС. Например, «Росатом» тратит на НИОКР 3,9% выручки, ФСК – почти 2,7%, что выше показателей ряда подобных компаний во Франции и США. С другой стороны, компании ОПК, традиционно считавшиеся в России драйверами технико-технологического развития (например, «Алмаз–Антей», ГК «Тактическое ракетное вооружение» и др.) тратят на НИОКР в 1,5-4 раза меньше иностранных конкурентов, при этом постоянно запрашивая государственную помощь.

Все более схожими становятся государственные инициативы по адресной поддержке инноваций. Россия в значительной степени воспроизводит идеи и опыт стран ЕС – Российская венчурная компания, Российский фонд прямых инвестиций, «Роснано» и др.

В то же время в России начинает применяться и неевропейский опыт организации инновационной деятельности. Вдохновленный опытом США проект города инноваций «Сколково» даже опережает сходные проекты в ЕС, что стимулирует интерес к нему европейского венчурного бизнеса, в т.ч. наиболее инновационного бизнеса стран Скандинавии (Дании, Швеции) и ФРГ. «Иннополис-Казань» в Татарстане спроектирован и строится при содействии компаний из Сингапура, в последние годы лидирующего в мировых рейтингах конкурентоспособности и инновационности. Это очень актуально на фоне промахов в этих областях недавних европейских производственно-инновационных лидеров, например, финской «Нокии», скатившейся в 2012 г. до 3,5% мирового рынка смартфонов (проиграв в конкурентной борьбе американскому «Эппл» – 68% рынка и южнокорейскому «Самсунг» – 18%), ставшей нерентабельной и вынужденной продавать активы, вплоть до здания штаб-квартиры.

Накоплен позитивный опыт сотрудничества России и ЕС в международных проектах фундаментального характера и глобального научного значения. Так, затраты России на изготовление и поставку основного технологического оборудования для сооружения экспериментального термоядерного реактора во Франции (проект ИТЭР) составляют 10% (как у Китая, Индии, Ю.Кореи) против 13% у США и 34% у 27 стран Евросоюза. Взаимодействие России и ЕС в рамках проекта позволит создать промышленные технологии овладения энергией термоядерного синтеза, получить уникальный опыт сооружения и эксплуатации энергетических термоядерных реакторов и обеспечить подготовку научных и инженерных кадров для будущих термоядерных электростанций. Российские поставки оборудования для сооруженного в рамках Европейской организации по ядерным исследованиям (ЦЕРН) Большого адронного коллайдера (БАК) по исследованиям в области физики высоких энергий превысили 120 млн. долл., в его эксплуатации заняты 700 ученых из России. Налаживается и сотрудничество РФ с отдельными странами ЕС по высокотехнологичным инфраструктурным проектам, прежде всего с Германией, по созданию на ее терри-

тории рентгеновского лазера на свободных электронах (с контрольным пакетом России в 25%) и ионного центра.

Координация использования финансовых (80 млрд. евро только из бюджета ЕС в рамках программы «Горизонт» и примерно 100 млрд. евро по программам инновационного развития госкомпаний РФ) и научно-исследовательских ресурсов России и ЕС уже к 2020 г. могла бы обеспечить им существенное преимущество в глобальной технологической конкуренции путем устранения ненужного параллелизма и дублирования, междисциплинарной синергии и т.п.

Преимущества и недостатки взаимодействия России и ЕС в модернизационно–инновационной сфере.

Преимущества модернизационно-инновационного взаимодействия России ЕС связаны, наряду с высокой степенью торгово-инвестиционной взаимозависимости, с достаточно развитой правовой и институциональной базой такого сотрудничества. Она включает, как международно-договорные инструменты общего (Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, автоматически пролонгирующееся после истечения срока его действия в 2007 г.) и отраслевого (соглашения о научно-техническом сотрудничестве 2003 г., о сотрудничестве по ядерной безопасности 2001 г., о сотрудничестве в разработке, строительстве и использовании ракетополетов 2005 г. и др.) характера, так и неформальные процедуры и правила поведения.

Правовые инструменты дополнены развитой многоуровневой институциональной системой. От регулярных саммитов Россия – ЕС на уровне их руководства и Постоянного совета партнерства на уровне министров до множества рабочих групп представителей различных министерств и ведомств, а также организаций сотрудничества бизнес-сообществ (Круглый стол европейских и российских промышленников, Совет делового сотрудничества и Представительство российских предпринимательских союзов при ЕС в Брюсселе и др.). Основным координирующим институтом в области науки и технологий является Совместный комитет по научно-технологическому сотрудничеству.

На двусторонней основе институциональная система включает межправительственные комиссии по экономическому и научно-техническому (иногда и гуманитарному) сотрудничеству и их рабочие органы, в последние годы дополняемые и самоорганизацией бизнес-сотрудничества в форме т.н. Деловых советов. Для организации, мониторинга и текущего регулирования сотрудничества в наиболее важных и приоритетных сферах применяются и более продвинутые формы, например, Российско-германское энергетическое агентство, Российско-германская Стратегическая рабочая группа по сотрудничеству в области экономики и финансов.

Для начатой в 2005 г. работы по формированию общего экономического и человеческого пространства России и ЕС в 2005-2011 г. учреждены 16 т.н. отраслевых диалогов. Они стали основным форматом отраслевого сотрудничества РФ – ЕС, в т.ч. по энергетике, транспорту, промышленной политике, сельскому хозяйству, торговле и капиталовложениям, таможенному регулированию, макроэкономике и финансовой политике, сотрудничеству в области космоса, научно-технологическому сотрудничеству, интеллектуальной собственности, экологии. Также миграционный и безвизовый диалоги. В рамках этих диалогов были согласованы позиции ЕС и РФ по многим важным вопросам: от гармонизации технических регламентов и стандартов до разработки Дорожной карты по сотрудничеству в энергетике до 2050 г. Однако, их проблемами оставались слишком широкий охват слабо или практически не взаимосвязанных вопросов – от научно-технических и производственно-экономических до имеющих чисто политический характер, именно диалоговый, т.е. нацеленный преж-

де всего на обозначение и лучшее понимание позиций друг друга, а не на выработку совместных решений, рекомендательный, а не обязывающий международно-правовой статус согласованных подходов.

Поэтому в рамках таких диалогов с 2010 г. началась реализация специальных программ и инициатив, в т.ч. наиболее важной для перехода к модернизационно-инновационному взаимодействию России и ЕС инициативы «Партнерство для модернизации». Эта инициатива в большей степени, чем отраслевые диалоги в целом, проектно-ориентирована, нацелена на решение конкретных задач и получение материальных результатов. Она была призвана активизировать взаимодействие России и ЕС, придать реальный стимул модернизации их экономик, скоординированному инновационному прорыву к глобально конкурентному, ресурсо-экономному, основанному на знаниях облику этих экономик. Неслучайно в качестве приоритетных были выбраны 5 глобально значимых направлений, по которым РФ и ЕС имеют значимый научно-технологический задел и пока опережают, или, по крайней мере, не сильно отстают от своих глобальных конкурентов: космос, атомная энергетика, связь, компьютерные технологии и программное обеспечение, фармацевтика.

Реализация такой инициативы могла бы создать материальную базу и благоприятные политические условия для формирования гармоничного сообщества экономик стран ЕС и России (и ее партнеров по Таможенному союзу) «от Лиссабона до Владивостока», обеспечив им выигрышное позиционирование в формирующемся новом глобальном мирохозяйстве. Неслучайно эта инициатива появилась именно по завершении первой фазы мирового финансово-экономического кризиса, когда все страны искали эффективную модель для восстановительного и дальнейшего устойчивого роста. Российское руководство видело в этой инициативе возможность превращения сотрудничества с ЕС из важного, но внешнего фактора, в вектор внутреннего модернизационного развития в широком смысле, элемент формирования внутренней политики при широкой общественной поддержке. Руководство ЕС также рассматривало возможность «инкорпорирования» связей с Россией в долгосрочную стратегию одновременного решения проблем выхода из кризиса, обеспечения роста и занятости, проведения структурных реформ. Партнерство для модернизации могло бы с этой точки зрения облегчить энергетическое и сырьевое обеспечение стратегии ЕС, расширить научно-технологический и инвестиционный потенциал ее реализации, улучшить политические условия для нее в Европе и мире, приблизив перспективную экономическую и политическую модель России к модели ЕС.

Потенциальные преимущества такого подхода были очевидны:

- привлекательность лозунга модернизация для общества, бизнеса, различных политических сил;
- его многозначность, позволяющая включать все желательные экономические, политические и правовые аспекты;
- нацеленность на повышение существующих и разработку новых инструментов сотрудничества;
- ориентированность на достижение конкретных результатов, в отличие от неопределенности и расплывчатости задач предыдущих концепций и инициатив сотрудничества;
- взаимовыгодность сотрудничества, предотвращающая сомнения, недоверие и обвинения в получении односторонних выгод, нередкие в отношении прежних форм сотрудничества.

Поэтому «Программа для модернизации» была не только быстро принята на уровне ЕС, но и с энтузиазмом воспринята на уровне двусторонних отношений России со странами-членами. К началу 2012 г. соответствующие декларации о партнерстве были подписаны РФ со всеми странами ЕС, кроме Эстонии и Мальты. Для сти-

мулирования вовлечения частного бизнеса (особенно регионального, среднего и малого) в модернизационное сотрудничество создана сеть примерно из 40 Евро–Инфо корреспондентских центров, действующих при поддержке Минэкономразвития РФ и администраций соответствующих субъектов РФ.

Однако многосторонняя и двусторонние программы партнерства для модернизации во многом воспроизводили недостатки отраслевых диалогов, которые они были призваны преодолеть или обойти.

Они включали чрезмерно много вопросов, относящихся к различным сферам экономического и политического сотрудничества и слабо связанных между собой. В Рабочий План мероприятий по реализации инициативы Россия-ЕС «Партнерство для модернизации» на многостороннем уровне входят следующие направления:

1. Создание диверсифицированной, конкурентной и сбалансированной низкоуглеродной экономики.

1.1. Расширение возможностей для инвестирования в ключевые отрасли, стимулирующие рост и инновации.

1.1.1. Энергоэффективность, энергосбережение, возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

1.1.2. Другие вопросы, связанные с энергетикой.

1.1.3. Телекоммуникации и информационные технологии.

1.1.4. Охрана окружающей среды.

1.1.5. Транспорт.

1.1.6. Здравоохранение.

2. Облегчение и либерализация мировой торговли, продвижение и углубление двусторонних торгово-экономических связей

2.1. Либерализация торговли.

2.2. Интеграция в глобальную экономику.

2.3. Идентификация и устранение барьеров в торговле и инвестициях.

2.4. Таможенное регулирование.

2.5. Гармонизация стандартов и техническое регулирование.

3. Усиление сотрудничества в области инноваций, научных исследований и разработок, включая космические и ядерные исследования

3.1. Научные исследования и разработки

3.1.1. Участие сторон в российских и европейских (рамочных) программах.

3.1.2. Глобальная исследовательская инфраструктура.

3.1.3. Совместные научно-исследовательские программы и проекты.

3.1.4. Ядерные технологии.

3.2. Инновационное сотрудничество

3.2.1. Совершенствование законодательной среды для инновационного развития.

3.2.2. Развитие малых и средних предприятий.

3.2.3. Коммерциализация (внедрение) результатов инновационных разработок.

3.3. Космос

4. Верховенство закона, укрепление правовой среды, совершенствование инвестиционного и социального климата

4.1. Борьба с коррупцией, повышение эффективности судебных систем, противодействие отмыванию денег.

4.2. Совершенствование инвестиционного и климата и обеспечение эффективной охраны и защиты прав интеллектуальной собственности.

4.3. Сбалансированное развитие и преодоление региональных и социальных последствий экономической реструктуризации.

5. Содействие развитию контактов между людьми и укрепление диалога с гражданским обществом.

- 5.1. Либерализация визового режима и человеческих контактов.
- 5.2. Укрепление диалога с гражданским обществом.
- 5.3. Поощрение человеческих контактов через программы обмена.
- 5.4. Вовлечение деловых кругов России и ЕС в деятельность органов сотрудничества Россия-ЕС, в том числе отраслевых диалогов.

Уже при перечислении этих позиций, базирующихся на принципе «нераздельности всеобъемлющей концепции модернизации», становится ясно, что реализовать эту программу будет трудно, если вообще возможно.

Аналогичные трудности могут возникнуть и на двустороннем уровне. В декларациях о партнерстве для модернизации РФ с большинством стран ЕС сочетаются мало связанные и различные по степени конкретности и приоритетности вопросы. На них явно лежит отпечаток специфических национальных интересов стран, менее актуальных для РФ. Например: у Дании и Швеции акцент на охране среды в Балтийском и Арктическом регионах; у Швеции – на улучшение биологического многообразия, социальной ответственности бизнеса и безопасности дорожного движения; у Венгрии и Польши – на расширение поставок в РФ агропродовольственной продукции. Они включают ряд проектов, прямо не связанных с модернизацией экономики (например, проектов газопроводов «Северный поток» в программе для ФРГ и «Южный поток» в программе для Венгрии). Инновационная часть деклараций невелика и недостаточно проработана, а основной акцент даже в наиболее продвинутых программах (например, с Германией) сводится к проектам создания в России предприятий по производству давно освоенной и мало конкурентной на европейском и мировом рынках продукции на основе импорта оборудования, компонентов и др. В программах смешиваются вопросы, относящиеся к разным уровням управления (государства, отрасли, конкретных коммерческих проектов), а также его различным функциям: ориентирования, поддержки, контроля и исполнения решений. На уровне ЕС управление возложено на Еврокомиссию, не занимающуюся собственно экономической деятельностью, а на уровне стран-членов ЕС и России – на министерства промышленности или экономики (в РФ – на Минэкономразвития), не имеющие межведомственного характера и не обладающие достаточным административным ресурсом.

Наконец, положения программ модернизационного партнерства не носят международно-обязывающего характера. В тексте большинства из них особо оговаривается, что они «не являются международным договором, не создают никаких прав и обязательств, регулируемых международным правом». Учитывая далеко не всегда положительный опыт реализации даже договорно закреплённых взаимных обязательств РФ и ЕС, трудно рассчитывать на эффективность реализации программ партнерства для модернизации.

Кроме того, явно изменился и общеполитический контекст реализации много- и двусторонних программ модернизационного партнерства. Правда, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» выстраивание стратегического партнерства с Евросоюзом по-прежнему стоит на втором месте в приоритетах после отношений со странами СНГ. МИД РФ поручается «выступать за достижение стратегической цели – создания единого экономического и человеческого пространства от Атлантического до Тихого океана; добиваться заключения соглашения с Европейским союзом об отмене виз при краткосрочных взаимных поездках граждан; отстаивать принципы равноправия и взаимной выгоды в работе над новым базовым соглашением между Российской Федерацией и Европейским союзом о стратегическом партнерстве; способствовать эффективной реализации программы "Партнерство для модернизации"; развивать взаимовыгодное энергетическое партнерство в целях

создания единого энергетического комплекса Европы, добиваясь строгого соблюдения имеющихся двусторонних и многосторонних договорных обязательств».

Однако акцент явно смещается на внеэкономические вопросы, вроде снятия визовых ограничений, и ничего не говорится о необходимости содействия МИДа в проведении структурных реформ и соответствующих институционально-правовых изменений в регулировании российской экономики. Более того, постоянное акцентирование необходимости опережающего развития отношений со странами АТЭС, закладываемое в федеральный бюджет РФ относительное (а по ряду позиций и абсолютное) сокращение расходов на науку и образование фактически показывают охлаждение российского руководства к идее использования партнерства по модернизации с ЕС для решения стратегических задач России в новом мироустройстве.

Определенная вина за это лежит и на руководстве ЕС и отдельных стран-членов, не изживших еще недоверия к России как к потенциальному конкуренту и даже противнику, и не оставляющих попыток давления на Россию даже в областях, имеющих жизненное значение для экономической и политической безопасности Европы. Характерные примеры на уровне ЕС – активное внедрение механизмов т.н. «Третьего пакета» законодательства по единому газо- и электроэнергетическому рынку ЕС в наименее выгодном для российских компаний варианте (особенно, в Литве и Эстонии), начало антимонопольного расследования против «Газпрома», инициатива стран Балтии и Финляндии по обусловливанию введения безвизового режима рядом дополнительных требований и др.). На двусторонней основе показательным примером служит отказ властей Польши летом 2012 г. продать госпакет акций завода минудобрений российской компании «Акрон», хотя она была фактически единственным претендентом, предлагала цену выше рыночной и выдвигала программу взаимовыгодной совместной модернизации и наращивания экспорта минудобрений. Определенным исключением здесь является договоренность (октябрь 2012 г.) о сделке госкомпании «Роснефть» и британской BP, в результате которой российская компания заметно нарастит свои активы (превратившись в мирового лидера по добыче нефти) и получит доступ к передовым британским технологиям добычи и переработки нефти, а британская – получит чистый доход в 12,3 млрд. долл. (облегчающий ей выплату долгов), 19,5% акций крупнейшей российской нефтекомпании (второе место после правительства России) и доступ к арктическому шельфу России. Однако эта сделка, при всей ее важности, прямо не вытекает из энергодialogа РФ-ЕС и программ модернизации на много- и двустороннем уровне.

Преодоление нынешних трудностей при использовании модернизационного партнерства – не только становящийся результат «новой нормальности» в отношениях России и ЕС и формирования гармоничного сообщества их экономик, но и их условие.

Выводы

Европейский союз был и на обозримую перспективу останется ведущим торгово-инвестиционным и научно-технологическим партнером России. Развитие отношений такого масштаба и интенсивности с другими центрами роста глобальной экономики по объективным экономическим и политическим причинам либо невозможно (США) либо ограничено (Ю.Корея, Китай и другие страны БРИКС).

Это связано как с доминированием ЕС во внешних торговых и инвестиционно-производственных связях России и значением российского рынка сбыта для экономики ЕС, так и с географической близостью и развитой транспортно-инфраструктурной системой обслуживания взаимных связей. Россия в ближайшее десятилетие не сможет найти сопоставимых с ЕС рынков сбыта энергоресурсов, металлов и других базо-

вых экспортных товаров, Евросоюз – масштабной альтернативы минерально-сырьевому импорту и основной части промышленного экспорта в Россию.

Вызванное жесткой рецессией в Европе снижение российского экспорта в страны ЕС сократило прирост российского ВВП в 2012–2013 гг. на 1%, до 3,5–3,7%. Прекращение притока достаточно «дешевых и длинных денег» из ЕС (на фоне перманентного оттока капитала из России), чревато новым кризисом в российской банковско-кредитной сфере. С другой стороны, доля евро в российской «валютной корзине» и международных резервах и возможность привлечения средств из российских суверенных фондов стали значимыми факторами преодоления кризисных тенденций в ряде стран ЕС, включая его «экономический локомотив» – ФРГ. Поэтому обе стороны заинтересованы в поддержании долговременных взаимовыгодных связей.

Интенсификация сотрудничества (вплоть до объединения усилий) в ключевых секторах экономики позволят России и ЕС лучше подготовиться и отреагировать на новые глобальные тренды – вялотекущее замедление динамики и обострение конкуренции в мировой экономике. Прежде всего это – повышение способности России и ЕС обеспечить долгосрочный эффект от текущих бюджетных расходов при сохранении краткосрочной макроэкономической стабильности. Рекомендации МВФ для ЕС и России в этом контексте практически совпадают: «удержаться на тонкой грани укрепления госфинансов, избегая при этом чрезмерного прекращения бюджетной поддержки все еще не окрепшего восстановления экономики».

В этой связи ключевым элементом долгосрочных социально-экономических стратегий России и ЕС становится *реализация новой модернизационно-реструктуризационной промышленной политики*. По оценке российских экспертов, такая политика для нашей страны означает, что:

- объектами господдержки должны быть преимущественно абсолютно новые отрасли;
- для них должны быть установлены четкие количественно выраженные критерии успеха (успехи), при достижении (провале) которых всякая поддержка прекращается;
- поддерживаемые сектора должны иметь ярко выраженный демонстрационный эффект и оказывать положительное влияние на остальную экономику;
- поддержка должна оказываться на всех уровнях, а не только группам системообразующих предприятий;
- на макроуровне должен быть не только относительно стабильный валютный курс, поддержка рынка труда и инноваций, но и незыблемая стабильность прав собственности.

Поддержка традиционным отраслям должна исходить из рыночных принципов, в т.ч. правил и возможностей функционирования России в ВТО.

Во многом сходные задачи должна решать и новая индустриальная политика ЕС, нацеленная на повышение доли промышленности в ВВП сообщества минимум до 20% причем на новой (по возможности прорывной технологической базе) и при акценте на структурные улучшения в секторе малых и средних промышленных предприятий (около 25 млн. единиц). Налаживание модернизационного партнерства может облегчить и удешевить переход к новой промышленно-реструктуризационной перестройке России и ЕС.

Преимуществами модернизационного партнерства России с ЕС являются:

- весомый инвестиционно-производственный и технологически-модернизационный потенциал Евросоюза (в отличие от «новых индустриальных стран» основанный на собственных фундаментальных исследованиях и «прорывных» НИОКР);

– наличие перспективных «заделов» по ряду приоритетных направлений глобального научно-технического прогресса в России;

– *реально действующая межгосударственная договорно-правовая система* организации экономического и научно-технического сотрудничества по линии ЕС и большинства его стран-членов. Эта система дополняется быстро развивающейся системой поддержки взаимосвязей бизнеса и науки России и РФ негосударственными организациями.

Аналогов такой «синергии управления» сотрудничеством у России и ЕС нет ни с какими иными партнерами, даже в их отношениях, соответственно, с членами Таможенного союза и с США.

Для того чтобы обе стороны могли наиболее эффективно использовать открывающиеся преимущества и возможности сотрудничества

1. необходимо скорейшее достижение политического согласия по концептуальной основе перспективного стратегического сотрудничества – установления максимально возможного взаимного доверия и перехода к «новой нормальности» во всех «общих пространствах» России и ЕС, создание которых намечено в «дорожных картах». Такая политическая договоренность должна составить ядро будущего нового Базового соглашения между Россией и Евросоюзом;
2. на межгосударственном уровне – по линии ЕС и стран-членов – необходимо активнее трансформировать согласовательно-рекомендательные решения в рамках отраслевых диалогов в обязывающие международно-правовые решения по вытекающим из этих диалогов конкретным проектам в рамках соглашений о партнерстве для модернизации (прежде всего по приоритетным направлениям: авиакосмическому, био- и информационно-технологическому, альтернативно энергетическому и др.);
3. целесообразно расширить межгосударственное сотрудничество в области фундаментальных исследований и НИОКР на основе пролонгации и доработки Соглашения России и ЕС по научно-техническому сотрудничеству с акцентом на использование более современных и коммерчески перспективных форм его организации: вовлечения научных учреждений РФ в реализацию Рамочных научно-технических программ ЕС, налаживания взаимодействия между технологическими платформами и научно-производственными кластерами и «инногородами» РФ и ЕС (особенно в приграничных регионах), а также активизации совместного участия в региональных и глобальных международных научных проектах (типа термоядерного реактора, Большого андронного коллайдера);
4. необходимо активизировать связи между университетскими центрами по исследованиям и разработкам, обмен студентами, профессорско-преподавательским составом, научными специалистами по линии вузовской, академической и отраслевой науки. Не следует распространять ограничения на сотрудничество российских научных организаций (в т.ч. НГО) с иностранными неправительственными организациями на связи в рамках программ партнерства для модернизации;
5. целесообразно активнее прибегать к содействию институтов ЕС (прежде всего, Еврокомиссии) для обеспечения равноправного допуска бизнеса России к приватизации и реструктуризации компаний стран ЕС, располагающих ценными разработками, устойчивым рынком сбыта, потенциалом модернизационного роста в случае дискриминационного поведения национальных правительства стран-членов;

6. важно разработать специальные правовые и экономические инструменты, облегчающие создание «российско-евросоюзных» центров НИОКР на базе ведущих (в т.ч. транснациональных) корпораций ЕС (определенный опыт такого сотрудничества уже имеется с некоторыми компаниями Германии и Франции, включая разработки и производство отдельных видов военно-промышленной продукции.);
7. следует активнее использовать возможности действующих в ЕС российских банковских групп (ВЭБ, ВТБ, Сбербанк) для финансирования совместных проектов в рамках многосторонней и двусторонних программ партнерства для модернизации России и стран ЕС;
8. необходимо разработать взаимоприемлемые формы и инструменты включения проектов программ партнерства для модернизации на уровне ЕС и стран-членов в соответствующие российские государственные (в т.ч. федеральные целевые) и региональные программы, а также рассмотреть возможность создания в России специальных межведомственных структур для управления и поддержки модернизационного сотрудничества (наряду с Минэкономразвития РФ).

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ И МЕХАНИЗМОВ «ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ»

Глобализация и глобальное управление

На протяжении последних 20 лет на экспертном и политическом уровне обсуждаются тенденции и перспективы развития принципов и механизмов «глобального управления» (global governance). Впервые сам вопрос о возможности и необходимости глобального управления был сформулирован еще в 1970-е годы. Тогда западным экспертным сообществом было высказано мнение о политической необходимости международных и наднациональных институтов и принципов решения «глобальных проблем»: экономических, энергетических, экологических и иных. Была сформулирована и приобрела политическую поддержку гипотеза о том, что в условиях нарастающей взаимозависимости между странами, стоящими на различных уровнях развития, необходимо наращивать координацию действий государств при решении проблем, значимых для всего человечества или большей его части⁶⁷. Словосочетание «глобальное управление» с середины 1990-х годов и до настоящего времени активно используется не только в публикациях экспертов, но и в выступлениях государственных и политических деятелей, в материалах министерств и ведомств ведущих держав, в документах ООН и других международных организаций⁶⁸. В большинстве случаев речь идет об одних и тех же явлениях и процессах – развитии институтов и принципов международного и наднационального политического и экономического регулирования.

Однако отсутствие единства мнений о самом этом феномене и о том, какое воздействие он оказывает на международные отношения и мировое развитие, порождает существенные затруднения в интерпретации связываемых с ним позиций и действий. По этим причинам для целей данного доклада было сформулировано собственное операциональное определение понятия «глобального управления».

Под «глобальным управлением» понимается формирующаяся на межгосударственном и транснациональном уровнях многоуровневая система институтов, принципов и норм международного и наднационального регулирования взаимодействий государств, а также негосударственных экономических и международно-политических субъектов, чьи сферы и пространства деятельности имеют глобальное социально-экономическое и политическое значение.

Глобалистские институционалистские идеи и практика развивались вместе с системой международных организаций и режимов на протяжении всего XX столетия и в начале XXI века. В отличие от утопических проектов «вечного мира», «ассамблеи государств», «мирового государства» и «мирового правительства» прошлого, современные идеологи и сторонники «глобального управления» отталкиваются от уже накопленного практического опыта работы международных институтов и существующего набора региональных и глобальных структур. Как правило, в связи с «глобальным управлением» речь не идет о создании непосредственно институтов и принципов

⁶⁷ Впервые идеи, заложенные в основу концепции «глобального управления» были сформулированы в одном из докладов Римскому Клубу «Пересмотр международного порядка» еще в 1976 г. Доклад содержал предложения по созданию глобальной системы перераспределения ресурсов, инвестиций, технологий между развитыми странами и развивающимися, которую предполагалось регулировать посредством наднациональных институтов. См.: Tinbergen Jan (co-ordinator). RIO Report: Reshaping the International Order. – N.Y.: Dutton. 1976;

⁶⁸ См., например: Our Global Neighborhood. Report of the Commission on Global Governance. – Oxford.: Oxford University Press. 1995.

наднационального (пусть даже межгосударственного по форме) принятия решений, которые обязательны к исполнению всеми субъектами международных отношений. Под ним подразумевается совокупность мягких инструментов управления и регулирования – создание международно-правовых и международных режимов, регулирование посредством использования институтов и связанных с ними процедур, формирование устойчивых принципов разграничения полномочий и согласования интересов субъектов и институтов в процессе принятия и имплементации решений.

В этом отношении «глобальное управление» не является и вряд ли даже в долгосрочной обозримой перспективе примет форму устойчивой международной и/или наднациональной институционально оформленной структуры, обладающей собственной субъектностью. Однако тенденции к укреплению принципов, норм, процедур, режимов и институтов глобального управления существуют и крепнут.

Большинство подходов к формированию «глобального управления» объединяют представления о существовании «глобальных проблем». Принципиально не решаемые на уровне отдельных государств, они могут быть взяты под контроль на основе создания коллективных международных, наднациональных институтов и механизмов. Для большинства исследователей очевидно, что есть сферы деятельности, уровень управляемости и регулируемости которых растет в связи с двумя взаимосвязанными тенденциями.

1. С одной стороны, увеличивается количество субъектов мировой экономики и политики (государственной и негосударственной природы), способных действовать и имеющих интересы в глобальных масштабах или в масштабах больших регионов.

2. С другой стороны, нарастает конкуренция между ними по поводу полномочий относительно использования различных видов ресурсов, освоения видов деятельности, имеющих стратегическое значение. При этом такую конкуренцию отличает от традиционной борьбы за распределение ресурсов и сферы влияния то, что она ведется в условиях развития процессов экономической, научно-технологической и политической глобализации, под влиянием которой динамично меняются ее принципы и механизмы – возникает практический запрос на то, чтобы связанные с ней отношения регламентировались, а их развитие направлялось.

Экономическая глобализация и связанные с ней политические процессы, существенно меняют условия осуществления внешней и внутренней политики наиболее активно участвующих в ней стран. Экономическая глобализация и ее политические последствия создают объективную основу для интенсификации международных дискуссий о формах, принципах и методах регулирования (управления) мировой экономики и международных отношений. В первую очередь это продиктовано тем, что политические и бизнес элиты ведущих экономик мира стремятся к большей определенности и координации действий в выявлении, распределении и минимизации рисков, имеющих международное и глобальное значение и связанных процессами глобализации.

Социально-экономическую основу глобализации составляют:

- формирование единой взаимосвязанной мировой финансово-экономической системы;
- развитие глобальной интегрированной системы международного разделения труда и иностранных инвестиций;
- нарастание многоуровневой мировой социально-экономической взаимозависимости;
- скачкообразное развитие средств связи и коммуникации, дающее системные социально-экономические эффекты;
- значительный рост численности транснациональных субъектов мировой экономики, а также освоение ими новых сфер активности и расширение влия-

ния на внутригосударственные, международные, региональные и глобальные хозяйственные, социально-организационные и политические процессы.

Все эти явления в отдельности и в системной совокупности качественно меняют международную среду, трансформируют внутренние и внешние условия взаимодействия государств. Тенденции конца 2000-х – начала 2010-х гг., в первую очередь связанные с мировым финансово-экономическим кризисом, показали, что в условиях глобализации государства не только не теряют своих полномочий и возможностей в области экономического регулирования и политического управления, но и напротив остаются главными и наиболее эффективными субъектами принятия решений на международном уровне⁶⁹.

В связи с проблемами глобального управления на экспертном и политическом уровнях были впервые сформулированы вопросы организации и принципов взаимодействия различных уровней принятия решений, соотношения между ними, структуры мироустройства. Важным предметом идейно-политической борьбы стали фундаментальные организационно-политические, правовые и идеологические вопросы:

- об источниках власти и легитимации полномочий наднациональных институтов;
- о дееспособности и эффективности государственных институтов в условиях глобализации;
- о перспективах осуществления государственного суверенитета и подходах к его трансформации;
- о методах, мотивах и средствах легитимации его ограничения на наднациональном (международном и регионально-интеграционном) и глобальном уровнях.

Направления практического применения концепций

В политико-практическом отношении концепции глобального управления ориентированы, прежде всего, на распространение его принципов и практики на сферы деятельности, имеющие глобальное хозяйственное и социальное значение, а также территории и акватории, которые находятся вне пределов юрисдикции государств или могут быть частично выведены за них в перспективе. Их идеологи и сторонники называют несколько основных областей применения тех моделей, которые они предлагают:

Во-первых, мировая экономика и финансы. Эта сфера приобрела особую актуальность благодаря кризису.

- Валютно-финансовое регулирование – МВФ, а также аффилированный с ним неофициальный, но такой влиятельный формат взаимодействия как Группа двадцати.

- Международная торговля – ВТО. Здесь наличие механизмов и принципов «глобального управления» рассматривается как уже существующая, но не всегда эффективная данность.

- Энергетическая безопасность и отношения между производителями и потребителями топливно-энергетического сырья и других ресурсов.

Во-вторых, в области международных отношений и безопасности.

- Регулирование международных отношений и вмешательство во внутренние конфликты, угрожающие международной безопасности и миру или – ООН, а также военно-политические блоки и организации.

- Невоенные угрозы безопасности имеющие международное региональное и глобальное значение.

---

⁶⁹ См.: Birdsall N., Fukuyama F. The Post-Washington Consensus: Development After the Crisis // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90, N 2. March/April.; Bremmer I. State Capitalism Comes of Age // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. N 3.

- Атомная энергетика и вопросы нераспространения ядерного оружия – здесь сторонники глобального управления рассчитывают на расширение полномочий МАГАТЭ.

В-третьих, деятельность на пространствах, которые с точки зрения международного права не подпадают под национальные юрисдикции и являются «общим наследием человечества».

- Космос.
- Открытые участки Мирового океана и глубоководные районы морского дна.

- Антарктика.
- Изменение климата – в этой сфере идея наднационального регулирования опирается на гипотезу о его антропогенном происхождении и связанную с ней идею о том, что регулируя выбросы стран в атмосферу можно оказать воздействие на ее состояние и предотвратить «глобальное потепление».

В-четвертых, наиболее радикальная часть сторонников идей «глобального управления» видит в качестве сферы применения его моделей те пространства и территории, которые на сегодняшний день находятся под полным или частичным контролем государств.

- Арктика.
- Крупнейшие экосистемы.

В-пятых, в гуманитарной и культурной сферах.

- Соблюдение прав человека. На представлениях о необходимости унификации и создания наднациональных механизмов контроля над соблюдением соответствующих прав на уровне государств настаивают сторонники расширения полномочий Международного уголовного суда (МУС) и последователи концепции «ответственности за защиту».

- Сфера сохранения культурного наследия – ЮНЕСКО. В этой области влияние международного участия в вопросах обеспечения безопасности и сохранности памятников культуры мирового значения продолжает расти.

Все концепции «глобального управления» подразумевают дальнейшее развитие и укрепление влияния международных институтов и придание им все большего количества наднациональных по форме осуществления политических функций в отношении различных областей деятельности.

Развитые страны обладают наибольшими научно-технологическими заделами, материальными ресурсами и практическими потребностями для освоения и использования сфер и территорий, имеющих глобальное значение. Освоение пространств, имеющих глобальное хозяйственное, социальное и военно-политическое значение (Космос, Мировой океан) связано с разработкой и внедрением значительного количества новых технологий, а также с интенсификацией научно-технологического обмена.

В то же время элиты стран-лидеров глобализации ни на современном этапе, ни в обозримом будущем, не готовы противопоставить процесс формирования институтов и принципов «глобального управления» статусу и интересам своих государств. Глобальное управление фактически черпает свою легитимность в легитимности его ведущих субъектов-государств, а его осуществление зависит от этих государств – как напрямую, так и через международные организации, ресурсы которых формируются теми же государствами. Ни одна из стран-лидеров глобализации, не согласится ограничить свой суверенитет, а также позволить наднациональным органам (с участием разных групп стран) ограничить свои возможности принимать решения и осуществлять деятельность в тех сферах, которые жизненно значимы для них. Таким образом, сущностное противоречие,

которое содержит в себе вопрос о субъектности глобального управления останется неразрешимым в ближайшие десятилетия.

В 1990-е – 2000-е гг. готовность и способность США выступать в качестве силы и субъекта, способного с помощью финансово-экономических, политико-дипломатических и военных средств оказывать влияние практически на все сферы мировой экономики и политики было важнейшим архитектурным элементом политического мироустройства. Развитие самих США и их субъективных функций по отношению к миропорядку подчиняются логике и динамике объективных тенденций глобализации. Прежде всего – росту взаимозависимости, которая плавно снижает способности США к независимым односторонним политическим и силовым действиям. Две администрации Дж. Буша-мл. попытались переломить эту тенденцию практикой односторонних военно-политических инициатив по смене режимов и попытками их фиксации как устойчивых политических прецедентов. Республиканскому руководству США удалось достичь здесь определенных результатов, однако некоторые его действия лишь ускорили изменение форм и принципов американского лидерства.

Наметившиеся к концу 2000-х – началу 2010-х гг. изменения структуры миропорядка, формируют запрос на поиск новых форм и методов регулирования и направления развития процессов организации и самоорганизации миропорядка. На такой экономической и политической основе к началу 2010-х гг. начали формироваться объективные условия для начала нового этапа развития концепций и практики глобального управления.⁷⁰ В складывающихся новых для Америки международно-политических условиях Вашингтон может более активно использовать внешнеполитические возможности, связанные с влиянием на международно-политические институты, которые на протяжении долгого времени оставались на периферии его приоритетов.

Несмотря на то, что США не собираются отказываться от лидирующей роли в международной системе, стало очевидно, что структура формирующегося миропорядка содержит все больше элементов полицентричности. Процессы экономической и политической глобализации, основа для которых закладывалась еще в биполярном миропорядке в ходе интенсивной интернационализации различных сфер жизни внутри Запада, перестали быть процессами американизации и даже вестернизации других частей мира. В них активно встроились субъекты незападного происхождения, готовые использовать правила, сформированные США и их союзниками, а там, где необходимо, и менять эти правила. С середины 2000-х гг., при сохранении лидерства США и их союзников, ряд ведущих региональных держав и, прежде всего КНР, а также отчасти Индия, Бразилия, Россия и ЮАР за счет сформированных в них очагов динамичного социально-экономического развития, стали принимать все более активное участие в развитии глобализации. Активизация участия этих стран в экономической глобализации стало к началу 2010-х гг. оказывать возрастающее влияние на ее политические компоненты.

Именно включение экспертных сообществ стран БРИКС и активизация таких международных дискуссионных площадок как Группа 20 в конце 2000-х – начала 2010-х гг. вывела ряд вопросов, которые традиционно связывались с проблематикой глобального управления, на официальный политико-дипломатический уровень. Катализатором этих процессов стал мировой кризис – он обозначил необходимость пересмотра моделей взаимодействия национальных систем финансово-экономического регулирования и международных институтов, причем не в пользу последних. С одной стороны кризис наглядно продемонстрировал слабую эффективность международных и наднациональных региональных и глобальных механизмов регулирования финансово-экономических процессов. С другой, показал, что хо-

---

⁷⁰ См.: Grant Ch. Russia, China and Global Governance. –Л.: Center for EU Reform. 2012.; Sweig J. A New Global Player. Brazil's Far-Flung Agenda. // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. N 6. November/December.

тя государства и остаются важнейшими субъектами регулирования и управления, их возможности действовать в одиночку в условиях нарастающей глобальной взаимозависимости существенно снижаются.

В ходе финансово-экономического кризиса вопросы о принципах, институтах, субъектах и формах наднационального и глобального политического управления и экономического регулирования стали смещаться в политико-практическую плоскость. Глобальное управление перестало быть абстрактной конструкцией, а превратилось в предмет внимания ведущих держав и международных организаций в первую очередь применительно к важнейшим вопросам повестки таких структур как Группа семи/восьми и Группа двадцати.

В последние 10 лет идеи «глобального управления» приобретают все больше сторонников в крупнейших развивающихся странах – ведущих региональных державах. Они не всегда обладают возможностями доступа (например, в Арктику), но уже имеют растущие или перспективные потребности в нем, а также в участии в принятии решений глобального характера.

Все ныне существующие концепции глобального управления имеют западное происхождение – связаны с американской и западноевропейской политической традицией и идеологией. Однако на протяжении последнего десятилетия все больше внимания этим вопросам стало уделяться со стороны элит стран, являющихся региональными лидерами и имеющими собственный историко-политический опыт и ценностно-целевые ориентиры, которые в большей или меньшей степени отличаются от западной политико-идеологической аксиоматики. О своей готовности участвовать в развитии институтов и принципов глобального управления на официальном и экспертном уровне заявляют Китай, Индия, Бразилия. На современном этапе проявляются лишь первые международно-политические последствия расширения внимания этих стран и их элит к вопросам глобального управления.

Все более активное участие ведущих региональных держав в глобализации на протяжении 2000-х – начала 2010-х гг. постепенно видоизменяло как финансово-экономические, так и международно-политические компоненты процессов глобализации и неформальной политической иерархии мироустройства и способствуя постепенной трансформации поведения основных лидеров процессов глобализации, включая США. Однако темпы расширения участия новых региональных лидеров в формировании структур международного экономического регулирования и международно-политических институтах в 2000-е – начале 2010-х гг. оставались в целом несопоставимыми с темпами их экономического роста. Эти изменения состава стран, наиболее деятельно участвующих финансово-экономической глобализации и формировании новых очагов мирового социально-экономического развития и роста в развивающемся мире, оказывают нарастающее влияние на деятельность мировых финансово-экономических и международно-политических институтов. О малой готовности стран БРИКС выйти при их участии в формировании глобальной повестки дня за пределы их внутренних социально-экономических задач, а также о слабом уровне координации между ними по этим вопросам говорит содержательное наполнение большинства саммитов этого клуба, которое несопоставимо ни с «Двадцаткой», ни, тем более, с «Семеркой / восьмеркой».

В ходе международных дебатов о путях выхода из финансово-экономического кризиса и последующей рецессии, затронувшей ведущие экономики мира, существенно повысились глобальные политические статус и роль «Группы двадцати». Однако принципы ее работы и разнообразный состав по-прежнему не позволяют этому влиятельному клубу приблизиться по масштабу постановки проблем, выносимых на повестку заседаний и уровню координации членов при выработке подходов к их решению к «Группе восьми» и, тем более к финансово-экономической «Группе семи».

Рис 1. Потенциал участия государств БРИКС в формировании международной повестки взаимодействия по вопросам глобального управления

Основные вопросы повестки саммитов БРИКС в 2011-2013 гг.	Бразилия 	Россия 	Индия 	Китай 	ЮАР
Устойчивость мировой финансовой системы	Слабый	Ограниченный	Ограниченный	Значительный	Слабый
Продовольственная безопасность	Значительный	Значительный	Ограниченный	Ограниченный	Ограниченный
Энергетика	Значительный	Значительный	Ограниченный	Ограниченный	Ограниченный
Ликвидация последствий природных и техногенных катастроф	Ограниченный	Значительный	Слабый	Значительный	Слабый
Борьба с бедностью	Ограниченный	Слабый	Слабый	Ограниченный	Слабый
Здравоохранение	Ограниченный	Ограниченный	Ограниченный	Ограниченный	Слабый
Борьба с международным терроризмом	Слабый	Значительный	Значительный	Значительный	Ограниченный
Кибербезопасность	Ограниченный	Ограниченный	Значительный	Значительный	Слабый
Защита окружающей среды	Ограниченный	Ограниченный	Ограниченный	Слабый	Ограниченный
Противодействие незаконному обороту наркотиков	Слабый	Ограниченный	Значительный	Значительный	Слабый

*По документам саммитов в Санья (КНР) 13-14 апреля 2011 г., Нью-Дели (Индия) 29 марта 2012 г., Дурбан (ЮАР) 26-27 марта 2013 г.

Современные тенденции развития повестки международных официальных и неформальных институтов позволяют предположить, что и после выхода мировой экономики из рецессии продолжится рост внимания к проблематике «глобального управления» не только в сфере финансово-экономического регулирования, но и международной безопасности. Сформируется устойчивый политический спрос на прикладные методы решения задач наднационального и международного политико-экономического регулирования в различных сферах. Интенсифицируется экспертно-политическая и дипломатическая межгосударственная конкуренция по поводу реформы ООН и выбора путей развития системы международных организаций. Повестка саммитов «Группы восьми» и «Группы двадцати» будут постепенно сближаться, однако не станут общими – слишком велики различия между двумя этими форумами. Вопросы, связанные с проблематикой глобального управления будут все глубже проникать во внутривнутриполитическую жизнь государств, воздействуя на идейно-политические и социально-организационные процессы.

Рис.2. Повестка саммитов «Группы восьми» и позиции России в 2011-2013 гг.

Основные темы повестки саммитов «Группы восьми»	Участие России	Наличие противоречий с другими членами
Энергетика	Активное	Умеренные
Продовольственная безопасность и здравоохранение	Ограниченное	Незначительные
Борьба с международным терроризмом и организованной преступностью	Активное	Незначительные
Ситуация в Афганистане после вывода МССБ в 2014 г.	Ограниченное	Умеренные
Ситуация в Сирии	Активное	Существенные
Иранская ядерная программа	Активное	Существенные
Ракетно-ядерная программа КНДР и ситуация на Корейском полуострове	Активное	Незначительные
Кибербезопасность	Активное	Незначительные
Содействие политическим преобразованиям в странах Ближнего Востока и Северной Африки – «Довильское партнерство»	Ограниченное	Существенные
Изменение климата	Ограниченное	Существенные
Ситуация в Сомали и в районе Африканского Рога	Активное	Незначительные
Экономическое и политическое развитие Мьянмы	Незначительное	Незначительные

* По итоговым документам саммитов в Довиле (Франция) 26-27 мая 2011 г., Кэмп Дэвиде (США) 18-19 мая 2012 г. и предварительным материалам встречи в Лох-Эрн (Великобритания) 17-18 июня 2013 г.

Рис.3. Повестка саммитов «Группы двадцати» и позиции России в 2011-2013 г.

Основные темы повестки саммитов «Группы двадцати»	Участие России	Наличие противоречий с другими членами
Реформирование и стабилизация международной финансовой системы	Ограниченное	Незначительные
Преодоление последствий экономического кризиса	Ограниченное	Незначительные
Контроль за деятельностью офшоров, проблемы движения капиталов и налогообложения	Ограниченное	Умеренные
Регулирование международной торговли, ограничение протекционистских мер и торговых войн	Ограниченное	Умеренные
Продовольственная безопасность и регулирование цен на продукты питания	Активное	Умеренные
Энергетическая безопасность	Активное	Умеренные
Борьба с коррупцией	Активное	Незначительные
Борьба с безработицей, решение социальных проблем	Ограниченное	Незначительные
Искоренение бедности	Ограниченное	Незначительное
Защита окружающей среды, создание условий для «зеленого роста» экономики и устойчивое развитие	Ограниченное	Незначительные

По итоговым документам саммитов в Каннах (Франция) 3-4 ноября 2011 г., (Мексика) 18-19 июня 2012 г. и в Санкт-Петербурге (Россия) 5-6 сентября 2013 г.

Перспективы участия РФ в формировании системы «глобального управления»

Самоустранение от участия в формировании механизмов и принципов глобального управления в условиях растущей взаимозависимости невозможно – изоляция от этих процессов означает для любой страны заведомо проигрышную позицию. Инициатива в формировании международных институтов и норм, а также лидерство в разработке принципов их функционирования становится одним из важных средств международной конкуренции. И одной из предпосылок успешной модернизации России.

Усилия на этих направлениях требуют выработки самостоятельных позиций по политическим и нормативно-правовым вопросам использования ресурсов и возможностей этих пространств, а также участия государства в формировании международных механизмов регулирования соответствующей деятельности. Россия уже принимает участие в этих процессах как постоянный член СБ ООН, участница Группы восьми, член ВТО и т.д., однако международные экономические и политические тенденции таковы, что они требуют более целостной стратегии российского участия в формировании и использовании международных механизмов регулирования и координации.

Приоритетной сферой внимания России должна быть реформа ООН. Здесь необходимы такие позиции и инициативные действия, которые могли бы способствовать сохранению особого статуса в СБ ООН, но позволили бы активизировать диалог с некоторыми странами-кандидатами на то, чтобы стать его постоянными членами. Наиболее перспективными партнерами для России тут могли бы стать Индия, Бразилия и ФРГ. Вместе с тем, реформа может коснуться не только расширения состава СБ ООН, но и изменения полномочий и принципов имплементации решений ГА ООН – придания им большей обязательности (так называемый «прото-парламентский сценарий»). Такая модель крайне невыгодна России, потому что она может привести к размыванию статуса СБ ООН и в особенности ведущей роли постоянных членов. Российские интересы здесь могут быть связаны не только с последовательной линией на отстаивание примата Устава ООН, как основы международного права, и полномочий СБ ООН, а также принципов принятия решений, но в опережающем выдвижении предложений о введении в его состав новых членов, а также о придании ему новых функций.

Необходимо быть готовым к тому, что США и страны ЕС, возможно, даже при поддержке КНР или Индии могут инициировать создание новых органов в структуре ООН. Формально такая инициатива может исходить от развивающихся стран. Например, может получить развитие, уже официально выдвигавшаяся ФРГ идея создания Совета экономической безопасности ООН. Здесь Россия может опереться только на свой ресурсный потенциал и влияние в сфере энергетики. Однако состояние других отраслей российской экономики, скромные объемы промышленного производства и инвестиций, а также технологическое отставание не дает оснований ожидать, что в таком органе наша страна будет влиятельным игроком.

Участие в «Группе восьми», до середины 2000-х гг. рассматривалось российским руководством преимущественно в категориях вовлечения в глобальную элиту. Лишь с середины 2000-х гг. стали понятны и начали отчасти использоваться возможности этого форума. В ближайшие годы состав Группы восьми может расширяться, но ни в коем случае не совпадет с Группой двадцати, которая останется преимущественно дискуссионным форумом по финансово-экономическим вопросам. Важнейшая цель для России – сохраниться в обеих этих структурах в качестве полноценного участника и расширить количество сфер, которые могут быть предметом российских инициатив. Активное, инициативное участие в формировании повестки «Группы восьми» и «Группы двадцати» должно оставаться приоритетным по сравнению с БРИКС, которая, несомненно, является важной новой площадкой диалога «растущих» держав, но не имеет такого влияния на мировую экономику и политику как Группа 8 и Группа 20.

Длительный путь России в ВТО, который завершился в 2012 г. на данном этапе не позволяет активизировать участие России в формировании условий международной торговли. Во многом это определяется экономической неготовностью России к использованию открывшихся внешнеторговых возможностей – прежде всего неготовностью сырьевой части российского бизнеса, а также госаппарата к выработке долгосрочной торгово-экономической и промышленной политики.⁷¹ Во многом это обусловлено тем, что решение о вступлении в ВТО было в большей степени обусловлено столкновением различных групп интересов внутри страны, нежели основывалось на понимании долгосрочных торгово-экономических приоритетов и планов по развитию тех или иных отраслей. Слабость российской обрабатывающей промышленности и банковского сектора создает существенные ограничения для получения выгод от членства в ВТО за пределами торговли сырьевыми товарами. Условия вступления

---

⁷¹ Примаков Е.М. Все только начинается: о проблемах участия России в ВТО. Доклад на заседании "Меркурий-клуба" 11 октября 2012 года. // Российская газета. 2012 г. 12 октября. №5909 (236)

дают небольшую отсрочку для определения интересов России на этом направлении институционализации международного экономического регулирования.

На протяжении двух последних десятилетий участие России в тех международных институтах, которые, как правило, соотносятся с различными моделями «глобального управления», определялось скорее соображениями государственного престижа, а также различными ведомственными и интересами различных бизнес-бюрократических групп, чем долгосрочными внешнеполитическими и внешнеэкономическими целями. Так, например, было с присоединением к Конвенции ООН по морскому праву, которое последовало раньше, чем были четко определены национальные приоритеты на этом направлении⁷². В сфере международного морского права только начинают определяться основные перспективные национальные интересы России. Важное политическое и хозяйственное значение в этом отношении будет иметь создание новой транспортно-логистической инфраструктуры Северного морского пути и активизация его использования.

Россия до сих пор уделяет мало внимания задачам формирования официальных структур взаимодействия ООН с транснациональным бизнесом и структурами «глобального гражданского общества». Такая проблема уже ставилась на политическом уровне в ходе дебатов о Новом международном экономическом порядке – НМЭП в 1970-е годы. В этом же ключе выдержан «Глобальный договор ООН». Российскому государству и бизнесу стоит обратиться к анализу существующих и перспективных политических трудностей и возможностей. Уязвимым местом политики России на этом направлении формирования принципов «глобального управления» является слабость российских неправительственных организаций, деятельность которых направлена на решение региональных и глобальных проблем экологического и социального характера.

В интересах России развитие международных механизмов регулирования в области технологического обмена между развитыми и развивающимися странами, предполагающее сокращение запретительных барьеров, не связанных прямо с вопросами безопасности. Несмотря на то, что механизмы Координационного комитета по экспортному контролю, действовавшего в годы «холодной войны» против СССР и соцстран прекратили свое существование в еще 1994 г., ряд существенных ограничений со стороны США и некоторых других развитых стран в отношении России продолжают сохраняться в латентной форме. Одновременно российские разработчики и производители испытывают трудности с признанием российских патентов и авторских свидетельств на международном уровне, что отрицательно сказывается на продвижении отечественных инноваций и на параметрах развития российской инновационной системы в целом.

Участие России в формировании и функционировании механизмов глобального управления не просто способствует росту внешнеполитических ресурсов нашей страны. Оно является суровой необходимостью в условиях постепенной трансформации правил игры на международной арене. Принимая участие в работе институтов глобального управления, Россия приобретает возможности воздействия на процесс формирования правил игры на международной арене, на текущую международную повестку дня и на создание наиболее благоприятных условий для собственного развития. Активизация такого участия, проявление разумной инициативы становится не только императивом российской внешней политики, но и (пусть и косвенным образом) фактором успеха глубокой социально-экономической модернизации страны.

---

⁷² См.: Мелков Г.М. 25 лет Конвенции ООН по морскому праву: достигнутые результаты и возможные перспективы // Российский ежегодник международного права. 2007. - СПб.: «Нева». 2008 г.; Гудев П.А. Будет ли пересмотрена действующая Конвенция ООН по морскому праву? // ИА Regnum. 03.12.2013. (<http://www.regnum.ru/news/polit/1740464.html>).

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЗАПАДА И ПОВЕСТКА ДНЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Кризисное развитие Запада на рубеже 2000-2010-х гг. ярко высветило проблемы, риски и тупики социально-политических трансформаций развитых стран. Кризис заставил властные элиты пересмотреть политическую повестку дня: задачи антикризисного регулирования и ограничения, порожденные глобальной и макрорегиональной взаимозависимостью, потребовали принятия политических решений, вызвавших очередную виток бурной публичной дискуссии.

Радикальные изменения в социальной и экономической ткани современного общества и противоречия, которые в очередной раз обнажил современный кризис, ставят «великие вопросы» о том, каков потенциал трансформации обществ, бывших до сих пор лидерами мирового развития? Возможен ли «альтернативный капитализм»? Или необходимо ставить вопрос об альтернативе современной модели капиталистических отношений? Российский опыт модернизации может открыть в этой дискуссии новые горизонты.

В повестке дня кризисного развития Европы как традиционно значимого для России «Другого» (т.е. ориентира референции) стоит сегодня ряд проблем, связанных с качеством государства и его институтов, с характером общественных запросов и ценностных установок, способных поддержать вектор инновационных изменений. В их числе выделяются те ключевые проблемы, которые определяют ресурсы развития национального сообщества и качество жизни его граждан. Это деиндустриализация, переформатирование рынка труда и исчерпание нынешних источников развития социального государства. Это трудности регулирования миграции и интеграции мигрантов и кризис государственного мультикультурализма, определяющий повестку дня политики идентичности в странах Запада. Это нарастание этнонационализма, всплески политического сепаратизма и угроза роста поддержки праворадикальных политических сил, кризис институтов представительной демократии и необходимость приспособления механизмов наднационального политического регулирования к экономическим и социальным реалиям глобализации и макрорегиональной интеграции.

Список не претендует на исчерпывающую полноту, но речь идет о ключевых проблемах, которые стоят и в повестке дня российской модернизации. При очевидной разнице институционального контекста и политико-культурной традиции анализ проблем значимого для России как традиционной референтной системы координат Запада и тех изменений, которые кризис привносит в социально-политическую повестку дня, позволяет трезво оценить ограничения и риски «догоняющего развития» и выявить ресурсы, в наибольшей степени адекватные задачам российской модернизации.

Кризис управляемости или кризис доверия?

В истекшем столетии мир несколько раз проходил полосы кризисного развития. Кризис рубежей «нулевых» годов чаще сравнивают с Великой депрессией и, реже, с кризисом 1970-х гг., имея в виду характер влияния и на глобальный мировой порядок, и на политико-институциональные трансформации национального масштаба, и на изменение парадигмы развития. В ходе нынешнего кризиса, как считают российские ученые, «наверняка проявится ярко выраженная турбулентность в мировой политике и экономике, начнутся глубокая структурная перестройка, глубокие

экономические и политические реформы как на уровне отдельных государств, так и на наднациональном уровне»⁷³.

«Самое разрушительное экономическое событие последних восьмидесяти лет»: такую оценку дал рецессии 2008-2010 гг. известный британский экономист Г. Дэйвис, директор (2003-2011) Лондонской школы экономики, занимавший ранее руководящие посты в Банке Англии и в Конфедерации британской промышленности. В книге, посвященной осмыслению природы кризисной волны 2008-2009 гг., он, как и ряд других аналитиков, ставит вопрос о том, насколько кризисные процессы в мировой экономике обнажили фундаментальные, жизненно значимые для ее будущего сбои в функционировании модели нерегулируемого рыночного (*laissez-faire*) капитализма, утвердившейся в странах Запада в последние десятилетия⁷⁴. Такие авторитетные эксперты, как Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, выражают уверенность в том, что «эра нерегулируемого капитализма закончилась»⁷⁵. А возвращение к докризисному состоянию с нерешенным грузом проблем будет свидетельствовать об исчерпании потенциала развития, который до сих пор генерировал Запад. Другие склонны видеть в событиях конца 2000-х гг. не кризис системы, а кризис модели управления, обнаружившей неспособность обеспечивать «устойчивое благосостояние» общества.

Хотя оценки происходящего противоречивы и во многом определяются идейными убеждениями аналитиков (и обязательствами, которые накладывают занимаемые ими в институтах власти посты), большинство экспертов сходятся во мнении, что за финансово-экономическими аспектами рецессии 2008-2010 гг. четко просматриваются две ипостаси. Это *кризис доверия* к институтам, основанный на неверии граждан в их способность поддерживать в рамках сложившегося экономического и политического порядка достигнутый уровень жизни и обеспечивать стабильность и социальную справедливость, и *кризис управляемости* происходящими изменениями⁷⁶.

Системный, многовекторный характер нынешнего кризиса, «глубина и масштабы рисков развития», которые он выявил, требуют и системной антикризисной политики: кризис как раз и обнаружил «недостаточность рычагов и ресурсов влияния в рамках существующего экономического механизма» в условиях «отказа от проведения концептуальной политики» развития⁷⁷. Перспективы смены парадигмы развития связаны с перспективами укрепления доверия между его субъектами – государством, бизнесом и обществом – и с координацией управления на разных уровнях – от национального до макрорегионального и глобального. «Усиливающаяся глобальная конкуренция, дефицит электроэнергии, изменение климата, политическая нестабильность – экономика не может отгородиться от этого. Нынешняя рецессия всего лишь готовит сцену для длительного, а то и перманентного кризиса – глубоких и неведомых перемен»: эту озабоченность группы американских аналитиков⁷⁸ разделяют и те представители экономической элиты, которые ищут новые возможности повышения конкурентных преимуществ бизнеса в меняющейся социальной среде.

В этих условиях и «контрагент» бизнеса – профсоюзы, оказывается, по мнению авторитетного эксперта по проблемам трудовых отношений из Лондонской шко-

⁷³ Дынкин А.А., Пантин В.И. На пороге неспокойного мира: современная эпоха и кризисные 70-е // Мировая экономика и международные отношения, 2010, № 6. С. 9.

⁷⁴ Davies H. The Financial Crisis. Who is to Blame? Cambridge, Polity Press, 2010. Pp. 1 – 4.

⁷⁵ Future of Capitalism / New York Panel. 1.04. 2009 // Financial Times 1.04. 2009. Part 3.

http://www.ft.com/cms/3cf2381c-c064-11dd-9559-000077b07658.html?_i_referralObject=1069619695&fromSearch=n

⁷⁶ Capitalism in Crisis. Financial Times, Jan.10–Jan.29 2012. <http://www.ft.com/intl/indepth/capitalism-in-crisis>

⁷⁷ См. «Социально-политические последствия современного кризиса и проблемы кризисного регулирования. Круглый стол журнала «Полис» и ИМЭМО РАН» // «Полис», 2010, № 1.

⁷⁸ Хейфец Р., Грашоу А., Лински М. Кризис как норма жизни // Harvard Business Review – Россия. 2009, № 11 (53), ноябрь. С.78.

лы экономики проф. Р.Хаймана, перед «дилеммой, заставляющей выбирать между насущными и острыми потребностями и долгосрочными целями»: «добиваться минимизации ущерба и, возможно, более жесткой структуры регулирования финансового капитализма, или возглавить оппозиционное движение за альтернативный социально-экономический порядок?»⁷⁹. Эта проблема особенно остро стоит в странах с «переходной экономикой», где процессы формирования соответствующих институтов на рынке труда и в сфере корпоративного управления идут в жестких условиях «первоначального накопления» капитала. Но она очень редко попадает здесь в поле публичной политики.

В контексте пересмотра стратегии регулирования, к чему развитые страны прибегают для ликвидации острых последствий ипотечной и финансовой задолженности участников экономических отношений – от банков до домохозяйств, раздаются настоятельные предостережения от чрезмерного расширения государственного вмешательства, так и призывы разработать четкие параметры взаимодействия бизнеса и государства. Доверие к самому государству продолжало стремительно падать: власть не оправдала ожиданий граждан, а уровень доверия к политической элите достиг исторического (за период проведения опросов) минимума. Бизнес тоже не пользовался доверием, хотя потеря позиций была не столь стремительной в сравнении с отступлением государства. В то же время уровень доверия к НКО в ряде стран с переходной экономикой (в частности, в Китае и Индии) заметно вырос, хотя Россия здесь продемонстрировала минимально низкие показатели⁸⁰.

Деиндустриализация, стремительный рост безработицы, меры бюджетной экономии, урезание социальных льгот и общее сокращение доходов населения обострили чувствительность к фактам расточительства ведущих менеджеров крупных кампаний и финансовых махинаций ряда руководителей банковского сектора, которому правительства европейских стран продолжали оказывать приоритетную поддержку. Кризисные явления в зоне евро только подчеркивают потребность в системном подходе к организации взаимодействия государства и бизнеса, в повышении прозрачности в реализации антикризисных программ и в становлении эффективной системы экспертного и гражданского контроля. Отсутствие рычагов контроля становится системным препятствием на пути использования государственных финансовых вливаний в частный сектор для развития реальной экономики. В этих условиях возрождается интерес к моделям экономической демократии⁸¹; новейшие тенденции развития гражданского контроля и участия отражает разработанная британским исследователем М. Кином модель «мониторинговой демократии»⁸².

Ф.Фукуяма обращает внимание на то, что «между способностями правительств разных стран осуществлять промышленную политику существует серьезный контраст». Этот контраст определен как культурными различиями, так и «разными политическими институтами и историческими условиями»⁸³. Как показывают наши собственные исследования практик корпоративной социальной ответственности и моделей корпоративного гражданства в разных регионах мира, вектор такого взаимо-

---

⁷⁹ Хайман Р. Экономическая демократия: идея, чье время пришло в который раз? // Глобальный университет труда. Глобальная трудовая колонка. http://columnru.global-labour-university.org/2011/11/blog-post_04.html

⁸⁰ 2012 Edelman Trust Barometer Executive Summary. Доступ: <http://www.scribd.com/doc/79026497/2012-Edelman-Trust-Barometer-Executive-Summary>.

⁸¹ См. об этом: Хайман Р. Экономическая демократия. Опп. cit.

⁸² Keane J. *The Life and Death of Democracy*. L., N.Y., Sydney, Toronto: The End Company, 2009; подробнее см.: Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис, 2012, №6.

⁸³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008. Цит. по: Эксперт, 23.02. 2009, № 7, с.70.

действия задан, в том числе, «отношением к бизнесу и уровнем обращенных к нему общественных ожиданий»⁸⁴. Существенное влияние оказывают культурные традиции, формирующие этику предпринимательской деятельности и приоритеты в выборе механизмов взаимодействия социальных партнеров.

В конечном счете, источником динамичного развития оказывается эффективное и в каждом национальном случае свое сочетание собственных социокультурных ресурсов и опробованных технологий модернизации, при условии постоянного обновления и адаптации социальных и политических институтов к меняющимся реалиям. Важным фактором становится последовательная и целенаправленная адаптация укорененных в обществе институтов и практик, обладающих потенциалом саморазвития (таких, как внутрисемейная солидарность или ценность общественного служения), к модернизационным задачам. Такой опыт адаптации, в которой ведущую роль играло государство, есть у стран успешной модернизации последней волны – Сингапура, Южной Кореи, в предыдущем поколении – у Японии, где в этот процесс были активно вовлечены лидеры национального бизнеса.

Ресурсом модернизации становится и развитие территорий на основе социальной консолидации местных сообществ. Пример такого рода дала в 1990-е гг. Финляндия, основывавшая свой экономический рывок на развитии человеческого капитала и креативной экономики. Здесь государство активно поддерживало и продолжает поддерживать управленческие практики, которые работают на развитие потенциальных точек роста с участием бизнеса, гражданских организаций, местных сообществ. Основой взаимодействия становятся различные формы публично-частного партнерства, в котором участвуют не только государство и бизнес, но и гражданские организации⁸⁵. Изменившийся облик бывшего индустриального центра страны г.Тампере, ставшего сегодня центром информационных технологий – яркое подтверждение эффективности такого подхода. Согласно данным опросов, сегодня именно этот город финны считают самым привлекательным местом для проживания⁸⁶.

Характерно, что в динамично развивающихся экономиках Китая, Бразилии и Индонезии и в условиях мирового кризиса наблюдался, согласно данным «Барометра доверия», рост доверия к бизнесу. Но когда на передний край выходит взаимодействие с государством, его эффективность оказывается в прямой зависимости от качества институциональной среды и государственных институтов и от мотивации политической и экономической элиты. В частности, от ее готовности к самоограничению, которая является существенным (хотя и не самодовлеющим) фактором поддержания общественного доверия в современных демократических обществах.

Это тем более важно, что само государство оказалось в эпицентре кризиса доверия, и от характера формирующегося общественного запроса к нему сегодня во многом зависит успешность поисков стратегии выхода из кризиса. Эта зависимость четко просматривается в странах Запада на фоне роста негативного отношения не только к нерегулируемому рынку, но и к наднациональным практикам регулирования, особенно в условиях кризиса в зоне евро: такие практики критикуют за посягательство на национальный суверенитет⁸⁷, притом, что сама интеграция давно стала

---

⁸⁴ Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М., 2008, с. 142.

⁸⁵ О государственно-частном и публично-частном партнерстве см.: Перегудов С.П., Семененко И.С. Бизнес и государство в социальной сфере: конфронтация или партнерство? // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 6-7.

⁸⁶ Опрос: Тампере – лучший город для проживания. <http://yle.fi/novosti/novosti/article3386348.html>

⁸⁷ Ярким примером стал организованный протест немецких избирателей против решения правительства о введении в действие постоянного антикризисного фонда еврозоны и бюджетного пакта ЕС. Оспаривающее это решение заявление в Конституционный суд ФРГ подали более 37 тыс.

неотъемлемой частью не только политической и экономической жизни, но и европейской повседневности.

Моторами нынешнего кризиса оказались неподконтрольные государству субъекты, и вопрос о распределении растущих издержек и о путях запуска механизмов преодоления кризисного тупика оказался камнем преткновения для сторонников неолиберального консенсуса из числа представителей политической элиты. Но глобальные риски не могут не выходить за национальные границы, а изменения, происходящие на уровне малых сообществ – регионов, городов, местных сообществ – позволяют выявить возможные векторы будущего развития. Как написала в своей последней статье Нобелевский лауреат по экономике Э.Остром, «многолетние исследования свидетельствуют о преимуществах многообразных и пересекающихся политик на уровне городов, регионов, государств, международного сообщества над едиными регулируемыми соглашениями. Такой подход создает страхующие сети безопасности»⁸⁸. И на этом пути можно искать новые источники социальных изменений, отвечающие запросу на более справедливое, стабильное и привлекательное для жизни общество.

Многие развитые страны ищут пути делегирования на нижние этажи социальной организации решение проблем обустройства повседневной жизни (society empowerment)⁸⁹. Однако попытки привнести такую повестку дня «сверху» успехом не увенчались. Ярким примером стала судьба проекта «Большого общества», инициированного коалиционным правительством консерваторов и либеральных демократов после победы на парламентских выборах 2010 г. в Великобритании. Передача полномочий в решении проблем управления местным сообществам и развитие социальной инициативы граждан – ядро предвыборной стратегии консервативной партии – были преподнесены как «политический проект для будущего поколения». Однако усилия по его продвижению в условиях кризиса – при заметном сокращении социальных расходов, особенно болезненного пересмотра системы государственной поддержки высшего образования, и в отсутствие конкретных механизмов реализации предлагаемых мер – подняли волну критики и обвинений в попытке переложить ответственность за последствия неэффективного государственного управления на неправительственные организации и налогоплательщиков. Пилотные обсуждения на местах выявили недоверие граждан к власти⁹⁰.

В то же время сама направленность проекта – развитие социальной активности граждан и различных форм гражданской самоорганизации, передача прерогатив в регулировании социальной сферы на уровень местных сообществ – не ставится под вопрос. Процессы децентрализации, стимулирования разных форм вовлеченности на уровне институтов социализации и в местных сообществах постепенно набирают обороты, идут с разной степенью интенсивности в различных сферах общественной жизни. *Кризис обострил проблему поиска нематериальных ресурсов общественного развития*. Лейбористы ищут пути для того, чтобы перехватить инициативу на этом поле, «стать ближе к человеку», возродить и развивать традиционные для Англии центры социальной жизни на местах, «капитализировать» на ресурсах локализма (в то время как консерваторы сделали ставку на развитие волонтерских инициатив). К этому источнику развития обращаются в условиях кризиса и местные

граждан. Высшая судебная инстанция страны сочла эти меры не противоречащими Конституции, введя, тем не менее, ряд ограничений на их реализацию.

⁸⁸ Статья, посвященная повестке дня конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20, была опубликована в день смерти Элинора Остром 12 июня 2012 г. См.: Ostrom E. Green from the Grassroots. // <http://www.project-syndicate.org/commentary/green-from-the-grassroots>

⁸⁹ См.: Capable Communities: Towards Citizen-Powered Services. L.: IPPR – PwC, 2011. http://www.ippr.org/images/media/files/publication/2011/05/Capable%20Communities%20Nov2010_1813.pdf

⁹⁰ Collins L. All Together Now! What's David Cameron's Big Society about? // The New Yorker, Oct. 25, 2010.

власти, и малый и средний бизнес не только в Великобритании, но и в Италии, Испании и других европейских странах. Такие усилия приносят плоды в продвижении местных брендов и товаров местного производства, в создании более благоприятного социального климата путем развития культурных и просветительских проектов, но они не выходят на *уровень модернизационного политического проекта*.

Для России актуальной задачей уже давно стала децентрализация управленческих практик, развитие территорий и консолидация местных сообществ. Последние присутствуют как потенциальные субъекты модернизации и стейкхолдеры во взаимодействии с государством и бизнесом в экспертной дискуссии⁹¹. Но в России местная активность упирается в проблему низкого уровня доверия не только к властным институтам, но и межличностного доверия за пределами узкого круга «своих». Как следствие – слабо артикулирован общественный запрос на модернизацию и на самоорганизацию на разных социальных этажах (от школы до профессиональных сообществ, от приходов и религиозных общин до групп по интересам и товариществ собственников жилья) в интересах развития общенационального. Со своей стороны, власть видит в нарастании общественной самоорганизации угрозу политической стабильности и действует в соответствии с методами, работающими на углубление идейного и социального противостояния в российском обществе. И, в то же время, она вынуждена констатировать, что без активности граждан невозможна социальная модернизация. При этом тема личности как самоценного субъекта социального творчества оказывается за рамками повестки дня общественной дискуссии, а нравственный климат в обществе отторгает ценности социальной солидарности и консенсусного мышления. В контексте анализа мирового кризиса конца 2000-х гг. *формирование деятельной творческой личности и общественного запроса на модернизацию, создание «общества развития» и «государства развития» оказываются теми ориентирами, которые определяют место России в мире XXI века.*

Социальное государство в условиях кризисного развития: о новых параметрах общественного договора

Формирование и поддержание ориентации на развитие – многофакторный процесс. Важную роль в проведении политики развития играют характер общественного запроса и приоритеты социального регулирования. В развитом мире именно эти факторы до недавних пор определяли контуры утвердившейся здесь модели социального государства как опоры «общества развития».

На волне нынешнего финансово-экономического кризиса социальная политика вновь, и вполне предсказуемо, оказалась в центре политической повестки дня. Правда, по сравнению с предыдущим пиком кризисного развития мировой экономики начала семидесятых иными стали обсуждаемые приоритеты: неотступное внимание к пенсионной реформе и к сфере образования как генератору «экономики знаний» вызвано необратимыми изменениями на рынках труда развитых стран. Бурная публичная дискуссия вокруг этих проблем имеет гораздо более давнюю, чем нынешний кризис, историю. В странах Запада размежевание политических сил происходит в наиболее явных формах в ходе избирательных кампаний вокруг приоритетов социальной политики и путей реформирования этой жизненно важной для граждан сферы: достаточно вспомнить битву вокруг инициированной администрацией Барака Обамы реструктуризации системы здравоохранения.

---

⁹¹ См., напр., Доклад о социальных инвестициях российского бизнеса – 2008. Интеграция КСО в корпоративную стратегию. М.: Ассоциация менеджеров России, 2008. С. 42–44.

В условиях экономической рецессии в развитых странах резко возросло число нуждающихся в социальной защите и поддержке граждан. Кризис актуализировал дискуссию о перспективах самого крупного, по мнению авторитетных представителей уже нескольких поколений аналитиков и экспертов (от Г.Мюрдаля до Г.Эспинг-Андерсена), социального завоевания XX столетия – социального государства. Впрочем, у него всегда были и авторитетные противники из неолиберального лагеря, продолжающие настаивать на том, что нынешние социальные бедствия – во многом порождение того же социального государства, формирующего «безответственное поколение» живущих на дотации социальных иждивенцев⁹².

Финансово-экономические потрясения конца «нулевых» годов вновь резко актуализировали дискуссию о кризисе социального государства. Критику в адрес его сторонников в немалой степени стимулировал долговой кризис и зашкаливший за все мыслимые отметки уровень безработицы в таких странах, как Греция и, особенно, Испания: здесь он достиг исторического рекорда в 24,6% во II квартале 2012 г. с перспективой дальнейшего роста, в первую очередь среди молодежи (в отдельных возрастных группах уже достиг 50%). Кризис повлек болезненные сокращения социальных расходов в ряде европейских стран. Поднялась волна протеста, в которую влились и традиционные профсоюзы, и новейшие движения типа испанских «возмущенных».

Проблемы, с которыми сегодня оказалось лицом к лицу нынешнее «общество риска» (в терминологии У.Бека), свидетельствуют о принципиально новых социокультурных и политико-институциональных ограничениях в развитии социальной рыночной экономики. По сути, речь идет не только и не столько о необходимости корректировки повестки дня социального государства. Пересматривается парадигма отношений между обществом и политикой, того «общественного договора», который сложился по итогам послевоенного развития Запада. Причем не только в отношениях государства и его граждан, но и в отношениях между поколениями. Остро стоит вопрос о поисках консенсуса в выборе ориентиров развития между социальными группами, отстаивающими право на собственную идентичность – иммигрантами, коренным населением, автохтонными меньшинствами. Усугубляются разрывы между уровнем жизни и социальными ожиданиями среднего класса и менее состоятельных слоев населения – теми, кто обслуживает «экономику знаний», но остается, в том числе в силу объективных потребностей такой экономики в соответствующих трудовых навыках, на социальной периферии. Социальный климат ухудшается даже в ещё недавно казавшихся благополучными странах.

На глазах растут внутренние напряжения конструкции социального государства, нарастает психологическая напряженность, вызванная недовольством сложившимися практиками перераспределения социальных благ, когда одни группы населения буквально живут за счет других. По мнению авторитетных экспертов, само устойчивое развитие социального государства стало сегодня проблемой: «Европейцы должны понять, что эпоха кончилась. В силу разных причин широкое участие в образовании и в благосостоянии больше не является политическим приоритетом... Мы покинули эту тихую гавань... В широком смысле это относится не только к Европе, но и ко всему развитому миру и, отчасти, к миру в целом. Необходим новый наднациональный глобальный 'общественный договор', но его параметры пока не ясны⁹³.

---

⁹² В ряду свежих примеров см.: Bartholomew J. The Welfare State We're in. L.: Politico's Publishing Ltd; 2nd revised ed., 2006. Автор аргументирует привычный тезис о том, что реализация модели государства благосостояния нанесла серьезный ущерб британскому обществу, породив новые социальные проблемы и не решив старых. Книга получила хвалебный отзыв классика экономического либерализма Милтона Фридмана.

⁹³ См.: The Oxford Handbook of the Welfare State // ed. by F. G. Castles, S. Leibfried, J. Lewis. Oxford, Oxford University Press, 2010. P.15.

Модель роста благосостояния, который обеспечивался постоянным наращиванием потребления за счет долговых обязательств всех участников экономических отношений – от государства и бизнеса до домохозяйств – зашла в тупик. Кризис выявил «растущий разрыв между динамикой мировой экономики и ее последствиями для национальных внутренних рынков (безработицы, потребления)», с одной стороны, и «структурной иммобильностью политических систем», в основном опирающихся на институты, не соответствующие задачам современного развития – с другой⁹⁴.

Нынешние проблемы в организации системы социальной защиты населения – это следствие не только финансово-экономического кризиса, но и результат сбоев в работе институтов представительной демократии. И, как лишний раз показали бунты мародеров–потребителей в Великобритании, само социальное государство, решая одни проблемы, загоняет внутрь другие. Подпитывая потребительский бум и иждивенческие ожидания, оно до недавних пор явно пренебрегало поисками решений, которые могли бы стимулировать выбор гражданами инклюзивных жизненных стратегий вкупе с ответственностью за такой выбор.

Вопрос о необходимости реформирования утвердившихся институтов и механизмов социального государства стал настойчиво подниматься задолго до мирового кризиса. В экспертных разработках и научных исследованиях, широко обсуждавшихся в начале истекшего десятилетия, ставился вопрос о «модернизации» (согласно формулировке Еврокомиссии), «реструктуризации», «перекалибровке» и подобных подходах⁹⁵. Генеральным направлением модернизации стали поиски механизмов активного включения самих граждан, перехода от защиты для всех к адресной поддержке остро нуждающихся и к расширению возможностей участия для большинства в контексте перераспределения ответственности между государством и гражданами, о котором уже шла речь выше.

Важнейшим приоритетом социального государства стала во всех без исключения развитых странах задача обуздать рост социальной исключенности. Это предполагается делать путем постепенного пересмотра приоритетов – увеличения семейных пособий, развития образовательных программ и системы пожизненного обучения, корректировки систем пенсионного обеспечения. Неслучайно именно пенсионная реформа стала сегодня эпицентром политических баталий в европейских странах: под вопросом оказалась сама парадигма устойчивого развития, благосостояние будущих поколений, которое не может быть обеспечено за счет утвердившихся сегодня перераспределительных механизмов. Проблемой в условиях финансового дефицита остается и массированная адресная поддержка наименее обеспеченных групп. Магистральное направление модернизации социального государства – политика активной занятости, стимулирование заинтересованности людей в активном поведении на рынке труда с тем, чтобы помочь преодолеть пресловутую «ловушку социальной исключенности», которую создает жизнь на пособия. Основные адресаты такой политики – дети и молодежь, женщины, остающиеся на рынке труда после рождения детей, обслуживающие экономику знаний низкооплачиваемые категории занятых и самые уязвимые, беднейшие группы граждан. Но это не панацея от бедности, поскольку возможности использования социальных лифтов для таких категорий остаются ограниченными.

К поискам работоспособных механизмов регулирования подключаются негосударственные структуры. Так, в 2009 г. во Франции утвержден «доход социальной солидарности» (*Revenu de solidarité active*), предусматривающий доплаты для людей

⁹⁴ Vilanova P. The International Economic Crisis: The end of political autonomy in Europe? // Notes Internationals CIDOB (Barcelona Centre for International Affairs), № 59, June 2012.

⁹⁵ Подробнее см.: Ferrera M. The European Welfare State. Golden Achievements, Silver prospects. Unita di Ricerca sulla Governance Europea. URGE Working Paper № 4, 2007. P.12.

с низким уровнем доходов в обмен на обязательства искать работу или заниматься профессиональной переподготовкой. В 2010 г. такие выплаты получили около двух миллионов человек, из них почти треть – в виде надбавки к зарплате. Инициатором проекта выступило Новое агентство активной солидарности (Agence nouvelle des solidarités actives) – некоммерческая организация, опирающаяся на поддержку государства в лице особой структуры, отвечающей за поддержание социальной сплоченности (Direction générale de la cohésion sociale), на местные власти, на бизнес и его корпоративные фонды⁹⁶.

Вовлечение негосударственных акторов – бизнеса и НКО – в рамках модели публично-частного партнерства в социальной сфере можно отметить в качестве одного из перспективных направлений реструктуризации социального государства. В условиях кризиса упор делается и на хорошо знакомую по советской действительности пропагандистскую составляющую. В той же Франции, объявившей летом 2012 г. о начале рецессии, новые телесериалы и СМИ нацеливают на воспитание у молодежи потребности работать, а не жить за счет родителей. Групповое использование личного автотранспорта, коллективное разведение огородов в городах и подобные «точечные» меры по объединению усилий в противостоянии падению уровня жизни взяли на вооружение и крупные компании, работающие на потребительском рынке: *социальную ответственность предлагается сделать неотъемлемой частью модели поведения всех участников режима нового социального государства*. Правда, к самому государству, спасающему национальных финансовых игроков, граждане сегодня предъявляют счет, который оно не спешит оплатить.

Такие претензии стали источником политического кризиса в Греции. Здесь функционирование механизмов социальной защиты населения и кризисное развитие национальной финансовой системы тесно взаимосвязаны, и становится все более очевидным, что «для того, чтобы предотвратить превращение кризиса в катастрофу, нужно реформировать систему социального государства»⁹⁷. Многие аналитики считают ее принципиально неререформируемой, особенно – в части пенсионной составляющей, дающей около четверти доходов греческих домохозяйств: любые попытки пересмотра системы пенсионного обеспечения до сих пор наталкивались на отчаянное сопротивление профсоюзов (при дефиците политической воли в правящем классе).

Вопрос о пенсионной реформе стоит в ситуации демографического перехода и прогнозируемого сокращения численности работающего населения во всех странах «развитого мира». Как «социогуманитарный и общественно-политический проект» пенсионная реформа исходит из наличия «общественного договора между различными поколениями, политическими силами, бизнесом и государством»⁹⁸. В настоящее время этот договор вступает в стадию пересмотра, но в условиях усугубляющегося кризиса доверия между сторонами необходимы и новые механизмы поддержания социальной солидарности как условия жизнеспособности современной демократии.

Под давлением извне и перед угрозой финансового дефолта система социальной защиты была перекинута в Греции, Португалии, Ирландии и ряде других стран; сокращаются социальные расходы в Испании. В условиях кризисного развития у находящихся у власти политических сил открывается «окно возможностей» для проведения непопулярных мер жесткой экономии, невозможных в «мирное» некризисное время. Но модернизация социального государства требует не только пересмотра при-

⁹⁶ Подробнее см.: Le revenu de solidarité active. Ministère des Affaires Sociales et de la Santé. <http://www.social-sante.gouv.fr/espaces,770/social,793/dossiers,794/le-rsa-mode-d-emploi,2279/>

⁹⁷ Matsaganis M. The welfare state and the crisis: the case of Greece. P.3-4. <http://www.ecprnet.eu/MyECPR/proposals/reykjavik/uploads/papers/2180.pdf>

⁹⁸ Гонтмахер Е. Новый пенсионный договор // Ведомости, 23.07.2012.

оритетов социальной политики, но и общественной поддержки и договоренностей между социальными партнерами, а к этому, судя по всему, они пока не готовы.

Для России отставание в развитии человеческого и социального капитала чревато, согласно выводам «Стратегического глобального прогноза 2030», подготовленного ИМЭМО РАН, «сползанием по показателям численности, качества жизни и распространения бедности» на уровень, находящийся за пределами показателей развитого мира, «утечкой мозгов», «неучастием в процессах создания новой глобальной социальной сферы» и «отставанием от мировых тенденций»⁹⁹. В конечном счете – дальнейшим нарастанием социальной напряженности, чреватой угрозой социальной дестабилизации. В этом контексте особого внимания в поликультурном обществе, каким традиционно является и Россия, требует проблема роста потенциала конфликтности.

Мультикультурное общество против государственного мультикультурализма?

В странах Запада рост потенциала социальной напряженности связан как со статусом автохтонных меньшинств, в среде которых генерируются сепаратистские настроения, так и с проблемами интеграции инокультурных мигрантов. Формировавшаяся в канун XXI века мультикультурная модель не выдерживает столкновения с реальностью социальных и мировоззренческих размежеваний в многосоставных (по А. Лейпхарту) обществах.

Вопрос о перспективах интеграции в западный социум людей, принадлежащих иной цивилизационной традиции, превратился сегодня в один из самых острых в повестке дня публичной политики в развитых странах. От его решения и создания эффективных механизмов интеграции мигрантов и их потомков во многом зависит обеспечение жизнеспособности демократических институтов и поддержание преемственности европейской цивилизационной традиции. Иммиграция, будучи необходимым ресурсом экономического развития, порождает такие вызовы для принимающих стран, которые сегодня рассматриваются значительной частью общественного мнения как угрозы их социальной стабильности и национальной идентичности. Серьезность связанных с инокультурной миграцией рисков усугубляется распространением антизападных настроений в исламском мире и ростом обеспокоенности самого Запада «исламской угрозой». Сказывается эффект критической массы мигрантов и беженцев, который активно обсуждается в средствах массовой информации. Речь идет не столько об абсолютной численности, сколько о характере и масштабах влияния инокультурных групп на социокультурную среду принимающего сообщества.

Согласно оценкам очередного доклада ООН по международной миграции, опубликованного в декабре 2011 г., численность международных мигрантов достигла к 2010 г. 214 млн. человек, т.е. составила 3,1% населения мира; около 60% осело в развитых странах, более половины от этого числа – в Европе. В лидерах по-прежнему находились США (около 43 млн. человек), с большим отрывом за Америкой следовала Россия (12,3 млн.) и Германия (10,8 млн.)¹⁰⁰. Экономический кризис притормозил темпы роста этих потоков, и впервые за последние годы развивающиеся страны обогнали развитые по этому показателю¹⁰¹. В определенной степени этому способствовало и

⁹⁹ Стратегический глобальный прогноз 2030 (под ред. академика А.Дынкина). Краткая версия. // <http://www.imemo.ru/ru/conf/2011/03032011.pdf> С. 27. См. также: Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. // Под ред. академика А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011.

¹⁰⁰ См.: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2011). International Migration Report 2009: A Global Assessment (UN, ST/ESA/SER.A/316. December 2011). <http://www.un.org/esa/population/meetings/tenthcoord2012/WorldMigrationReport2009.pdf>

¹⁰¹ Там же, с. xviii.

введение в развитых странах элементов рестриктивного законодательства: экзамена по языку и культуре принимающей страны, система квотирования, ужесточение практик воссоединения семей и т.п.

Но официальная статистика не дает сколько-нибудь полного представления о масштабах проблемы. Она не учитывает не только наплыв нелегальных приезжих, но и проблему иммигрантов второго и третьего поколения. Значительная их часть – полноправные с точки зрения правового статуса граждане, и их этническая принадлежность, которая может заметно сказываться на выборе ценностных ориентиров и жизненных приоритетов, не фиксируется в переписях населения. Трудности интеграции связывают сегодня в первую очередь с притоком в развитые страны миллионов мусульман. Численность проживающих в Европе мусульман уже превысила население таких стран, как Финляндия, Дания и Ирландия вместе взятых, и составляет, по приблизительным оценкам, более 20 млн. Наиболее значительна их доля в населении Франции, Голландии, Германии и Австрии. Ислам для значительной части новых мигрантов – не только религия, но и другая, зачастую несовместимая с западной система ценностей. Конфликтное восприятие «своей» культуры в «чуждом» мире поддерживает существование закрытых общин, которые выпадают из социального и правового поля принимающего государства (даже если по формальным признакам их члены – «обычные» граждане). Более того, такие закрытые общины в современных условиях выступают определяющим фактором своеобразной анклавной демодернизации западных обществ, ухудшения качества человеческого капитала и подрыва конкурентных преимуществ стран Запада¹⁰².

Приоритеты и оптимальные пути регулирования иммиграции и интеграции мигрантов – предмет острой дискуссии в высших эшелонах власти и оппозиции во всех без исключения развитых странах. Недовольство неэффективностью социальной политики ведет к росту электоральной поддержки партий правого политического спектра, играющих на росте антииммигрантских настроений¹⁰³. В условиях нарастания чувства социальной незащищенности наблюдаются и выбросы агрессии в бедных кварталах, населенных иммигрантами и их потомками – выходцами из стран Юга, которые все чаще принимают формы погромов и жестких стычек с полицией. В условиях растущей культурной разнородности ни ассимиляция, ни американская модель «плавильного котла», ни опиравшаяся на мультикультурализм идея «единства в разнообразии» не смогли обеспечить нужный градус социальной консолидации общества.

Рост напряженности в связи с терактами последних лет обнаружил новую угрозу: в среде потомков инокультурных иммигрантов второго и третьего поколения появились группы, отторгающие правила общежития и сами принципы правового государства – «нелояльные», готовые сопротивляться установленному правопорядку граждане. Собственно, это обстоятельство и стало весомым аргументом противников мультикультурализма как модели взаимодействия принимающего сообщества и инокультурных меньшинств, в первую очередь этнических и конфессиональных¹⁰⁴.

Экономический кризис 2008-2010 гг. четко обозначил и кризис государственной политики мультикультурализма. Едкие высказывания канцлера Германии Ангелы Меркель в адрес «мульти-культи» осенью 2010 г. вызвали бурю откликов. Этап-

---

¹⁰² См. об этом: Сарацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2012.

¹⁰³ Manning A. The evidence shows that multiculturalism in the UK has succeeded in fostering a sense of belonging among minorities, but it has paid too little attention to how to sustain support among parts of the white population // LSE Research Magazine. Spring 2011, issue 3. См. также: <http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/2011/04/14/multiculturalism-immigration-support-white-population/>.

¹⁰⁴ Хотя на таких принципах выстраиваются сегодня и отношения с гендерными меньшинствами, и с людьми с ограниченными возможностями, и с другими группами «иных» граждан.

ной вехой в этом ряду стала негативная оценка «государственного мультикультурализма» британским премьер-министром Дэвидом Кэмероном. Великобритания до недавнего времени считалась образцом построения мультикультурного общества на основе реализации масштабных программ поддержки инокультурных сообществ мигрантов и их культурных традиций. Кэмерон подчеркнул, что государство не смогло «предложить такого видения общества, с которым люди хотели бы себя отождествлять». Альтернатива, по его мнению – в «четком видении общей национальной идентичности, открытой каждому» гражданину, отказе от «пассивной толерантности» в пользу «активного и жёсткого либерализма»¹⁰⁵. По сути, лидеры ведущих стран Европы признали проблемы, порожденные принятыми практиками регулирования иммиграции и интеграции мигрантов, и неэффективность государства в их решении. О необходимости корректировки нынешней политики мультикультурализма заявили (правда, в приглушенной тональности) и европейские эксперты, выпустившие под эгидой Совета Европы «Белую книгу по межкультурному диалогу». Упор в этом установочном документе был сделан на развитие механизмов взаимодействия культур и их носителей на всех уровнях общественных отношений. В то же время было подчеркнуто и «действительное отсутствие ясности относительно практического значения понятия межкультурный диалог»¹⁰⁶.

Эти проблемы вплетаются в клубок противоречий, связанных с вектором развития национальной государственности, которое объективно все заметнее расходится с традиционным пониманием «национального». В составе политической нации укрепляются позиции стремящихся к автономии регионов, представляющих автохтонные народы. Этот процесс получил в ряде стран институциональное оформление. Так произошло, например, в Великобритании по итогам передачи значительной части полномочий, регулирующих управление на уровне территории, новым органам представительной власти. Новая волна политического сепаратизма поднялась в условиях кризисного развития: Шотландская национальная партия, впервые сформировавшая по итогам выборов 2011 г. в Шотландии правительство парламентского большинства, заявила о твердом намерении провести в 2014 г. референдум о государственной независимости этой части Соединенного Королевства. А в канадской франкоязычной провинции Квебек победу на выборах в Национальное собрание провинции в сентябре 2012 г. одержали сепаратисты (Parti Quebecois), хотя им и не удалось получить в парламенте абсолютного большинства.

Пример иного рода представляет Испания. Здесь наблюдается бурный рост этнокультурного сепаратизма в «исторических провинциях», в первую очередь в экономически успешных Каталонии и Стране Басков. В процессе регулирования противоречий вопрос о пересмотре модели организации политического пространства страны – «государства автономий» – стал камнем преткновения в политическом противостоянии в Центре и в отношениях Центра и регионов, а также на уровне институтов Евросоюза в условиях усиления представительства интересов регионов в ЕС.¹⁰⁷ Но и в рамках нынешней модели региональная идентичность становится мощной опорой продвижения прав автономных сообществ, она переживается как эмоционально наполненная и опирается на яркие символы и осязаемые смыслы. В то же время большинство граждан, особенно молодежи, делает прагматический выбор в пользу двуязычия и многоуровневой культурной идентификации – со своей автономией (и с локальной языковой и культурной традицией), со страной и с Европой.

¹⁰⁵ PM's speech at Munich Security Conference 5.02.2011. // <http://www.number10.gov.-uk/news/speeches-and-transcripts/2011/02/pms-speech-at-munich-security-conference-60293>.

¹⁰⁶ White Paper on Intercultural Dialogue. «Living Together As Equals in Dignity». Strasbourg, 2008 P.4-5.

¹⁰⁷ См. об этом: Прохоренко И. Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

А сами процессы ее утверждения (в частности, применительно к баскскому сценарию, «динамичному, полному противоречий и не поддающемуся одномерной интерпретации») высвечивают, как считают баскские исследователи, «сложный и многообразный характер конструирования, утверждения и достижения договоренностей вокруг проблем идентичности на социетальном и индивидуальном уровнях»¹⁰⁸.

Развитые страны оказались перед проблемой выбора такого политического курса, который был бы способен эффективно управлять рисками развития и при этом не подрывать демократические политические институты. В центре этого проблемного узла – социальная политика и социальное регулирование. В этом смысле аналогичные вопросы формируют политическую повестку дня и в России – при очевидной разнице не только политико-институционального контекста и социокультурной традиции, но и характера публичной дискуссии и приоритетов публичной политики. Российские проблемы многослойные: бурный поток временных трудовых мигрантов из ближнего зарубежья сливается с внутренней миграцией из регионов с избыточными трудовыми ресурсами (в первую очередь, с Северного Кавказа) и с выбросами конфликтов на почве противостояния «своих» и «чужих» в ряде регионов страны. Особый ракурс задают проблемы российского федерализма.

Согласно данным последней переписи населения, в России проживает 193 народности, говорящих на 171 языке. Сама повестка дня публичной политики не может не учитывать формирование запроса на репрезентацию в публичном пространстве национальной идентичности русских и других народов России в контексте формирования гражданской нации и осуществления любых модернизационных проектов. Причем речь идет как о защите прав меньшинств, так и об утверждении прав большинства.

Создание президентского Совета по межнациональным отношениям и принятие в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики выводит проблему поисков межнационального согласия в повестку дня публичной политики. Однако упор на толерантности сам по себе вряд ли способен существенно изменить положение дел и, тем более, повернуть вспять тенденцию нарастания межэтнической напряженности. Эта тенденция вписывается в обозначившийся тренд углубления социокультурных расколов в российском обществе, и решать ее можно на путях становления российской модели гражданской нации и социального государства. Рождение и становление гражданской нации – процесс длительный и болезненный. Нынешний кризис еще острее высвечивает потребность в формировании общественного запроса на развитие национального сообщества и стимулирование точек перспективного инновационного роста, создание региональных и локальных кластеров развития.

Вопрос о том, можно ли выработать общую концептуальную модель, способную принять эстафетную палочку у государственного мультикультурализма. Представляется, что выход стоит искать на путях грамотно выстроенной и ориентированной на идеи модернизации и развития *политики идентичности*. Политика идентичности – это новое «старое» направление публичной политики, цель которой – формирование общих для национально-государственного сообщества ценностей и смыслов, позволяющих воспринимать многокультурное общество – реальность сегодняшнего дня – как норму человеческого общежития, а гражданскую солидарность – как необходимое условие его развития.

---

¹⁰⁸ Azurmendi M.-J., Larrañaga N. and Apalategi J. Bilingualism, identity and citizenship in the Basque Country. In: Bilingualism and identity (M. Niño-Murcia and J. Rothman eds.) Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2008, p.58.

Политика идентичности и повестка дня российской модернизации

Происходящие в мире процессы, которые принято связывать с глобализацией, формирование открытого информационного пространства, высокая мобильность людей радикально изменили в течение жизни последнего поколения привязанности включенного в эти процессы человека и его представления о своем месте в мире. У «национального» государства появились конкуренты в борьбе за право выстраивать идентичность – в системе привязанностей важное место заняли сегодня сетевые сообщества, наднациональные структуры, диаспоральные миры, трансрегиональные объединения, регионы и города. Сама социальная идентичность не мыслится сегодня в категориях иерархии ориентиров и предпочтений. Многоуровневый характер, множественность и многозначность размывают значимость «национального», но отнюдь не перечеркивают его. *Публичная политика становится ристалищем «борьбы за идентичность»*¹⁰⁹. «Ценой вопроса» оказывается гражданская лояльность и нравственная культура человека информационной эпохи. При этом трудно представить себе в современных условиях успешную модернизацию без обеспечения массовой гражданской и политической лояльности.

Проблемы регулирования иммиграции и интеграции иммигрантов, политики идентичности в отношении коренных («первых», в политкорректной терминологии мультикультуралистской доктрины) народов, обеспечения культурных прав и политических требований автохтонных этнических групп и национальных сообществ в составе национального государства сплелись в клубок социальных вызовов и политических угроз, чреватых размыванием национальной идентичности. В развитых странах трудности укрепления политической нации стимулируют поиски новых ориентиров и новой мотивации развития. В центре внимания оказывается человек как носитель гражданского самосознания, на которое опираются институты политической нации. В политическую практику «в форме дебатов об идентичности» (по выражению А.Турена) возвращается этнический и даже примордиальный дискурс.

Перед лицом таких вызовов формирование надэтнической гражданской идентичности оказывается для современного государства вопросом выживания. Задача государства – «создать рамочные условия, инфраструктуру для того, чтобы стимулировать формирование коллективных идентичностей» в интересах общественного развития и поддерживать социальное творчество граждан. Любые «перенапряженные проекты самоорганизации общества» (в терминах Ю. Хабермаса) оказываются в этих условиях контрпродуктивными. На этом фоне для России ключевой проблемой остается формирование субъекта модернизационного развития. Актуальной остается и потребность российского общества «в новых системах идей и представлений, способных выработать новые типы социальной жизни и ориентировать жизненную практику рядового человека, внушить ему уверенность и доверие»¹¹⁰.

Развитие реального сектора экономики невозможно вне позитивной идентичности, черпающей из соотнесенности личной стратегии «человека действующего» – предпринимателя, управленца, профессионала любой сферы – с перспективами развития сообщества, в которое он включен. Важнейшими условиями российской модернизации остаются укоренение в обществе института частной собственности и правового сознания, социальная консолидация на основе «*общественного договора о развитии*». Российские «социальные инноваторы» могут вырасти в среде

¹⁰⁹ Подробнее о современной повестке дня и акторах политики идентичности см.: Политическая идентичность и политика идентичности. Т.1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. Т.2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке (отв. ред. И.С. Семененко). М.: РОССПЭН, 2011 – 2012.

¹¹⁰ Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность – в сб. «Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии». М., 1997, с. 279.

включенных в передовые социальные и технологические практики людей, придерживающихся активных жизненных стратегий и умеющих эффективно мобилизовать и нарастить свои ресурсы для достижения поставленных целей.¹¹¹ Сегодня же, по мнению авторитетного исследователя политических элит современной России О.В.Гаман-Голутвиной, российский «субъект модернизации представляется как сложная коалиция, узкая и во многом ситуативная группа, которая состоит из узкого сегмента инновационного бизнеса, узкого сегмента технократов-менеджеров, части политиков, ориентированных на задачи модернизации, и представителей интеллектуального класса. Фактор политического лидерства здесь ключевой»¹¹². Но проблема соотношения интересов общества и личных интересов, на которых сосредоточена активность этого слоя, мотивация гражданской вовлеченности его представителей остается пока уравнением со многими неизвестными, а его решение требует последовательного правового и институционального обеспечения.

Негативно-критический настрой общества по отношению к своим институтам и к своей повседневности может быть преодолен только в контексте *социокультурной модернизации*. *Формирование соответствующего общественного запроса – приоритетный вопрос в повестке дня политики идентичности и ключевой вызов для модернизационного развития России*. Формирование такого запроса позволит России принять и «вызов» системных альтернатив, отвечающих задачам развития человека и общества в XXI веке.

Для того чтобы продвигаться по этому пути, необходимо стимулировать публичную дискуссию по ключевым проблемам жизнеобеспечения национально-государственного сообщества. Приоритеты повестки дня – укрепление межнационального согласия и российского федерализма, институционализация современного социального государства и обеспечение социальных гарантий граждан, организация гражданского контроля, открытие каналов реальной обратной связи между государством и обществом. Отдельной задачей остается артикуляция общественного запроса на развитие территорий и создание кластеров развития. Соревнование между территориями вокруг внедрения «лучших практик» может стать действенным стимулом привлечения инвестиций.

Особой проблемой остается *разработка и реализация политики социальной и культурной интеграции мигрантов*, в том числе мигрантов внутренних, с учетом неоднозначного опыта западного мультикультурализма.

В этих условиях *политика идентичности, направленная на утверждение общих ориентиров национальной идентичности*, чтобы быть эффективной, должна объединять усилия государства, гражданских и религиозных организаций, бизнеса, учительского сообщества, семьи и *работать на преодоление расколов и общественную консолидацию вокруг ориентиров развития*. *Важнейшее ее направление – формирование и утверждение культуры диалога*, дефицит которой так остро ощущается сегодня в российском обществе.

Запрос на социальное творчество создает новое видение политики и роли индивида в социальных изменениях. Очевидно, что *ключевой задачей интеллектуального сообщества остается задача просветительская* – оценка рисков и угроз

---

¹¹¹ Социальные инноваторы (Люди XXI): устойчивость на фоне волатильности внешней среды. <http://bd.fom.ru/report/map/people21>.

¹¹² Гаман-Голутвина О.В. Выступление на конференции «Социальный субъект модернизации». Москва, сентябрь 2010 г. // <http://www.garph.ru/?group=1611&doc=3923>. См. также: Гаман-Голутвина О.В. Проблема субъекта модернизации в России: историко-концептуальные аспекты и современное состояние // Власть и элиты в российской трансформации: сборник научных статей (под ред. А.В. Дуки). СПб., Интерсоцис, 2005.

развития, выявление его потенциала, утверждение нравственных оснований жизнедеятельности человека и общества, самооценности культуры как источника развития.

Запад как образ «желаемого завтра» и поиск ориентиров русской модернизации

В условиях расползающегося кризиса нормативный подход к развитию, представлявший Запад как образ «желаемого завтра» для остального мира и подвергнутый в последние годы критическому переосмыслению в рамках массовой критики теории модернизации¹¹³, стал вытесняться кризисом самого знания о развитии. Его провозвестником стал пересмотр пресловутой транзитологической парадигмы, утвердившейся в научном и политическом дискурсе на гребне распада советской системы. Представления о Западе как о безусловном ориентире качества жизни, формировавшие привлекательный образ «развитого мира», опирались на реализуемые здесь модели, обеспечивавшие поступательную экономическую динамику и рост социальной защищенности населения. Долгое время такой моделью было кейнсианское регулирование, заложившее основы либерально – социал-демократического консенсуса послевоенных десятилетий. Накрывшая Запад неоконсервативная волна поднялась во многом в результате изменения картины мира, утверждения потребительского общества и ценностей индивидуализма, которое признанный классик современной социологии З.Бауман облек в формулу «индивидуализированного общества». Неoliberalизм транспонировал эти изменения в сферу экономической политики.

Сегодня системного ответа на новые вызовы мирового и национального развития не просматривается. Парадигма «устойчивого развития», предложенная в конце прошлого века от имени Запада остальному миру, обнаружила несоответствие характера целеполагания и средств целедостижения. Диспропорции в развитии Севера и Юга преодолеть таким путем не удастся, равно как и не удастся сформировать международные политико-правовые режимы регулирования, которые могли бы служить институциональной опорой пресловутой «устойчивости» (будь то в области нераспространения ядерных технологий, ограничения вредных выбросов в атмосферу и борьбы с последствиями изменений климата, регулирования иммиграции или освоения ресурсов Арктики).

Изучение проблем общественного развития (development studies) до сих пор было сосредоточено на процессах демократизации и на политико-институциональных трансформациях за пределами «развитого мира» и также, за редкими исключениями, оставалось нормативно обусловленным: ориентиром был «развитый мир», под которыми имплицитно подразумевался Запад. Но сегодня скорее можно говорить о том, что на противоположенных полюсах мирового развития оказались «развитые» страны, в которых сохранение лидерских позиций сопряжено с утверждением инновационной мотивации развития, и страны «стагнирующие», не сумевшие обрести значимой для общества мотивации к развитию. В перспективе в число последних могут попасть и некоторые из тех, которые сегодня входят в число «развитых». В пространстве между этими «полюсами» располагается группа «трансформирующихся» государственных сообществ, и именно в этой группе быст-

---

¹¹³ Литература по теории модернизации и ее критическому переосмыслению огромна. В числе знаковых работ, формирующих контекст дискуссии, см.: Apter D. The Politics of Modernization. Chicago: University of Chicago Press, 1965; Eisenstadt S.N. Modernization: protest and change. Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1966; Social Change and Modernity (ed. by H.Haferkamp and N.J.Smelser). Berkeley: University of California Press, 1992; Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton University Press, 1997; Przeworski A., Cheibub J. A., Alvarez M. E., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-being in the World, 1950-1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

ро осваиваются новые ресурсы и модели роста. Наиболее динамичный отряд этой группы составляют государства, совершающие модернизационный рывок на основе синтеза ресурсов инновационной экономики и собственной идентичности: на таком фундаменте выстраивается мотивация к развитию и целеполагание национально-государственного сообщества.

Место России в этой системе координат не соответствует наличным ресурсам ее развития: в «стране больших возможностей» за два постсоветских десятилетия движения по «капиталистическому пути» не сформировалась институциональная среда и соответствующий задачам развития социальный климат в обществе. Проблема здесь не в отсутствии поступательной динамики как таковой, а именно в *несоответствии* потенциала развития и его использования, потребностей и ожиданий граждан и их удовлетворения, и, как следствия – в *углублении разрывов в социокультурной ткани российского общества, стремительном росте неравенства и выходе на новый виток роста социальной напряженности*.

Вхождение в социальное пространство современной России первого выросшего вне советского опыта социализации поколения дает повод многим аналитикам говорить о «завершении советской эпохи». Но ее референтные ориентиры остаются неотъемлемой частью постсоветской идентичности¹¹⁴, порождая, в том числе, и феномен «неосоветского» сознания. Осмысление «времени, в котором стоим» (выражение Фазиля Искандера), накладывается на болезненную переоценку своего места в мире, в центре которого – традиционный образ «Другого»: Европы, «Запада», «развитого мира». В то же время в этой системе координат утверждается и Незапад, и, в первую очередь, Китай. Несостоятельность «классической» теории модернизации, которая предсказывала России успешное и быстрое «догоняющее развитие», диктует необходимость пересмотра подходов к осмыслению и оценке происходящих на национальном уровне трансформаций и прогнозированию их перспектив.

Третье постсоветское десятилетие отмечено очередной сменой тональности в дискуссии о путях российской модернизации: властный дискурс о богатстве и уникальности собственных ресурсов развития сочетается с попытками внедрить и освоить опробованные в ином политико-институциональном контексте управленческие институты и практики путем их вживления, зачастую насильственного, в ткань российского общества. Ставка на инновационные технологии и управленческие решения переносится и на «технологии» наращивания человеческого капитала¹¹⁵. Системное же осмысление ключевой для России проблемы социокультурных факторов модернизации остается уделом экспертной дискуссии¹¹⁶. Общественная дискуссия вокруг выбора ориентиров развития только начинает выбираться из колеи догоняющей модернизации/«особого пути», того традиционного идейного размежевания, которое воспроизводится в российском интеллектуальном сообществе с петровских времен (и уходит корнями, как известно, в более давнее прошлое). Однако именно

---

¹¹⁴ О тенденциях динамики массового сознания см.: Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки: 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.; Левада Ю.А. Ищем человека: социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006; Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2007; О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад ИС РАН (в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ). М.: ИС РАН, 2012.

¹¹⁵ В их числе не только сколковский проект, но и «борьба» за международные рейтинги ряда ведущих российских университетов, и ставка на приглашение «звезд» зарубежной науки в российские вузы и импорт практик управления образованием, и массированное внедрение ЕГЭ.

¹¹⁶ См. Аузан А.А. (руководитель проекта), Архангельский А.Н., Найшуль В.А., Лунгин П.С. Культурные факторы модернизации. Стратегия 2020. http://www.strategy-2020.ru/sites/default/files/public/64/kulturnye_factory_modernizacii.pdf

от ее результатов во многом зависят выбор траектории общественного развития и перспективы успеха социально-экономической модернизации России.

Выводы

1. Наряду с известными финансово-экономическими аспектами современного кризиса в ходе нынешней рецессии четко обозначились и другие носящие системный характер проблемы. Это *кризис доверия* к институтам, основанный на потере уверенности граждан в их способность поддерживать достигнутый уровень жизни и обеспечивать стабильность и развитие, и *кризис управляемости* происходящими изменениями. Будучи следствиями кризиса институтов представительной демократии, эти проблемы требуют переосмысления в контексте поисков новых источников и альтернативных моделей развития.
2. Системная оценка ресурсов модернизации позволяет сделать вывод о том, что источником поступательной социальной динамики оказывается эффективное и в каждом национальном случае свое сочетание собственных социокультурных ресурсов и опробованных технологий модернизации, при условии постоянного обновления и адаптации социальных и политических институтов к меняющимся реалиям. Важным фактором становится адаптация укорененных в обществе институтов и практик, обладающих потенциалом саморазвития, к решению модернизационных задач.
3. Кризис обострил проблему выявления и эффективного использования нематериальных ресурсов общественного развития. Ресурсом модернизации становится развитие территорий на основе консолидации местных сообществ. Использование ресурсов локализма (развития малого бизнеса, культурных инициатив, волонтерской работы и т.п.) дает результаты в деле организации жизнедеятельности таких сообществ, но эти усилия не выходят на уровень модернизационного политического проекта.
4. Заметным направлением модернизации социального государства в развитых странах становятся поиски механизмов активного включения самих граждан, перехода от защиты для всех к адресной поддержке остро нуждающихся и к расширению возможностей участия для большинства в контексте перераспределения ответственности между государством и гражданином.
5. Все большую значимость для проблематики развития национально-государственных сообществ приобретает качество политического дискурса по комплексу проблем миграции и интеграции мигрантов. Кризис государственного мультикультурализма определяется неспособностью нынешних практик поддержания разнообразия в культурно неоднородных обществах консолидировать гражданскую нацию, и ставят вопрос о пределах и о приоритетах политики регулирования.
6. Важнейшими условиями российской модернизации остается социальная консолидация на основе «общественного договора о развитии». Формирование запроса на социокультурную модернизацию – ключевой вызов для модернизационного развития России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все успешные модернизационные проекты за последние 100-150 лет в первую очередь явились результатом целенаправленной политики приступивших к реформам государств и концентрации внутренних усилий и ресурсов. Но в то же время ни одна модернизация не была осуществлена без участия внешних факторов. В одних странах они играли вспомогательную роль, в других – ключевую. Но в современных условиях развития процессов глобализации, трансформации национального государства, резкого увеличения значимости экономических факторов и проблем развития их роль возрастает и их становится невозможно игнорировать.

При осуществлении модернизационного проекта важную роль играют иностранные инвестиции, импорт технологий, привлечение иностранных специалистов, экспорт как источник получения доходов для модернизации, международные кредиты. В современном мире все большее место занимает конкуренция за «включенность» в международное разделение труда и за определяемый подобной включенностью статус в иерархии возможностей. Для государств «догоняющего» типа развития, к числу которых принадлежит и Россия, государственные стратегии повышения конкурентоспособности в современных условиях могут быть ориентированы в первую очередь на повышение собственной инвестиционной привлекательности.

Вместе с тем, любые изменения политической стратегии должны учитывать многочисленные политические и социокультурные факторы, к числу которых относятся исторический базис, культурный фон формирования политики, представления о национальной идентичности и многое другое. Кризисное развитие Запада на рубеже 2000-2010-х годов ярко высветило проблемы, риски и тупики социально-политических трансформаций развитых стран. Нормативный подход к развитию, представлявший Запад как образ «желаемого завтра» для остального мира и подвергнутый в последние годы критическому переосмыслению в рамках массовой критики теории модернизации, стал вытесняться признанием кризиса уже самого знания о развитии. Его провозвестником явился пересмотр транзитологической парадигмы, утвердившейся в научном и политическом дискурсе на гребне распада советской системы.

Новым явлением в общественно-политической мысли Запада, в плане осмысления происходящих событий, выступает отсутствие системного ответа на новые вызовы мирового и национального развития. Парадигма «устойчивого развития», предложенная в конце прошлого века от имени Запада остальному миру, оказалась в явном кризисе. Диспропорции в развитии Севера и Юга преодолеть таким путем не удастся, равно как и не удастся сформировать международные политико-правовые режимы и институты глобального управления сложными мировыми политическими и социально-экономическими процессами. Однако сегодня скорее можно говорить об определенной смене ориентиров в мировом развитии. На смену дихотомии развитых и развивающихся стран приходит новое соотношение полюсов мирового развития – явно выделяются страны, способные адаптироваться к глобальным инновационным процессам, а значит способные к саморазвитию и выходу на лидерские позиции в мире, и страны «стагнирующие», не сумевшие обрести значимой для общества мотивации к развитию. В перспективе в число последних могут попасть и некоторые из тех государств, которые сегодня входят в число «развитых».

Место России в возникающей новой системе координат не соответствует ее ресурсам и потенциалу. Причем проблема траектории развития нашей страны в последние годы не в отсутствии поступательной динамики как таковой, а именно в несоответствии потенциала развития и его реализации и, как следствие – в углубле-

нии разрывов в социокультурной ткани российского общества, возникновении рисков политической дестабилизации.

Очевидно, что для придания импульса развитию необходимо использовать все возможности, включая «партнерство для модернизации» с другими странами, прежде всего с ведущими центрами силы и основными узлами глобальной инновационной системы – США, ЕС, КНР.

На протяжении последних лет на высоком экспертном уровне активно продвигалась идея американской, российской и европейской цивилизационной общности (когда российская и американская цивилизация рассматриваются как ответвления единой европейской), из чего логично вытекал тезис о тройственном российско-американо-европейском формате сотрудничества как основном ресурсе при решении проблем обеспечения безопасности и развития. Для того, чтобы подобная формула стала частью российской внешнеполитической идентичности и проецировалась затем на интерпретацию национальных интересов России нужен продолжительный период равных партнерских отношений с США. Проблема в том, что партнерство в американском понимании – это всегда отношения ведущего (Вашингтон) и ведомого. И даже курс на «перезагрузку» отношений с Россией, объявленный президентом Обамой (но разделяемый далеко не всей американской политической элитой), не меняет принципиально этой установки.

На данный момент у США отсутствует внятная инклюзивная стратегия в отношении России. Наличие общих стратегических ценностей – противодействие распространению ядерного оружия, ограничение и сокращение ракетно-ядерных вооружений, борьба с терроризмом – не может компенсировать серьезных политических расхождений и отсутствия реальной экономической взаимозависимости сторон. Перспективы модернизационного сотрудничества во многом будут зависеть от способности сторон открыть новую главу в их политических отношениях и повысить степень взаимного доверия элит.

Вместе с тем, происходящие в мировой политике и мировой экономике глубокие и долгосрочные изменения заставляют по-новому взглянуть на состояние и перспективы стратегического политического и экономического партнерства России и ЕС. По сути, до настоящего времени отношения сторон характеризовались взаимным недоверием, высокой степенью неопределенности и недооценкой потенциала партнерства. Все эти черты выступали рудиментами двухполюсного миропорядка. Один из основных выводов представленного исследования состоит в том, что отношения России и ЕС должны трансформироваться в «новую нормальность», позволяющую обеим сторонам нарастить совокупный потенциал, стать реальными акторами будущего глобального мироустройства.

Партнерство России и ЕС превращается в важный фактор их будущего социально-экономического развития и эффективного международного позиционирования. В этом контексте неспешность в формировании общих пространств России и ЕС – экономического, научно-образовательного и культурного, внутри- и внешнеполитического – уже в обозримой исторической перспективе чревата серьезными экономическими и политическими издержками как для России, так и для Евросоюза.

Прочные позиции ЕС в глобальной экономике и мировой политике в последние годы достаточно быстро подвергаются эрозии под воздействием внутренних процессов и растущей глобальной конкуренции. Совокупная экономика ЕС стагнирует на фоне оживления в экономиках США и Японии, не говоря уже о Китае, Индии и странах ЮВА. Заметно ослабевают позиции ЕС как мирового торгово-инвестиционного и финансово-банковского лидера. В мире происходит смена моделей промышленного развития. Южная Корея и Китай пытаются перейти к «инновационно-опережающему» типу развития. В Европе присутствуют элементы стагнации и оче-

видные тенденции деиндустриализации. В этом контексте возрастает потенциал России как минерально-сырьевой базы и устойчивого рынка сбыта продукции перерабатывающей промышленности ЕС. При этом стороны хорошо дополняют друг друга. Россия может способствовать переходу к реиндустриализации экономики ЕС. Кроме того, в последние годы усиливается роль России как источника инвестиций для ЕС. Российская экономика остро нуждается в передовых технологиях.

Европейский союз был и на обозримую перспективу останется ведущим торгово-инвестиционным и научно-технологическим партнером России. Развитие отношений такого масштаба и интенсивности с другими центрами роста глобальной экономики по объективным экономическим и политическим причинам либо невозможно (США) либо ограничено (Южная Корея, Китай и другие страны БРИКС). Это связано как с доминированием ЕС во внешних торговых и инвестиционно-производственных связях России и усилением роли российского рынка сбыта для слабеющей экономики ЕС, так и с географической близостью и развитой транспортно-инфраструктурной системой обслуживания взаимных связей. Россия в ближайшее десятилетие не сможет найти сопоставимых с ЕС альтернативных рынков сбыта энергоресурсов, металлов и других базовых экспортных товаров, а Евросоюз – не обеспечит масштабной альтернативы минерально-сырьевому импорту и основной части промышленного экспорта в Россию. Интенсификация сотрудничества (вплоть до объединения усилий) в ключевых секторах экономики позволят России и ЕС лучше подготовиться и отреагировать на новые глобальные тренды – вялотекущее замедление динамики и обострение конкуренции в мировой экономике. В этой связи ключевым элементом долгосрочных социально-экономических стратегий России и ЕС становится реализация новой модернизационной промышленной политики.

Что касается быстрорастущего Китая, то он неизбежно будет наращивать экономический отрыв от России и превращаться в «сильного партнера» в рамках диалога по широкому кругу политических и экономических проблем. Психологически российская элита к этому не готова. Поэтому подобная перспектива частью элиты уже воспринимается как вызов. На фоне растущей роли КНР в мировой экономике Россия парадоксальным образом может оказаться дистанцированной от США и Запада в экономическом и политическом смысле гораздо дальше, чем Китай. Это уменьшит конкурентные преимущества РФ и ослабит ее международные позиции.

Потенциал модернизационного взаимодействия России с КНР ограничен объективными экономическими и технологическими возможностями, однако имеет хорошую перспективу в ряде отраслей и регионах. Возможности модернизационного взаимодействия России с КНР затрагивают такие чувствительные сферы, как космос, авиастроение, мирный атом. Китайские официальные лица, в том числе на самом высоком уровне, неоднократно публично заявляли о готовности Китая поддерживать российскую модернизацию путем активного участия в высокотехнологичных проектах в России. На этом фоне объективно растет потребность в разработке Россией стратегии, синтезирующей приоритеты модернизации российской экономики и ее региональных комплексов с приоритетами внешнеэкономической дипломатии в отношении Китая.

Для успеха модернизации России важно понимать и что представляет собой глобальная инновационная система, какие там развиваются процессы и как мы можем вписаться в объективно сформировавшиеся глобальные тренды.

С последней трети XX века исследователями фиксируется регулируемый процесс вывода «второстепенных» функций в сфере производств и технологий – исключая науку – за пределы развитого мира. Это позволяет развитым странам сосредоточиться на наиболее передовых направлениях развития за счет грамотных логистических решений существенно снижая стоимость производств. Интернационали-

зируя и глобализируя свои инновационные системы, развитые страны получают дополнительные возможности роста за счет новых рынков и доступа к кадровым и материальным ресурсам развивающихся стран. В результате сложные технологические производства все больше проникают в развивающиеся страны. Начав с простых «отверточных» производств, уже в 1990-е годы «азиатские тигры» (Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Гонконг), затем Индия, Китай, а с 2000-х годов и новая когорта молодых экономик (Бразилия, Индонезия, Малайзия, Вьетнам и др.) заявили о себе как о значимой силе в сфере техники и технологий. Причем если изначально развивающиеся страны (прежде всего, Азиатско-Тихоокеанского региона) позиционировались как почти исключительно производители вспомогательного оборудования и компонентов, то теперь КНР и некоторые другие страны АТР превращаются в значимых производителей и экспортеров электроники, энергетических и авиакосмических систем, Индия – информационно-коммуникационных технологий, фармацевтических и биотехнологических продуктов.

Рост собственного научно-технологического потенциала развивающихся стран, появление в них центров компетенций глобального уровня привели к появлению глобальных компаний. Такие корпорации, как «Samsung», «LG», «Acer», «Huawei Technologies», «Asus», «Embraer» и др. превратились в настоящих мировых флагманов в соответствующих отраслях. На глазах растет и научный потенциал развивающихся стран – залог долгосрочного развития и возможности формирования технологического лидерства. Китай и в меньшей мере ряд других развивающихся стран становятся заметными центрами инновационной деятельности.

Россия на современном этапе находится в достаточно сложном положении. С сожалением приходится констатировать, что сохраняется тенденция закрепления ее роли как страны сырьевого профиля. Россия практически отсутствует на высокотехнологических рынках и на рынках, связанных с производством знания. При этом российское руководство демонстрирует, что стремится не столько вписаться в существующую глобальную инновационную систему, сколько найти некий свой путь технологического и инновационного роста и создать альтернативу существующей глобальной системе. Ситуация выглядит парадоксально. Россия в силу критического отставания по целому ряду параметров развития ведет работу над созданием сети технологических альянсов с ведущими развитыми странами и крупнейшими ТНК (от нефтедобычи до Сколково). Но конечная цель этого сотрудничества вступает в противоречие с существующими «правилами игры». Это делает проблематичным органичное встраивание России в глобальные научно-технологические процессы и изменение ее роли в глобальной системе НТП – а, значит, с учетом современных реалий, и в системе политических и экономических отношений. Россия фактически выпадает из глобального диалога по проблематике НТП. Влияние страны на формирование глобальных тенденций инновационного развития и принятие соответствующих решений уменьшается. В подобных обстоятельствах объективно растущее участие в глобальных процессах (а значит и все большая открытость для воздействия новых вызовов и угроз) может привести не столько к «модернизации», сколько к росту уязвимости нашей страны.

Долгое время умы отечественных исследователей занимала проблема дефицита ресурсов в мире. Однако в последние годы в мировой политике все более четко проявляется дефицит совсем не материального, но универсального по своей значимости ресурса – доверия. Доверия к основополагающим институтам и правилам игры, доверия основных мировых акторов к действиям и намерениям друг друга. В этом контексте Россия нередко создает на Западе противоречивое впечатление «ревизионистской державы», предлагающей изменить контекст мировой политики за счет ослабления позиций атлантических держав. На самом деле Москва, пусть и не

безоговорочно, принимает действующие правила игры – о чем говорит, например, вступление в ВТО и ряд последовательных шагов, направленных на интеграцию нашей страны в международные институты и структуры. Но в глазах западных элит это мало меняет общую картину. Принимая во внимание специфический и в целом ограниченный характер экономических связей России со странами Запада, решить существующие проблемы недоверия через рост взаимозависимости не удастся. Зависимость воспринимается обеими сторонами как бремя. Подобная ситуация априори предполагает создание неформальных международных режимов, снижающих возможность доступа России к технологиям, знаниям, рынкам и важным активам по целому ряду направлений, значимых для инновационного развития. Более того, серьезные ограничения накладываются и на стратегические инновационные альянсы с ТНК. Глубокие партнерства для российских компаний замыкаются на относительно узкой группе развивающихся стран. Однако проблема подобных партнерств в том, что развивающиеся страны готовы заплатить определенную цену за российские научные достижения и инновации (хотя здесь время от времени и возникают эксцессы нелегального производства и тому подобные конфликтные ситуации), но обеспечить приращение их качества не могут.

Улучшение ситуации, активизация ресурсов модернизации в нашей стране возможны. И внешней политике принадлежит здесь важная роль. Реалистичным ответом на существующие вызовы представляется переориентация дипломатии на приоритетное решение задач экономического и инновационного развития. Необходимо сосредоточиться на маркетинге инноваций и открытии рынков, стратегических политико-экономических разменах (по типу «доступ к российским ресурсам в обмен на технологии»). Развитые страны должны начать воспринимать Россию, выражаясь языком американских политологов, «как часть решения, а не часть проблемы» при разрешении международных кризисов и конфликтов. Только при таком условии различные варианты «модернизационных партнерств» могут стать реальностью.

Никто не призывает при этом игнорировать вопросы безопасности или способность отстаивать собственное видение решения тех или иных международных проблем. Однако решая имиджевые, политические и иные вопросы нужно отдавать себе отчет в том, что ключевой стратегической задачей является развитие научно-инновационного, производственного и кадрового потенциала страны. Решение всех прочих задач в современных условиях станет возможным только вследствие успеха на этом принципиальном направлении.

Подводя некоторые итоги исследованию внешнеполитических ресурсов модернизации России, необходимо отметить, что внешняя политика является дополнительным инструментом стратегии модернизации и инновационного развития страны. Она может придать дополнительный импульс социально-экономическим реформам, но не в состоянии их заменить. Ясная внешнеполитическая стратегия должна быть синхронизирована с внутренними преобразованиями. Для успеха модернизационных проектов требуются соразмерность внешних амбиций с внутренними возможностями. Но необходимы и адекватные внутренние условия: политическая воля элит, базирующаяся на общественном диалоге; ясные долгосрочные цели развития; предпринимательская инициатива, которую государство должно не подавлять, а поддерживать и учитывать при выборе и решении стратегических задач; соотнесение двухсторонних отношений с перспективными региональными и глобальными процессами. В противном случае самая выверенная и научно-обоснованная «модернизационно-инновационная» внешняя политика может быть сведена «на нет» отсутствием возможности эффективного использования ее результатов.